

*В переводе
Михаила Емельянова*

ТРИ РАНЫ

ПАЛОМА
САНЧЕС-ГАРНИКА

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

БЕСТ
СЕЛЛЕР
ИСПАНИИ

Палома Санчес-Гарника

Три раны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72986342

ТРИ РАНЫ:

ISBN 9785005806567

Аннотация

Писатель Эрнесто, вечно ищущий вдохновения, приобретает на блошином рынке металлическую коробочку, в которой обнаруживает несколько писем, перехваченных бечевкой, и фотографию молодой пары у фонтана с подписью: «Мерседес и Андрес, Мостолес, 19 июля 1936 года».

История возлюбленных, разлученных войной, разворачивается перед Эрнесто как на ладони. Став невольным свидетелем трех ран, от которых пострадали многие в то время, — любви, жизни и смерти — он наконец готов написать великий роман.

«Три раны» — это эпохальный исторический роман о том, ради чего можно жить и умереть.

Содержание

Почему эта книга называется «Три раны»?	7
Когда все это закончится...	9
Глава 1	46
Глава 2	72
Глава 3	90
Глава 4	119
Глава 5	174
Глава 6	190
Глава 7	202
Глава 8	214
Конец ознакомительного фрагмента.	225

Палома Санчес-Гарника

Три раны

Главный редактор *Анастасия Завозова*

Издатель *Ирина Рябцова*

Заместитель главного редактора *Дарья Горянина*

Литературный редактор *Кирилл Корконосенко*

Руководитель производственного отдела аудиокниг *Марина Михайлова*

Директор по маркетингу *Алёна Колесова*

Арт-директор *Юлия Чернова*

Шеф-редактор *Елизавета Радчук*

Бренд-менеджер *Карина Фазлыева*

Художественный редактор *Анастасия Родненкова*

Корректоры *Анна Гасюкова, Ирина Иванова, Алевтина Пароева*

© Paloma Sánchez-Garnica, 2012

© Емельянов М., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Эвербук», Издательство «Дом историй», 2025

© Макет, верстка. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2025

Маноло, с благодарностью за всё и за столькое

*Она нанесла три раны:
боль любви,
рану смерти
и жизни.
Три раны она берedit:
рану жизни,
любви,
рану смерти.
Три раны в сердце моем:
это жизнь,
это смерть
и любовь¹.*

Мигель Эрнандес

*Если тебя я
вдруг потеряю...
Я под землю,
мрачной землю
моего тела
встречусь с тобою².*

¹ Перевод Е. С. Гончаренко. – Здесь и далее, если не указано иное, прим. перев.

² Перевод Е. С. Гончаренко.

Мигель Эрнандес

Почему эта книга называется «Три раны»?

В названии «Три раны» содержится отсылка к одноименному стихотворению Мигеля Эрнандеса. Меня всегда поражало, сколько и с каким чувством можно сказать столь малым числом слов.

Три короткие строфы, в которых в разном порядке тасуются три слова, три раны: любви, жизни и смерти. И единственная подсказка, задающая тон каждой строфе: «...нанесла», «...бередит» и «...в сердце моем». Поэт с болью говорит о своих чувствах, о том, как отзывалась в нем братоубийственная война. Как и многие испанцы, он убежден, что, если бы не война, его жизнь не оказалась бы разодранной в клочья, не было бы разлуки с любимыми, с родней. Если бы не война, он никогда не изведal бы ужаса потери первенца, его второй ребенок не был бы вынужден мучиться от голода, а сам он не столкнулся бы с чудовищной несправедливостью тюрьмы и не погиб от злополучной болезни. Смерть Эрнандеса стала еще одной глубокой раной для его вдовы и наполовину осиротевшего сына, лишившихся, подобно многим другим, овдовевшим и осиротевшим, отцовской, материнской, сыновней, супружеской или дружеской любви и поддержки. Они выжили, но были обречены неспра-

ведливой преждевременной смертью своих близких на совершенно иную, новую жизнь.

Война глубоко изранила жизни многих ни в чем не повинных людей, растоптала их настоящее и будущее, планы, мечты и стремления. Убила любовь: люди погибали, пропадали без вести, эмигрировали, исчезали из памяти. Злосчастная война привела с собой незваную безвременную смерть. Она пришла, когда еще оставалось столько сил, чтобы дышать, чтобы отдавать и принимать, и нанесла смертельную рану и тем, кто пал, и прежде всего тем, кто остался, обрекла их до конца дней оплакивать предательскую смерть, лишившую их жизни и любви.

Когда все это закончится...

Вокруг было слишком темно, чтобы разглядеть что-то на фотографии, но Андрес Абад Родригес помнил ее в мельчайших подробностях: Мерседес Манрике Санчес стоит у фонтана «Рыбы». На ней короткое светлое платье (в красный цветочек, но на фотографии цветы получились темно-серыми) с маленьким кружевным воротничком и вставкой от груди книзу для уже слегка округлившегося животика. Девушка застенчиво смотрит в фотоаппарат, рука уперта в бедро, голова склонена набок, а на лице – счастливая и спокойная улыбка человека, не ведающего о нависшей над ним буре. Старый фотоаппарат-гармошка подарил Андресу возможность сберечь этот образ, поддерживавший в нем жизнь на протяжении двух с половиной лет ада. Он нежно и очень бережно погладил фотографию и закрыл глаза, представляя себе Мерседес. Его постоянно терзали голод, жажда и усталость, но именно ее отсутствие причиняло действительно непереносимую боль, усугублявшуюся абсолютным неведением того, что происходит с ней и его ребенком, которого Андрес никогда не видел. Он даже не знал, мальчик ли это, как он всегда мечтал, или девочка, как хотела она.

Три месяца назад их перевели из Нуэво-Бастана (где они два года тянули недостроенную железнодорожную ветку, копали бесполезные окопы и никому не нужные брустверы) в

старый заброшенный профилакторий близ Лас-Росас, неподалеку от дороги на Ла-Корунью и подконтрольной мятежникам территории. Изначально в приказе говорилось о переводе всего батальона в Навасерраду, но, когда они вышли к шоссе, их загнали в это неприглядное место вдали от цивилизации. Дни проходили в безделье, из-за чего время тянулось невыносимо медленно. Неприкаянность и скука, заставлявшие проводить часы в бесплодных раздумьях, изматывали куда больше, чем изнурительный труд, за которым следовала ночь беспробудного сна. Неудачи республиканцев на фронте становились отчетливее с каждым днем, среди ополчения начинало зреть недовольство. Хотя официальных подтверждений не было (по крайней мере, им об этом никто не сообщал), ходили слухи, что Барселона пала, практически не оказав сопротивления, что националисты победным маршем шли по Каталонии и что сотни тысяч республиканцев самого разного толка бежали к границе с Францией. Ну а пока решалась судьба победы в чуждой ему войне, Андрес уже больше двух лет, страдая от голода, невыносимой жары и холода, вкалывал на принудительных работах во благо Республики, как говорили их конвоиры. Он постоянно думал о побеге из этого ада, но не мог решиться, потому что его спасение означало бы неминуемую смерть для его брата и еще одного вечно несчастного малого по имени Кандидо Касас. И все же за два месяца на новом месте он смог сориентироваться в округе и знал, что находится достаточно близко от

Мостолеса, чтобы рискнуть. Если идти всю ночь и вернуться на рассвете, хватит времени, чтобы повидаться с Мерседес, пусть хотя бы всего на мгновение, и увидеть ребенка, о котором Андрес не переставал думать: это существо выбрало самый неудачный момент, чтобы прийти в этот мир. Он все тщательно спланировал. Если выйти после вечерней поверки, когда все будут спать, и идти до утра, можно вернуться до утреннего построения. Он крутил в голове не раз хоженные, хорошо известные ему тропы. Десятки раз он пробирался от Мостолеса до Лас-Росас на крупе своей мулицы Кордобесы. Выехав на рассвете, он уже к полудню был на месте, и это несмотря на то, что животное шло невероятно медленно и неохотно. Так что, если поторопиться, можно уложиться в пять часов и вернуться до переключки. К тому же завтра воскресенье, а по воскресеньям построение проводили позже. Отсутствие Мерседес терзало его, и только мысль о возможном свидании смягчала эту боль. Он хотел обнять ее хоть на мгновение – этого было достаточно, чтобы вернуться и вынести все последующие испытания.

Несмотря на все риски, Андрес полагал, что справится. Охранники на новом месте были не такие бдительные, их, казалось, больше занимала собственная судьба, чем вверенные их попечению заключенные. Андрес не хотел делиться планами с братом, зная, что тот попытается отговорить его. Клементе был на три года старше и всегда считал своим долгом защищать Андреса. Призывал к терпению, когда отчая-

ние и слезы бессилия наполняли глаза Андреса, уставшего на протяжении долгих тридцати месяцев каждый день ждать смерти, жить одним днем, одной неделей.

— Когда все это закончится, мы вернемся домой, и ты снова увидишь Мерседес, своего ребенка, а я смогу обнять Фунсислу и буду рассказывать сказки моим детям, водить их к Роману смотреть на лошадей. Все будет как раньше.

— Когда все это закончится... — бормотал Андрес, потерянно и отчаянно повторяя за братом... — Когда все это закончится...

— Мы должны бороться, Андрес, должны выжить... Все будет как раньше...

Клементе умолкал, потому что слова застревали у него в горле. Все знали, что эта долгая и абсурдная война навсегда изменила тех, кому удалось в ней выжить.

Андрес Абад лежал на неудобной, грязной и вонючей койке, прижимая фотографию ладонью к груди, и терпеливо выжидал подходящего для побега момента. Он поднял голову и огляделся. Все, казалось, спали: сто с лишним мужчин лежали, нарушая ночную тишину храпом, кашлем, хрипом и шумом выпускаемых газов. Их сон не был спокойным, он лишь избавлял на время от накопившейся усталости, резей в желудке и бесконечного ожидания, составлявших теперь их жизнь. Андрес убрал фотографию Мерседес под одежду и медленно приподнялся, стараясь не скрипеть ржавыми пружинами под тощим матрасом. Сев, еще раз окинул взглядом

огромный зал с высокими облупленными стенами, покрытыми потеками влаги. Через большие окна без стекол, кое-где заткнутые картоном и одеялами, сочился ледяной воздух. Десятки железных коек стояли рядами, плотно прижавшись друг к другу, между ними оставался узенький проход, по которому едва можно было протиснуться. Медленно поднявшись, он собрался сделать первый шаг и тут же почувствовал, как его схватили за руку.

– Куда собрался?

Клементе крепко вцепился в него, словно догадываясь о его намерениях.

– Отлить.

Он почти не видел лица брата, но чувствовал его недовольство.

– Я быстро... – пробормотал он, пытаясь вырваться, но Клементе схватил его еще крепче.

– Андрес, предупреждаю тебя, не вздумай делать того, о чем потом пожалеешь...

Тяжелые уверенные слова брата вонзились в грудь подобно ножу. Хватка пальцев на запястье постепенно ослабла, и он снова оказался свободен. Двое мужчин смотрели друг на друга в душном густом полумраке, в мертвой и горькой тишине, словно прощаясь. Сердце Андреса разрывалось.

Клементе вытянулся и повернулся к нему спиной. Только тогда Андрес начал пробираться к выходу, выискивая между кроватями место, куда наступить. Койки стояли так тесно,

что он ободрал себе ногу. Добравшись до окна, он, несмотря на сильный холод, весь взмок и тяжело дышал. Опершись спиной на стену, Андреас постарался успокоиться. Судя по всему, никто не обратил внимания на его ночные хождения по бараку. Взяв себя в руки, он осторожно выглянул на улицу и посмотрел по сторонам. На небе не было ни облачка, туман, на протяжении нескольких дней укрывавший окрестности беловатой непроницаемой дымкой, развеялся. Свет полной луны мягко освещал местность вокруг импровизированной тюрьмы. Охраны не было. Андреас выпрыгнул наружу и, приземлившись, почувствовал, как что-то острое вонзилось ему в пятку. Ему пришлось прикусить губу, чтобы не закричать. Напрягшись всем телом, он медленно выдохнул, выгоняя резкую боль вместе с воздухом из легких. Беглец спрятался в кустах и тихо ощупал свою ногу. Из раны уже начала сочиться кровь. Оторвав кусок рубашки, он использовал его вместо бинта. Надел альпаргаты³ и отправился в путь. Вдалеке слышались голоса тюремщиков. Прихрамывая, он осторожно проскользнул вдоль стены и высунулся, чтобы взглянуть на пост охраны. Все было спокойно. Андреас пригнулся, пошел вперед и, только когда удостоверился, что никто его не увидит, выпрямился и посмотрел на небо, чтобы сориентироваться. Ему нужно было идти на юг. Он отлично знал все дороги, но предпочел не пользоваться ими, а идти гора-

³ Обувь испанских крестьян и простолюдинов, сделанная из джутовой веревки и ткани.

ми, определяя путь по звездам. В детстве отец учил его, как не заблудиться, и всегда говорил, что ночью нужно сначала глядеть на небо, а потом – под ноги. Андрес шел легким ровным шагом, чтобы не устать раньше времени и сберечь силы на обратную дорогу. Холод словно хлыстом стегал его изнуренное тело. Чтобы хоть немного согреться, он обхватил себя руками. Пятка болела каждый раз, когда он опускал ногу, тонкая веревочная подошва альпаргат почти не защищала от камней. Он старался об этом не думать. Безжалостные последние месяцы, в течение которых ему каждый день приходилось перебарывать боль, научили хорошо контролировать это неприятное чувство.

Примерно через километр он вышел к дороге на Ла-Корунию. Дальше следовало двигаться максимально осторожно. Он знал, что националисты держат это направление под контролем и перекрыли движение на Мадрид, поэтому опасность натолкнуться на патруль была очень высока. И все же, чтобы продолжить путь, нужно было перейти на другую сторону. Он внимательно прислушался, все было спокойно. Сжавшись, подобно испуганному животному, осторожно скользнул вперед под звуки часто бьющегося сердца, боясь в любой момент услышать щелчок взводимого курка, окрик или свист пули. Оказавшись на противоположной обочине, бросился на землю, чтобы восстановить перехваченное страхом дыхание. Тишина оставалась его единственным спутником. Оглянувшись назад на пройденный путь и не смог пове-

ритель, что дорога казалась ему такой широкой. Затем решительно повернулся и отправился к цели, выискивая наиболее подходящие тропки и не теряя из вида горизонт, слушая, как хрустят ветки под его ногами, как шумит воздух в его груди, чувствуя на лице теплый пар, вырывающийся изо рта, и обходя в ночной мгле подозрительные источники шума.

Спустя несколько часов одинокого продвижения вперед Андрес увидел, как из ночного полумрака перед ним величественно выступает силуэт замка Вильявисьоса. До места оставалось чуть менее часа. Он поддал ходу, подгоняемый желанием дойти до дома и снова увидеть Мерседес. Усталость давала о себе знать, икры гудели от долгой работы, тело одеревенело от холода. Но сильнее всего донимала жажда: язык прилип к небу, горло пересохло.

Слева возникло здание железнодорожной станции Мостолес. Село казалось вымершим, погруженным в гробовую тишину. Он прошел по улице Сото, пересек Кристо, вышел на дорогу к казино и, наконец, добрался до церковной площади. Сбавляя шаг, приблизился к дверям своего дома. Его раздирали противоречивые чувства, разжигавшие внутреннее беспокойство: с одной стороны, он мечтал обнять Мерседес, вдохнуть запах ее волос, коснуться ее кожи, с другой – сам не понимая почему, боялся не найти вообще никого или обнаружить, что случилось что-то тяжелое и непоправимое.

Улица Иглесиа была узкой. Подойдя к двери, он почувствовал, что что-то не так. Не постучав, он положил руку

на доски, толкнул и, к своему удивлению, увидел, как дверь с пронзительным и жалобным скрипом открывается. С тревожным сердцем он шагнул вперед, и под ногами захрустело стекло. Присмотревшись, он увидел в смутном полумраке, что весь пол завален обломками и мусором. Пройти дальше не получилось. Дрожащим голосом он позвал Мерседес, но ответом ему была болезненная тишина. Поднял глаза, и душа его рухнула вниз: крыши не было, на ее месте зиял провал, сквозь который светили звезды. В тени виднелись разбитые деревянные балки. В панике, качаясь, Андрес вышел из дома, часто дыша. Растерянно и испуганно он заозирался по сторонам и подумал о своем дяде Маноло. Уже не заботясь о том, что кто-то может увидеть его, он побежал. Добравшись до дороги на Лас-Вакас, остановился, молясь, чтобы дом его дяди не оказался разрушенным. Увидев, что тот цел, задышал спокойнее. Вернулся назад той же самой дорогой, вскарабкался на каменную стену, отгораживавшую двор, и спрыгнул внутрь. Рана на ноге ныла так, словно в нее вонзили раскаленный гвоздь. Андрес застыл на мгновение, прислушиваясь, не шумит ли где, но вокруг царила ночная тишина. Втянул носом запах сена и вздрогнул, захваченный воспоминаниями о прошлом, которое казалось таким далеким. Словно вечность прошла с тех пор, как он последний раз был в этом месте. Он пересек двор и подошел к двери на кухню. Обхватил ручку, хотел повернуть, и тут же почувствовал, как в затылок уперлось холодное железо.

– Ну и куда ты лезешь?

Узнав голос дяди Маноло, Андрес облегченно сглотнул слюну.

– Это я... – пробормотал он дрожащим голосом, не двигнув ни мускулом, чтобы не схлопотать пулю. – Дядя, это я, твой племянник... Андрес...

– Боже правый...

Давящий на затылок холод исчез, и Андрес медленно обернулся, различив в полумраке смутный силуэт дяди с ружьем в руках.

– Боже правый, – повторил старик. – Я уж думал, ты...

Андрес нервно перебил его.

– У нас все в порядке. Клементе со мной...

Старый Маноло оглянулся, пытаясь увидеть второго племянника.

– Нет, не здесь, – уточнил Андрес.

– А где же?

– Сначала нас определили под Бастан, там мы строили железную дорогу в Валенсию. А два месяца назад перевели в одно место неподалеку от Лас-Росас, где мы и торчим без дела в старом профилактории в горах. Фермин Санчес тоже с нами.

– Фермин жив?

Старый Маноло улыбнулся. Фермин Санчес был его другом. Его арестовали семь месяцев назад, когда он пытался пробраться в Мадрид с мешком муки для своих жены и сына,

квартировавших у одной из своячениц близ моста Принсеса.

– Боже правый, какие хорошие новости... Когда он не вернулся, я уж боялся худшего... Думал, что он мертв.

Андрес опустил взгляд в пол и глупо улыбнулся.

– Да... Ну пока что мы все выживаем, как можем.

– А ты что, сбежал?

– Да, но я должен вернуться до утренней переклички.

Двое мужчин говорили шепотом, вдруг рядом раздался лай собаки, заставивший их вздрогнуть. Дядя Маноло взял племянника за руку и открыл дверь на кухню.

– Заходи. Ты, наверное, голоден.

Андрес медленно вошел внутрь, впервые за долгое время ощутив себя дома. Глубоко вдохнул, наслаждаясь знакомым запахом. Кухня была погружена в мягкий полумрак, разбавленный лишь просачивавшимся через окно отсветом луны. Кухонная утварь и мебель были на своих местах, все осталось так, как он помнил: справа под окном вплотную к стене стояли выкрашенный зеленой краской деревянный стол и три плетеных стула. Напротив располагался очаг, а над ним – огромный белый дымоход. Раньше здесь всегда горел огонь, но сейчас он погас и очаг казался глубокой черной дырой. На изгибе дымохода, как на полке, выстроилась по размеру батарея кастрюль, полдюжины облупившихся фаянсовых тарелок, стаканы и две сковороды, огромная и маленькая, зацепленные за два железных крюка.

– Пойду принесу дров и разожгу огонь, чтобы ты немного

согрелся, – сказал старик, удивительно легко перемещаясь в темноте. – Дрова теперь на вес золота, поэтому приходится их прятать.

– Не нужно, дядя. У меня почти нет времени, я скоро уйду. Дай мне попить, пожалуйста, я умираю от жажды.

Старик на мгновение остановился и посмотрел сквозь полумрак на племянника. Зажег свечу, стоявшую в подсвечнике на столе, и затворил ставни, чтобы никто с улицы не смог их увидеть. При свете дрожащего огонька глаза двух мужчин встретились, обнажив страдания, перенесенные за месяцы голода и нищеты.

– Сядь.

– Я очень хочу пить, – настойчиво повторил Андрес.

Старик поставил на стол стеклянную бутылку, на четверть наполненную вином.

– Выпей немного, это то, что тебе нужно. А я схожу принесу воды из колодца.

Андрес взял бутылку, вытащил пробку, отхлебнул и тут же почувствовал, как загорелись огнем ранки у него во рту. С трудом проглотив вино, он тяжело задышал, пытаясь умерить жжение.

– Что стряслось? Неужто ты разучился пить вино?

– Рот весь горит.

Старик вышел во двор и, немного спустя, вернулся с полным кувшином воды. Андрес схватил его и начал жадно пить. Когда он закончил, на столе уже стояла тарелка с го-

рой фасоли и картошки. Он уставился на нее непонимающим взглядом, словно не в силах поверить своим глазам.

– Давай, ешь, – подтолкнул его старый Маноло. – Еда холодная, но не думаю, что тебя это остановит.

Андрес проглотил две тарелки фасоли, намазал сала на кусок белого хлеба, съел сыра и айвового варенья. Пока он набивал живот, никто не произнес ни слова. Андрес был не в состоянии думать ни о чем, кроме своего голода. Старый Маноло удовлетворенно смотрел на него.

В какой-то момент Андрес почувствовал, что его желудок сейчас лопнет. Поморщившись от боли, он откинулся на стуле.

– Все? – спросил его старик, скупно улыбнувшись и подняв брови.

– Видит Бог, я больше не могу. Сейчас лопну.

– Вам, наверно, крепко досталось.

– Ты даже не представляешь себе, насколько...

– Здесь тебе нечего бояться. Можешь отсидеться в погребу...

– Я уже сказал тебе, что должен вернуться.

– Ты что, на самом деле собираешься обратно? С ума сошел? Сбежал из тюрьмы и снова хочешь под замок?

– Если я этого не сделаю, завтра они убьют Клемента и одного шестнадцатилетнего паренька. Я не могу остаться.

Голос Андреса был исполнен такой решимости, что старик умолк. После непродолжительной тяжелой тишины Ан-

дрес со стоном продолжил.

– Они хорошо придумали, как сделать так, чтобы никто не убежал. Если при проверке кого-то недостает, они убивают предыдущего и следующего по списку.

– Тогда зачем ты здесь? Чего ради так рисковать?

– Я ходил в дом Николасы.

Старик удивленно поднял брови.

– Туда же не войти. Бомба... – и он замолк, не в состоянии подобрать нужные слова. – Сначала одни пытались выбить других, потом другие – этих, и все вместе разнесли полсела по камешку.

– Где Мерседес, что с моей женой?

Маноло помрачнел и опустил глаза к черному провалу очага.

– Через несколько дней после того, как вас забрали, они с Николасой уехали в Мадрид. Здесь было небезопасно.

– В Мадрид? Куда?

– Дон Онорио пристроил их в дом одного знакомого врача.

– Они в порядке?

Старик растерянно пожал плечами.

– От нее не было новостей уже несколько месяцев, Андрес, я не знаю, жива она или мертва.

– А мой сын... или моя дочь? – жадно спросил он. – Ему или ей сейчас должно быть больше двух лет...

Маноло сухо оборвал его.

– Ребенок родился мертвым.

Звонящая, наполненная болью тишина оборвала мысли Андреса. Старик цедил слова мучительно медленно:

– Твоя теща, сеньора Николаса, погибла вскоре после переезда в Мадрид. Ее застрелили, когда она стояла в очереди за едой.

Отрешенная холодность старика наполняла его слова молчаливой тенью тоски.

– Бедняжка Мерседес, – пробормотал Андрес в отчаянии и зарылся лицом в ладони. – Если бы только я мог быть рядом.

– Андрес... твоя мать...

Дядя Маноло нерешительно замолчал на мгновение. Андрес встрепенулся, увидев в его глазах боль. Он решил не ходить к матери – слишком дорого бы стоило убедить ее, что он должен вернуться в тюрьму, – и хотел ограничиться простой весточкой, что у него с братом все в порядке и что скоро они живыми и здоровыми вернутся домой.

– Что с ней? – спросил он дрожащим голосом. – Где она?

– Она умерла... Почти год назад.

Андрес почувствовал, как к горлу поднимается горький комок. Сглотнул слюну и попытался сдержать рвавшиеся наружу злые слезы. Потом замер, глядя на сухую сморщенную кожу старика, так напоминавшую ему кожу матери. Он узнал рубашку и пиджак своего отца: когда тот умер, мать отдала сохранившиеся вещи дяде, чтобы Маноло их носил. Ворот

рубашки был слишком большим, потому что дядя был ниже и худее отца, и мать тогда несколько дней укорачивала рукава и подшивала штаны. Прошло уже десять лет, но Андрес как сейчас помнил, как в дверь их дома постучали и мать велела ему открыть. Двое мужчин впились в него глазами. За ними нервно переминалась Кордобеса. И тут он увидел тело отца, привязанное к крупу мула. Его голова безвольно повисла, руки упали к земле, ноги окоченели. Они сказали, что отец рухнул, как подкошенный, прямо в поле. Вдова оплакивала его очень долго. Снова улыбаться она начала только к свадьбе Клементе и Фуэнсислы. Появление первых внуков наполнило ее энергией, а свадьба Андреса и Мерседес придала еще больше сил. А потом из нее разом вырвали всю радость жизни, забрав обоих сыновей неизвестно куда.

– Как это случилось?

Старый Маноло пожал плечами.

– Когда она узнала, что вас с Клементе забрали, разом заболела и слегла. Почти ничего не ела, очень похудела и стала похожа на скелет. И плакала, – он поднял брови и покачал головой, – много плакала. Потом глаза ее пересохли, и сама она высохла. В октябре тридцать шестого всех женщин села эвакуировали, но она не захотела уезжать. Мы три дня прятались в погребе, пока не пришли националисты и мы не смогли вернуться домой. Я предлагал ей поселиться со мной, пока все не кончится, но она не хотела, ты же знаешь, какой она была упрямой. Говорила, что должна быть дома на слу-

чай, если вы вернетесь. Целыми днями сидела на пороге, не замечая ни собачьего холода, ни адской жары. Почти не спала, все боялась вас не услышать.

Дядя Маноло надолго замолк, глядя в пустоту, затем поднял лицо и посмотрел прямо Андресу в глаза.

– Однажды я нашел ее мертвой. Ее похоронили рядом с твоим отцом, как она и хотела.

Чувство одиночества сдавило грудь Андресу. Он вдруг понял, что никогда не увидит ребенка, о котором грезил все эти месяцы. «Быть может, он почувствовал, что мир, в который он пришел, слишком ужасен, чтобы в нем жить», – подумалось ему. Андрес не стал отцом и перестал быть сыном, лишившись матери. Он задумался о том, как стойко его мать переносила тяготы войны, не жалуясь на здоровье. О том, как нескончаемое сумасшествие разделяет семьи и сеет смерть от бомб, голода и невыносимой тоски по близким.

Помолчав, Андрес решил еще раз уточнить, куда именно уехала Мерседес.

– Где мне искать Мерседес?

Дядя Маноло немного растерянно посмотрел на него.

– Знаю только, что она жила на улице Хенераль-Мартинес-Кампос, но там ли она еще? Слишком много времени прошло, слишком много всего случилось. Все могло измениться. Когда все закончится, ты сможешь...

Андрес с силой ударил по столу, да так, что зазвенела посуда. Старик, подняв брови, замолк, впрочем, эта вспышка

его не удивила.

– Вечно одно и то же... Когда все это закончится... Когда все это закончится... – бормотал Андрес с отчаянием. – Это никогда не закончится... никогда...

Желудок Андреса пронзила резкая боль. Спазм был такой сильный, что он со стоном согнулся пополам.

– Что с тобой?

– У меня болит...

Не закончив фразы, он зажал рукой рот и выпрямился. Но, сделав два шага, снова согнулся дугой, и его стошнило. Старик придержал Андреса за пояс, чтобы тот не упал на пол. С каждой судорогой его напряженное тело изгибалось и с ревом изрыгало из себя все съеденное.

Наконец, полностью опустошив желудок, он обмяк на руках у старика.

– Ты не сможешь вернуться обратно в таком состоянии.

Он усадил его на стул.

– Я должен идти... – прошептал Андрес, пытаясь восстановить дыхание. – Я не могу их бросить... Не смогу жить с этим на совести... Не смогу...

Слезы душили его, из горла рвался горький стон. Он испугался, что не успеет вовремя, чтобы не дать умереть своему брату и другому несчастному. Его побег оказался никому не нужной дурацкой затеей. Он надеялся обрести надежду, чтобы жить дальше, а столкнулся с ужасающей реальностью смерти и отчаяния. Он так и не выяснил, что происходит с

Мерседес, узнав только, что она в Мадриде одна, без ребенка, которого он никогда не узнает, без матери. Одна в осажденном городе под обстрелами, без еды, среди бесчисленного множества горестей и бед.

Маноло тяжело повторил:

– В таком состоянии ты никуда не дойдешь.

– Я должен дойти!

Его покрасневшие глаза впились в лицо старика. Тот молча посмотрел в ответ и пробормотал:

– Мысль прийти сюда была сумасшествием...

Андрес раздавленно промочил рот глотком воды и поднялся на ноги, но, наступив на пятку, тут же испустил стон.

– Что с тобой? У тебя идет кровь.

– Ничего страшного, просто порез.

– Дай посмотрю.

Дядя заставил его сесть и снял пропитавшуюся кровью альпаргату. Затем взял свечку и поставил на пол. Убрал с пятки грязную окровавленную тряпку.

– Смотрится неважно, Андрес.

– Не бери в голову, заживет, бывало и хуже.

– Посиди, я обработаю и перевяжу рану...

Андрес оборвал его и убрал ногу.

– Брось, дядя, у меня нет времени, мне нужно идти.

Старик посмотрел на него, скривив рот.

– Ты же знаешь, как говорят хорошие тореадоры: «Спеши, да не торопись». Если ты действительно хочешь добраться

до места, дай мне обработать рану.

Он поднялся, вышел с кухни и почти сразу же вернулся с бинтом и бутылкой.

– Это орухо⁴, будет жечь, но заживет быстро.

Открыв бутылку, старик крепко схватил ногу за лодыжку и полил рану. Было так больно, что Андрес почувствовал, что теряет сознание.

– Потерпи немного, скоро это место потеряет чувствительность и боль пройдет, – ловко наложив повязку, дядя дал ему шерстяные носки и другую пару обуви, поновее и лучше.

Андрес поднялся и осторожно оперся на ногу под внимательным взглядом дяди.

– Лучше?

Андрес кивнул. Старик расстроено вздохнул, жалея, что не в силах сделать для племянника что-нибудь еще.

– Вот, возьми, здесь одежда и кое-что из еды. Проследи, чтобы Клементе не налегал на нее так же, как ты, чтобы не переводить зря продукты.

Оба посмотрели на покрытый рвотными массами пол.

– Жаль, что так вышло...

– А мне-то как жаль, – согласился старик, – ни тебе на пользу не пошло, ни мне.

– Я должен идти, – произнес Андрес сломленно. – Дядя, если все это закончится плохо... Если со мной что-то про-

⁴ Виноградный самогон.

изойдет, ты обещаешь позаботиться о ней?

Старик серьезно посмотрел на него.

– Постарайся, чтобы тебя не убили. Ты дотянул до сегодняшнего дня. Осталось чуть-чуть. Это не может продлиться долго.

Затем он открыл дверь, и Андрес едва слышно поблагодарил его.

– До рассвета еще шесть часов, – произнес старик, глядя на звездное небо. – Беги, спасай жизнь своего брата и этого паренька. Давай.

Андрес бросился в поле, думая только о том, что должен успеть. Желудок болел, голова раскалывалась, рана горела огнем. После того, как его стошнило, жажда снова стала нестерпимой.

Силы его были почти на исходе, когда вдали показался силуэт здания профилактория, временно превращенного в тюрьму. Рассвет наступил полчаса назад. Кончик носа и уши Андреса замерзли так, что он их не чувствовал. Наверняка отморозил, потом начнутся зуд и жжение. Но это потом, а сейчас главное – успеть до переклички. «Сегодня воскресенье, – повторял он про себя, наблюдая, как на горизонте медленно встает зимнее солнце. – Даже тюремщики по воскресеньям спят дольше, чем в другие дни». Приблизившись к аллее, скрывавшей его от охранников, он внезапно услышал вдалеке выстрел. Остановился, скованный страхом. Внимательно прислушался. Услышав еще два выстрела, понял, что

стреляют не в него, и бросился бежать. Поднялся по склону под окнами барака. Дыхание сбилось, нога сильно бодела. Он заглянул в окно, через которое выбрался прошлой ночью. Койки стояли пустыми. Услышав гул толпы, понял, что все во дворе. Прежде чем Андрес успел что-то предпринять, послышались новые выстрелы, сухие и резкие хлопки, и воцарилась пугающая тишина. Забравшись внутрь, он пересек зал, прыгая по койкам, и вышел в коридор, где оказалось человек сто. Одни стояли, опершись о стену, другие сидели на полу. Потерянный взгляд, отрешенное отчаяние. Через большие окна виднелись остальные заключенные, хаотично кучковавшиеся в большом центральном дворе, окаймленном четырьмя зданиями профилактория.

Андрес потряс головой.

– Перекличка уже была?

Мужчина лет тридцати, сидевший на полу с прилипшей к губам самокруткой, равнодушно ответил:

– Сегодня переклички не будет.

– Я слышал выстрелы. Что происходит?

– А где ты был все это время? – спросил его другой заключенный с подозрением.

Но Андрес лишь мельком взглянул на него и снова повернулся к первому говорившему.

– Что происходит?

Тот поднял голову, взял в пальцы самокрутку и выдохнул дым. Непроницаемое лицо, усталый голос.

– Выводка. Этим гадам осталось всего ничего, и они хотят умереть, убивая.

– Выводка?

Андрес растерянно замер. Он знал значение этого слова от других заключенных, которым довелось посидеть в мадридских тюрьмах, прежде чем их перевели в это странное место. Обычно «выводка» происходила среди ночи: тех, кому не посчастливилось, забирали из камер, и никто больше их никогда не видел. За месяцы, проведенные в горах близ Тахуны, с ними ни разу не было ничего подобного. Они полагали, что прогулки в один конец не практиковались, потому что все заключенные были нужны как рабочая сила.

– К чему устраивать это сейчас?

Никто не ответил. Он подошел к двери во двор, но десятки людей, сгрудившихся на пути, мешали пройти дальше и не давали рассмотреть, что происходит. Андрес повернулся к первому из говоривших, словно никто больше не мог ответить ему.

– Ты знаешь, кому... кому не повезло?

Человек с усталым лицом только пожал плечами и отрицательно покачал головой.

– Какая разница? Главное, что сегодня, по крайней мере, это не мы.

Нужно было отыскать Клементе. Расталкивая толпу, Андрес протиснулся вперед, жадно выискивая лицо брата среди мириады осунувшихся и грязных лиц, сведенных време-

нем к одному знаменателю. Прозвучало еще три выстрела, и тут же, словно рефлексивно, все взволнованно обернулись на звук и настороженно замерли. Вдалеке были слышны голоса, крики страха, парализующего ужаса встречи лицом к лицу со смертью. Но остальные заключенные, согнанные, как скот, в тесном сером дворе, казались нечувствительными к жуткой окружающей действительности. Упорно пробиваясь вперед, Андрес получал толчки и удары локтями, но остановился, только оперевшись в стоявший стеной строй ополченцев, угрожающе целившихся в заключенных и не дававших им пройти в другой двор, чуть поменьше. Андрес понял, что казнь происходит именно там. Он попытался увидеть что-нибудь поверх голов охраны, но один из ополченцев грубо оттолкнул его назад. Не ожидавший этого Андрес подскочил обратно к обидчику. Их лица почти касались друг друга.

— Что? — сплюнул охранник, поднеся ствол винтовки к его лицу. — Тоже хочешь туда?

Андрес отстранился не сразу. Он чувствовал дыхание тюремщика. Тот был чуть выше ростом, со светлыми глазами. Лицо его было искажено необъяснимой злостью. Андрес вдруг подумал, что и заключенные, и те, кто их охранял, были наполнены этой холодной нечеловеческой злобой, выросшей из обид и отчаяния долгих недель и месяцев.

Чья-то рука ухватила его за плечо и потащила назад. Андрес позволил ей увлечь себя. Ополченец стоял на месте, подняв голову и держа руку на спусковом крючке, готовый

стрелять.

– Андрес, оставь его.

Он обернулся и увидел Фермина Санчеса.

– Мой брат? – нетерпеливо спросил Андрес. – Где мой брат?

Фермину Санчесу едва перевалило за пятьдесят. Это был высокий и худой мужчина с длинными руками. Его некогда хорошо сложенное, мощное тело превратилось из-за голода в жалкий скелет. На лице его блестели темные глаза, густые черные брови увенчивались сверху поредевшими и побелевшими за месяцы заключения волосами.

– Где тебя носило? Тебя нигде не было.

– Это неважно. Ты видел моего брата? Не могу его найти.

Фермин бросил поверх плеча Андреса взгляд на место, откуда доносились выстрелы и крики. Андрес обреченно обернулся, чтобы посмотреть туда же. Затем снова повернулся к Фермину.

– Мне сказали, что они устроили выводку.

Фермин кивнул, продолжая смотреть поверх голов охраны.

– Они пришли, когда мы спали. Назвали пятьдесят имен...

У Андреса к горлу подкатил ком.

– Фермин, мой брат...

Фермин опустил глаза.

– Клементе был в их числе.

– Нет!

Андрес отреагировал так резко, что его не успели остановить. Он бросился на строй ополченцев. Тут же начался переполох. Солдаты отпихивали его и взводили винтовки, а Фермин и еще двое заключенных пытались оттащить Андре-са от стражи.

– Клементе, – крикнул он изо всех сил, вытянув шею, не переставая при этом бороться с теми, кто удерживал его. – Клементе, я здесь! Клементе!

Его вопль эхом отразился во мраке двора, погруженно-го в гробовое молчание. Казалось, тысячная толпа замолкла, чтобы дать братьям попрощаться.

– Андрес! – голос брата по ту сторону прохода парализо-вал его. Он не видел его, но отлично слышал. – Андрес, они убьют меня...

– Клементе! Я здесь!

– Андрес! Позаботься о Фуэнсисле, скажи ей, что я люблю ее, защити моих...

В этот момент раздался выстрел и за ним еще более ужас-ная тишина. Андрес напрягся, надеясь снова услышать голос брата.

– Клементе! – крикнул он в отчаянии. – Клементе!

Андрес не увидел удара прикладом, который нанес ему один из ополченцев. Только почувствовал резкую боль в но-су и скуле и упал на колени, поднеся руки к лицу.

– Если не заткнешься, отправишься туда же и составишь

ему компанию.

Андрес не видел, кто на него кричит. Ощупав нос, он почувствовал, как из него льется кровь. И ощутил, как внутри разгорается смесь из бессилия, физической боли, страданий и тоски. Собравшись с силами, он бросился на стоявшего перед ним ополченца.

Раздался выстрел и наступили темнота, тишина и пустота.

Мадрид, январь 2010-го

Фотография

Эта потрепанная металлическая коробочка почему-то сразу же привлекла мое внимание.

– Сколько стоит?

– Двадцать пять евро. Немного дороже остальных, но зато с содержимым.

– Каким содержимым?

– Посмотрите сами.

И продавец протянул ее мне.

Я открыл коробку, и первым, что бросилось мне в глаза, оказалась черно-белая фотография молодой пары. Достав и перевернув ее, я увидел, что на бумаге карандашом элегантным почерком написаны два имени – Мерседес и Андрес, место – Мостолес, и дата – 19 июля 1936 года. Затем я изучил остальное содержимое: несколько писем, перехваченных бечевкой. Уже не сомневаясь, я положил фотографию обратно

в коробку и закрыл ее.

– Беру.

Я всегда любил гулять вдоль заседающих друг на друга лавочек на мадридском Эль-Растро⁵. Обычно я приходил рано, когда магазинчики только открывали свои двери, а уличные торговцы заканчивали раскладывать товар. Пройдя по Рибера-де-Куртидорес до перекрестка с Сан-Кайетано, я оказывался у спрятавшегося в укромном уголке старого узкого и длинного прилавка двух братьев Абея и Лало. У них всегда играл Бах или оперная музыка, что придавало этому месту налет то ли богемности, то ли ретро. К тому же оно стояло слегка в стороне от людской толчеи, начинавшейся с одиннадцати утра. Все равно, что оказаться в тихой заводи на быстрой и бурной реке. Я обводил взглядом предметы старины, выложенные в кажущемся беспорядке, который, однако, повторялся из воскресенья в воскресенье: столовые приборы всех сортов, тарелки, большие супницы, кувшины, хрустальные бокалы, фарфоровые фигурки, бронзовые статуэтки, большие, маленькие, настольные и карманные часы, деревянные ламповые радио пирамидальной и прямоугольной формы, броши, браслеты, шпильки, разноцветные бутылки странных форм, одетые в старинные платья куклы с застывшими лицами, открытки, фотографии. Старый подержанный хлам, всякая рухлядь и личные вещи, принадлежавшие когда-то мужчинам и женщинам, которых уже нет,

⁵ Мадридский блошиный рынок.

выставленные на продажу как странное наследие их повседневности. Я всегда был убежден, что эти потрепанные старые вещи во многом отражают суть своих бывших хозяев. Касаясь их, я пытался представить себе, какой была жизнь их владельцев, какие препятствия и радости встречались им на жизненном пути, что за события видели их глаза. Рисовал в голове их лица, внешность, осанку. Долго рассматривал выцветшие коричневатые фотографии с запечатленными на них строгими, серьезными, улыбочивыми, спокойными или напуганными людьми, пытался почувствовать частичку их души, схваченную вспышкой фотоаппарата. Я никогда не уходил с пустыми руками: иногда это была открытка за один евро, иногда шпилька за три или трость за пятьдесят. Торговаться я не любил. Хозяева знали меня достаточно, чтобы давать хорошую цену, по крайней мере, так говорили они сами, а я хотел им верить и не испытывал ни малейшего желания спорить с кем-то, чтобы сэкономить несколько евро.

Вернувшись домой, я прошел с коробкой в руках к себе в кабинет и поставил ее на стол у компьютера. Не глядя на нее, скинул пальто, бросив его на кресло для чтения. И только после этого сел за стол, снедаемый зудом искателя сокровищ. Жестяная светло-бежевого цвета коробка была украшена незамысловатыми маленькими птичками, сидящими на крошечных зеленых ветвях, отходивших от тоненького коричневого ствола. Время поело ржавчиной ее грани, но в целом она оставалась в хорошем состоянии и не была ни мя-

той, ни поцарапанной. Я снова открыл крышку и достал фотографию, отпечатанную на твердом и уже немного помятом картоне и обрамленную в тонкую белую рамку.

– Так, значит, вы – Мерседес и Андрес, – пробормотал я. Фотография была сделана не в ателье. Мужчина и женщина позировали на фоне фонтана с трубами в форме гигантских рыб. Оба пристально смотрели в объектив фотоаппарата. Я попытался представить себе, как снимали эту фотографию. Мужчина одет в темный костюм и галстук, отчетливо выделяющийся на фоне светлой рубашки, на ней – свободное платье в цветочек с коротким рукавом, талия поднята к груди, низ заканчивается у колен. Складывалось впечатление, что она надела его специально для этого случая. Оба были молоды, хотя характерная для того времени одежда маскировала их возраст.

Я достал остальное содержимое: стопку из восьми конвертов, перехваченных тонким шнурком. В них оказались написанные от руки письма, адресованные Андресом Абадом Родригесом Мерседес Манрике Санчес, Мостолес, улица Иглесиа. Точного адреса указано не было. Я развязал шнурок и взял в руки первый из конвертов. Достал из него свернутый в четвертушку лист бумаги и медленно развернул его. Бумага была плохого качества, крошилась и, казалось, вот-вот рассыплется у меня в руках. Письмо занимало одну сторону листа и было написано карандашом. Тот же дрожащий и неровный почерк, что и на конверте, совсем не такой, как на

обороте фотографии. Я начал неторопливо читать текст, испытывая некоторое неудобство от того, что вторгаюсь в чужую переписку. Ознакомившись с содержанием последнего из писем Андреса, я поднялся, чтобы приготовить себе кофе. Честно говоря, я был разочарован, поскольку надеялся обнаружить в письмах что-нибудь более интригующее. Когда заглядываешь в чужую жизнь, всегда хочется обнаружить что-то, что оправдало бы вмешательство, что-нибудь необычное, удивительное, что-нибудь, ради чего стоит читать, искать и раскрывать. А когда этого не происходит, чувство вины за ненужное и бесполезное вторжение тяжким грузом ложится на совесть.

Я был один. По воскресеньям Роса ко мне не приходила. Росу оставила мне в наследство Аврора, моя жена, которую я потерял пять лет назад. Болезнь забрала ее в возрасте каких-то тридцати пяти лет, меньше чем за четыре месяца, прежде чем мы успели отпраздновать шестую годовщину нашей свадьбы. Я плохо помню те тяжелые дни: они отпечатались в моей памяти как что-то чужое, грубое и стремительное, и время мало-помалу размывало и растворяло эти воспоминания, как сахар в кофе. Стоит отхлебнуть его, и ты чувствуешь сладость (в моем случае – горечь), но того, что придает ее, уже не видно. За несколько дней до того, как уйти от меня навсегда туда, откуда не возвращаются (никто, ни молодежь, ни старики никогда не приходят обратно, чтобы рассказать о том, что они увидели за чертой, если там

вообще что-то можно увидеть, и поведать, что происходит с телом, если с ним еще что-то происходит, когда оно теряет свою суть и превращается в инертную бессильную плоть), она попросила меня пообещать несколько вещей, не оставив возможности отказаться. Среди прочего, она потребовала, чтобы я продолжал пользоваться услугами Росы: жена боялась, что в ее отсутствие я перестану следить за собой. И действительно, благодаря помощи этой заботливой, тихой и благоразумной женщины, с которой я лишь изредка перебрасывался парой общих слов, за прошедшие пять лет я не умер от голода, не оказался погребен под слоем пыли и не зачах от одиночества.

Впрочем, присутствие Росы в моей жизни было не единственным волеизъявлением Авроры. Люди, на долю которых выпало спорное преимущество знать, что они умирают, любят давать поручения и распоряжения, организовывать и приводить в порядок свои дела прежде, чем их не станет, хотя потом все остается незавершенным, недоделанным и подвешенным, особенно если это молодые люди, такие как она. Одной из ее просьб было, чтобы я бросил работу учителя литературы в школе Колехио-дель-Пилар и целиком посвятил себя писательству, потому что это было моим настоящим призванием. Я хотел стать писателем с отрочества, когда зачитывался приключенческими романами Жюль Верна, Сальгари и Стивенсона. Но пока что мне удалось опубликовать только один роман в маленьком небогатом издательстве

и очень небольшим тиражом. Когда это случилось, я на какое-то мгновение почувствовал, что моя мечта воплотилась в жизнь, ведь все мои предыдущие рукописи оседали в темнице ящика письменного стола. Но успех оказался иллюзией, химерой, наградившей меня еще большим ощущением полного провала в качестве писателя. Моя книга промелькнула в нескольких книжных магазинах, постояв на витринах чуть больше недели, и потом исчезла. После этого я снова вернулся к остракизму, который, если это вообще возможно, оказался еще горше прежнего. И все потому, что, несмотря на предупреждения Авроры, так и не смог отказаться от ложных иллюзий. Хотя мы прожили вместе чуть больше десяти лет, она отлично знала меня и то, как меня выводили из себя уроки для брызжущих гормонами подростков, в большинстве своем знавших больше о новомодных гаджетах, чем о Сервантесе, и в лучшем случае прочитавших (с неподдельным, впрочем, интересом, не могу не отдать им должного) сагу о Гарри Поттере. Аврора была уверена, что, когда ее не станет, глубокое раздражение, вызываемое самими занятиями в школе и временем, которое они отнимали у меня от чтения и писательства (я нередко искренне и с отчаянием жаловался ей на это), приведут меня к краю пропасти разочарования, и не собиралась этого допустить. Поэтому она выбрала самый подходящий момент, чтобы предложить мне бросить преподавание: я никогда бы не согласился на это, если бы не присутствие смерти, неотвратимая угроза ее

ухода и моральные обязательства, накладываемые на меня страшным прощанием. Мне показалось, что она обдумала все давным-давно, гораздо раньше, чем ее одолела внезапно сбросившая маску и яростно атаковавшая предательская болезнь (она будто предчувствовала ее). Она настояла, чтобы нашу квартиру (доставшуюся ей в наследство от матери, скончавшейся много лет назад) записали на мое имя, сделала на меня дарственную, рассчитала мои доходы, кругленькую сумму, составленную пенсией по потере супруги и процентами от сбережений после продажи моей холостяцкой квартиры. Через несколько месяцев после того, как я стал вдовцом (страшное и болезненное слово, которое я так и не научился произносить), я сдержал свое обещание, оставив уроки и начав молчаливую, одинокую и, прежде всего, спокойную жизнь писателя.

Опершись локтями о стол и держа в ладонях дымящуюся чашку кофе, я вглядывался в лица пары на выцветшей фотографии и размышлял, что произошло с ними после того, как вспышка камеры обессмертила их, чтобы спустя семьдесят четыре года я с ними познакомился.

У меня было два лица, два имени, один населенный пункт и скудные по своему содержанию письма: Андрес из раза в раз писал, что с ним все в порядке (меж строк я чувствовал, что он пытается скрыть от Мерседес действительно неприглядное положение дел), что она не должна тревожиться о нем и что ей следует беречь себя. С ним вместе, по всей ви-

димости, был его брат по имени Кlemente, которого он неоднократно упоминал, чтобы успокоить родню. Он уверял, что скоро они снова встретятся и все вернется в норму, говорил, что мечтает увидеть лицо их мальчика или девочки, если все вышло так, как мечтала Мерседес. Обычные письма для того времени: святая простота, лаконичные, чем-то напоминающие школьные сочинения. И все же Андресу не удалось скрыть выпавших на его долю невзгод, которыми сочилась буквально каждая буква. Написанные нетвердой рукой слова отражали сумятицу чувств. По датам, проставленным в начале каждого письма (все воскресенья сентября и октября 1936 года, первое – 6 сентября, а последнее – 25 октября), я предположил, что, скорее всего, он оказался на фронте вдали от жены и от дома.

Я откинулся на стуле. В моей голове рождалась необычная история этой пары, удивительная история, которая ляжет в основу моего великого романа. И хотя реальность указывала мне на то, что рассказывать здесь почти нечего, в их лицах, в их черно-белых взглядах было что-то такое, что толкало меня узнать больше об Андресе и Мерседес, запечатленных на семидесятичетырехлетней фотографии в некогда крошечном селе Мостолес в нескольких километрах от Мадрида.

«Все равно что искать иголку в стоге сена», – подумал я обреченно.

ИСПАНЦЫ, чрезвычайная критическая ситуация,

в которой оказалась Испания, анархия, в которую погрузились города и села, и несомненная угроза нашей Родине со стороны внешнего врага не позволяют терять ни минуты и требуют, чтобы армия во имя спасения нации взяла на себя управление страной, дабы впоследствии, когда мир и порядок будут восстановлены, передать его подготовленному для этой цели гражданскому населению. В свете этого и в качестве руководителя подчиненной мне Дивизии,

ПОСТАНОВЛЯЮ И ПРИКАЗЫВАЮ

Первое: объявить военное положение на всей территории, подконтрольной моей дивизии.

Второе: окончательно отменить право на забастовку. С завтрашнего дня руководители профсоюзов, члены которых выйдут на забастовку или не прекратят таковую и не выйдут на работу, будут переданы военному суду и расстреляны.

Третье: в течение четырех часов все огнестрельное оружие должно быть сдано в ближайшее отделение Гражданской гвардии. По прошествии этого времени лица, уличенные в ношении или хранении огнестрельного оружия, также будут переданы военному суду и расстреляны.

Четвертое: поджигатели и лица, любым иным образом ведущие подрывную деятельность в отношении дорожной сети, средств связи, жизни и имущества граждан, а также все лица, нарушающие общественный порядок на территории данного образования, будут переданы военному суду и

расстреляны.

Пятое: в незамедлительном порядке в ряды подразделений настоящего образования включаются солдаты XVII призывного округа, срочники призыва 1931–1935 годов включительно и все добровольцы, желающие служить Родине.

Шестое: с девяти часов вечера и далее запрещается перемещение лиц и транспортных средств по делам, отличным от служебных.

Я надеюсь, что патриотизм всех испанцев избавит меня от необходимости принятия перечисленных мер во благо Родины и Республики.

Севилья, 18 июля 1936 года.

Дивизионный генерал Гонсало Кейно де Льяно⁶.

⁶ Испанский генерал, один из руководителей восстания 1936 года. Участник гражданской войны в Испании на стороне франкистов.

Глава 1

Андрес Абад Родригес мчался домой к Мерседес, чтобы сказать, что в город приехал фотограф и сейчас работает у фонтана «Рыбы». Ворвавшись, подобно буре, в дом, Андрес столкнулся со своей тещей, сеньорой Николасой.

– Где Мерседес?

Женщина недоуменно посмотрела на него.

– Что-то случилось?

– Фотограф приехал. Наконец-то можно сфотографироваться.

– Она у вас в спальне, заправляет кровать.

Андрес вбежал в спальню: жена поправляла шерстяной матрас. Схватил ее за талию, развернул к себе и оказался с ней лицом к лицу.

– На площади работает фотограф. Пойдем сфотографируемся.

– Прямо сейчас? Мне нужно привести себя в порядок.

– Ты и так прекрасна.

– Не глупи. Разве можно фотографироваться в таком виде?

– Он надолго не задержится. Сказал, что хочет попасть в Навалькарnero до наступления темноты.

– Хорошо, но я должна одеться и причесаться. А ты надень белую рубашку и свадебный галстук. И причеши свою

шевелюру.

Андрес посмотрел на свое отражение в зеркальной створке шкафа, снял грязную рубашку, взял другую, которую протягивала ему Мерседес, надел ее и застегнул пуговицы. Пригладил волосы. Потом завязал галстук и надел пиджак. Дернул непривычными к такой одежде плечами.

– Я уже все.

Мерседес осмотрела его сверху вниз и кивнула головой.

– Жди меня на площади. Я сейчас подойду.

– Не тяни. Я буду у фонтана.

Когда Андрес вышел, Мерседес продолжила заправлять кровать, но только быстрее, чем раньше. Затем открыла дверцу шкафа. Достала из него платье в красный цветочек, которое сшила ей мать, и бросила на кровать. Сняла домашний халат в горошек, плеснула немного воды в рукомойник и намылила ладони, руки и шею. Тщательно обсушив себя полотенцем, встала перед зеркалом, посмотрела на себя в фас и профиль, погладив заметно округлившийся животик, и радостно улыбнулась. Заколола волосы гребнем, ущипнула себя за кожу на скулах и, удостоверившись, что все в порядке, натянула платье. Бросила последний взгляд на свое отражение, покрутившись из стороны в сторону, и вышла из комнаты, столкнувшись лицом к лицу с матерью.

– Дай-ка я на тебя посмотрю.

Мать довольно улыбнулась, и Мерседес покрутилась вокруг своей оси.

– Хороша?

– Великолепна, доченька. Ладно, беги, пока муж не устроил тебе взбучку, ты же знаешь, какой он нетерпеливый.

Сеньора Николаса проводила дочь до дверей дома и осталась на пороге. Опершись о дверной косяк и сложив руки на груди, она удовлетворенно смотрела, как та удаляется вдоль по улице Иглесиа в сторону площади Прадильо. Мерседес шла быстро, но не бежала, ветер играл ее платьем. В какой-то момент она обернулась и помахала рукой. Мать ответила ей улыбкой и кивком головы. Ей не терпелось увидеть пополнение семейства. Ничто, говорила она, не может сделать меня счастливее, чем внук.

Мерседес Манрике Санчес вышла замуж за Андреса Абада Родригеса 22 декабря 1935 года. Свадьбу сыграли в церкви Пресвятой Девы Марии. Счастливый день, хотя не все сумели дожить до него. Отец Мерседес умер за семь лет до того от осложненного воспаления легких. Дон Онорио, местный врач, сделал все возможное, чтобы спасти его жизнь, но легочная инфекция оказалась сильнее лекарств, и сеньора Николаса похоронила мужа. Но беда никогда не приходит одна: спустя два года умер единственный брат Мерседес – Педрито. Он был слаб с рождения и не справился с лихорадкой. Мать и дочь остались вдвоем и должны были как-то выживать. Сеньора Николаса стала прислуживать в доме дона Онорио, а Мерседес занималась глажкой и уборкой, готовила стол на праздники, а зимой помогала ухаживать сеньоре

Энрикете за животными в обмен на яйца и мясо после забоя.

Андрес со своим братом Клементе возделывал земли, доставшиеся им в наследство от отца. Этого хватало на безбедную жизнь. Он знал Мерседес всю жизнь, но из-за обязательного траура по отцу и брату потерял ее из виду до самого дня Пресвятой Девы покровительницы Мостолеса 1933 года. Стоило ему увидеть Мерседес снова, и он тут же влюбился. Сняв траур, мать с дочерью сразу же начали готовить свадьбу. Молодые поселились в большом доме сеньоры Николасы. Здесь было достаточно места и для них троих, и для грядущего пополнения. А когда хозяйки не станет, все отойдет детям.

Завидев большую толпу людей на Прадильо, Мерседес удивилась: мужчины всегда собирались здесь, чтобы обсудить свои дела, но сегодня их оказалось слишком много, и все они были чем-то взволнованы.

– Мерседес, я здесь!

Она поспешила на зов Андреса, махавшего ей рукой от фонтана «Рыбы». Рядом с ним стоял фотограф со своей камерой моментальной печати.

– Что происходит? – спросила Мерседес, подойдя поближе.

Андрес, не отрывая взгляда от толпы, ответил:

– Говорят, что военные в Африке подняли мятеж. В народном доме тоже все на ушах стоят.

– А им-то что до того, что творится в Африке? Это неблиз-

ко, к тому же там всегда что-то неладно...

– Дело выглядит скверно, сеньорита, – встрял в разговор фотограф, выставя камеру. – Бардаку, в котором мы все живем последнее время, вот-вот положат конец, сами увидите. И армия – единственная сила, способная поставить на место правительство, ведущее нас прямым к катастрофе.

Супруги переглянулись, не слишком убежденные словами фотографа.

– Давайте, фотографируйте уже, – ответил ему Андрес. – И постарайтесь, чтобы мы получились хорошо, это по-настоящему счастливый момент нашей жизни, – Андрес погладил живот Мерседес и обменялся с ней нежным любящим взглядом. – Я хочу сохранить его навсегда.

– Такую красоту никакой фотограф плохо не снимет. Встаньте-ка вот сюда, да поплотнее, вам уже можно, не зря же вы венчались в церкви.

Андрес и Мерседес, следуя указаниям, встали перед камерой, опершись о каменный парапет фонтана. Фотограф спрятался за фотоаппарат и теперь глядел на них поверх него. Это был суетливый человечек в темно-сером костюме и белой рубашке с поношенным воротничком. Личико с крошечными глазами венчала тщательно прилизанная шевелюра, напмаженная так густо, что даже ураган, казалось, не смог бы нарушить его прически.

– Двиньтесь правее, да не от вас правее, а от меня... Вот... Вот так, хорошо.

Вырядившийся, словно на свадьбу, человек нырнул под закрывавшее заднюю часть камеры покрывало, Андрес и Мерседес напряженно стояли и ждали, пока им скажут, что снимок готов.

– Улыбнитесь хоть чуточку, вы слишком напряжены.

Пара немного расслабилась и улыбнулась.

Фотограф поднял руку.

– Смотрите на мою ладонь, вот так... Не двигайтесь... Хорошо, и...

Небольшая вспышка, и фотограф снова появился перед супругами.

– Снимите ее отдельно, – попросил Андрес, отодвинувшись от Мерседес.

Фотограф снова исчез под покрывалом, чтобы сфокусировать объектив на Мерседес.

– Чуть левее, вот так, не двигайтесь... Улыбнитесь немного, вот... Смотрите на мою руку и замрите. И...

Еще одна вспышка показала супругам, что фотография на подходе.

– Через пятнадцать минут все будет готово.

Пока фотограф выставлял других клиентов для фотографии, Андрес и Мерседес, взявшись за руки, подошли к собравшимся на площади разгоряченным мужчинам.

– Что происходит? – спросил Андрес у одного из них.

– Говорят, война началась.

– Ужас какой! – воскликнула Мерседес недоверчиво и ис-

пуганно и прижала руки ко рту.

– И вроде как любой желающий может записаться в народном доме в ополчение.

– Записаться в ополчение? Зачем?

Другой мужчина, которого все знали под кличкой Меринос, потому что у его отца было стадо овец-мериносов, повернулся к Андресу и грубо сказал:

– Что значит «зачем»? Чтобы раз и навсегда покончить с богатыми свиньями, которых все еще слишком много среди нас!

– Тому, кто записался, дают оружие, – вставил первый.

– Меня не интересует оружие.

Андрес повернулся, чтобы уйти, но не успел сделать и шага, как услышал голос Мериноса.

– Ну разумеется, у нашего богатея достаточно земли, чтобы работать на ней и каждый день набивать себе брюхо! На кой ему оружие?

Андрес растерянно остановился. Затем обернулся и посмотрел на обидчика. Он хорошо знал его, хотя они почти никогда не общались. Меринос был человек грубый, часто вел себя как кретин и обожал потрепать нервы любому, кто думал не так, как он. Он обожал хвастать тем, что входил в ряды так называемой красной гвардии, и бахвалился участием в беспорядках в Астурии. Никто в городке не мог подтвердить его рассказы, поскольку он был там один. Но все же Мериноса побаивались и предпочитали не становиться

у него на пути. К тому же в последние месяцы он стал одним из тех, кто возглавил захват чужих земель, всегда сопровождавшийся стычками и насилием. Его даже исключили из союза обездоленных крестьян «Ла-Мостоленья», члены которого совместно возделывали общинные земли Сото. За всю свою жизнь Андрес едва перемолвился с Мериносом парой слов. Но случай, произошедший перед февральскими выборами, превратил их в злейших врагов. В конце января перед голосованием в сельском клубе проходил митинг Народного фронта⁷. На нем присутствовали депутаты и важные левые политики всех мастей. Само мероприятие прошло без проблем, а когда оно закончилось, организовался небольшой праздник, вино на котором текло рекой. А вечером накануне Фуэнсисла, жена брата Андреса Клемента, начала рожать. Ночь была очень длинной, утром следующего дня повивальная бабка Эладия была вынуждена позвать дону Онорио, потому что думала, что потеряет и мать, и ребенка. Спустя много напряженных, бессонных и мучительных часов Фуэнсисла родила прекрасного здорового мальчика весом почти четыре килограмма. Измученные, но счастливые братья зашли на праздник, шум которого было слышно из дома, чтобы отметить появление третьего ребенка Клемента, его первого мальчика. Отец сиял. Клемента и Андрес смешались с толпой, праздновавшей окончание митинга. И все шло хорошо, пока Меринос не попрекнул их тем, что они

⁷ Коалиция левых партий, отстаивавших интересы крестьян и рабочих.

не участвовали в этом политическом событии. Клементе с улыбкой ответил, что у него были дела поважнее, и сообщил о своем отцовстве. Мериносу же это показалось недостаточно уважительной причиной, и вместо того, чтобы поздравить отца, как это делали все, он обложил последними словами и Фуэнсислу, и новорожденного малыша. Андрес успел отреагировать, прежде чем его брат, оскорбленный незаслуженным хамством, набросился на обидчика. Встав между двумя мужчинами, он велел Мериносу убираться и оставить их в покое. Но тот не двинулся с места и назвал братьев фашистскими свиньями. Разъяренный Андрес толкнул его в грудь, и завязалась драка. Обмениваясь ударами и толчками, Андрес услышал, как кто-то крикнул, что Меринос достал нож. Андресу удалось уйти от удара, но железное лезвие вонзилось ему в ладонь. Этот случай наделал много шума. Гражданская гвардия арестовала Мериноса и на месяц отправила его в тюрьму. Рука зажила быстро, рана была неглубокой. А вот первая встреча с Мериносом после того, как тот вышел на свободу, оказалась куда опасней. Тот предупредил Андреса, чтобы он ходил осторожно и почаще оглядывался. С тех пор Андрес старался избегать этого парня.

Мерседес потянула мужа за руку, чтобы увести от Мериноса. Она прекрасно знала истинную причину его неприязни к Андресу, и дело здесь было не только в том, что ее мужу принадлежал клочок земли, кормивший его и позволявший зависеть только от погоды, но и в неприятном инциденте

те, когда Меринос со свойственными ему наглостью и хамством потребовал от нее стать его невестой, притом что все уже знали, что она выходит замуж. Меринос не простил отказа ни ей, ни Андресу (которому не стали говорить о произошедшем, чтобы избежать еще больших неприятностей). Так посоветовала дочери донья Николаса, которая хорошо знала, на что способны мужчины, когда кто-то посягает на то, что они считают своей собственностью.

– Андрес, пойдем.

– Хреновы буржуи, зажравшиеся свиньи, чертовы латифундисты – вот вы кто!

Напряжение между мужчинами возрастало, Мерседес с отчаянием почувствовала, как муж пытается освободить руку, чтобы сцепиться с обидчиком, и ухватила его еще сильнее.

– Пойдем, не обращай внимания. Чтобы обидеть, мало хотеть, надо уметь.

Андрес позволил жене увести себя, и они отправились вниз от Прадильо. День располагал к прогулке. Немного спустя они столкнулись со священником доном Эрнесто Песесом.

Мерседес остановила его.

– Дон Эрнесто, вы не знаете, что происходит?

Священник выглядел встревоженным. Поглядев сначала на мужа с женой, он повернулся к толпе, скопившейся на площади.

– Я... я не знаю наверняка, Мерседес. Говорят, что армия подняла мятеж и что правительство обратилось с призывом ко всем членам профсоюзов и партий вступать в ополчение через соответствующие отделения и народные дома. Все может закончиться взрывом в любой момент. Не знаю, где и когда, но рванет точно... – он сокрушенно перекрестился. – Да поможет нам Бог!

– Все настолько плохо? – спросил Андрес.

– Одному Богу ведомо, куда все это пойдет, – священник еще раз тревожно глянул на толпу и повернулся к супругам. – Простите, мне нужно идти, я немного спешу.

Извинившись, он быстро, только что не украдкой, благословил их и поспешно удалился.

За свою недолгую прогулку Андрес и Мерседес не перемолвились ни словом. Только смотрели, как односельчане торопливо снуют туда-сюда. Напряженная и взволнованная атмосфера совсем не походила на обычное воскресное утро.

По прошествии пятнадцати минут они вернулись за фотографиями.

– Иди домой, я загляну в народный дом и попробую разузнать получше, что происходит.

– Нет, я пойду с тобой, – твердо сказала Мерседес.

Андрес повернулся к ней, посмотрел на фотографию, и лицо его расплылось в улыбке.

– Ты получилась очень красивой.

– Не говори глупостей, вышло ужасно. Ты только посмот-

ри на лицо и на то, какая я толстая.

Андрес положил ладонь ей на живот.

– Сильно пинается?

– Без остановки, – она опустила глаза и улыбнулась. – Мне нравится его ощущать. Еще бы не тошнило по утрам.

– Дон Онорио сказал, что это пройдет.

– Надеюсь, потому что, если так будет при каждой беременности, я больше детей рожать не буду.

Андрес нежно погладил ее по лицу.

– У нас будет не меньше шести.

– Ну конечно, это же не тебя тошнит, не ты растолстеешь, как бочка, и не тебе рожать их в муках...

Он прижал палец к ее губам и оборвал протесты.

– Я всегда буду рядом с тобой и обо всем позабочусь.

– Ладно, но только это будет девочка, и я назову ее Прадос.

Андрес горделиво распрямился и улыбнулся с высокомерием павлина.

– Это будет мальчик, крепкий, как скала, сама увидишь, и мы назовем его Мануэлем в честь моего отца. А потом уже рожай столько девочек, сколько тебе вздумается.

Он отдал ей конверт с обеими фотографиями.

– Ступай, покажи их матери. Ей понравится. Я скоро приду.

– Андрес, не делай глупостей.

– Не буду, обещаю. Иди домой.

Мерседес вернулась домой. Ее мать, сидя на кушетке у окна, разговаривала с доньей Элоисой, женой доктора. В этом не было ничего странного, обе женщины, несмотря на то, что одна была служанкой, а вторая – сеньорой, дружили, как сестры. Они были одного возраста, выросли вместе и жили дверь в дверь. Николаса еще ребенком научилась читать, писать и считать благодаря тому, что Элоиса упростила родителей, чтобы она ходила с ней в школу, что освободило девочку от работы в поле и походов на реку для стирки. Когда глаза Мерседес привыкли к мягкому полумраку комнаты, она увидела озабоченное выражение на их лицах.

– Доброе утро, донья Элоиса, – она положила конверт с фотографиями на стол, не отрывая взгляда от двух женщин. – Что-то случилось?

– Элоиса говорит, что армия в Марокко подняла мятеж.

– Да, я знаю. На Прадильо столпотворение и, насколько я поняла, в народном доме – тоже.

– А где Андрес? – спросила мать, увидев, что зять не вернулся.

– Остался там послушать, что люди говорят.

– Положение очень серьезное, – сказала донья Элоиса. – Онорио связался с моим братом Кресенсио, он работает в газете. По его словам, в Мадриде очень беспокойно, правительство национализировало все газеты. Онорио думает, что они не хотят, чтобы кто-то рассказывал правду о происходящем.

– Будем надеяться, что скоро все разрешится.

– Ох, не знаю. Ситуация накалялась слишком давно. Вспомни, что произошло за последние месяцы с мэрией, с Сото, как захватили земли и скот герцогини Тамамес. И ведь ни Гражданская гвардия, ни мэр ничего не сделали, чтобы вернуть все на свои места. Захватчики творят что хотят, как будто свое добро делят, – она на мгновение замолкла, резким жестом выразив свое несогласие. – Так просто не могло продолжаться вечно.

– Надо признать, что люди очень нуждаются, а богачи при этом сильно перегибают палку... – сеньора Николаса устало скривилась и махнула рукой. – Они предпочитают оставить земли невозделанными, но не давать нам работы.

– В твоих словах есть доля правды, но вламываться вот так в частные владения другого человека, да еще и абсолютно безнаказанно, мне это кажется неприемлемым.

Тяжелая тишина окутала трех женщин. Мерседес осталась стоять напротив кушетки. И тут Николаса заметила конверт, взяла его в руки и достала фотографии. На ее лице появилась довольная улыбка.

– Как ты хорошо получилась, дочка! А здесь, с Андре-сом... Какая чудесная фотография!

Пока они разглядывали фотографии, тяжелые мысли о будущем на время развеялись в прохладном воздухе дома, отгородившегося толстыми глиняными стенами от уличной жары и палящего солнца июльского воскресенья.

Отправив Мерседес домой, Андрес повернул на улицу Антонио-Эрнандес, чтобы посмотреть, как обстоят дела в народном доме, где среди прочего квартировала «Ла-Мостоленья». На перекрестке с улицей Кристо он столкнулся со школьной учительницей Амандой Франкос.

– Какие новости? – спросила она.

– Как раз иду разузнать чего-нибудь. На Прадильо все гудит.

– Если ты не против, я составлю тебе компанию. Тоже хочу выяснить, что происходит.

Андрес ничего не сказал. Засунув руки в карманы, он продолжил путь в неловкой тишине. Учительница попыталась разрядить обстановку.

– Как дела у Мерседес?

– Все еще сильно тошнит по утрам. Но в остальном все хорошо.

– Похоже, что у вас будет мальчик. Посмотрим.

– Дай бог, чтобы все было, как вы говорите, донья Аманда. Если мой первенец окажется мальчиком, я буду счастлив, как никогда в жизни.

– Не называй меня доньей, Андрес. Мне это не нравится, да и не по чину.

– Я не могу называть вас по-другому, донья Аманда. Вы же учительница, понимаете.

Аманда Франкос устало вздохнула. Она понимала, что проиграла этот бой против него и большинства мужчин и

многих женщин села. Они не только называли ее доньей, но и отгораживались от нее глухой стеной, исчезающей, только когда речь заходила о школьных делах и о детях.

– А Фуэнсисла? Она сказала, что у малышки Марии жар.

– Брат что-то говорил об этом, но я не особо слушал.

– Попозже зайду ее проведать. Бедняжка, да еще и малыш без конца кричит.

– Ваша правда, у него славные легкие.

Она знала, что момент для того, чтобы задать вопрос, крутившийся у нее в голове долгие месяцы, был неподходящим, но это был первый раз после свадьбы Андреса и Мерседес, когда они оказались наедине, и ей не хотелось упускать такую возможность.

– Когда Мерседес родит, ты позволишь ей вернуться ко мне на занятия?

Андрес хмуро посмотрел на нее.

– Вы думаете, что дети растут сами по себе, как скотина?

– Нет, конечно, но это всего лишь пара часов в неделю, и твоя теща...

– Донья Аманда, – оборвал он ее, раздраженный разговором, – Мерседес знает все, что ей нужно знать, ей не нужно ничему учиться, чтобы заботиться обо мне и о наших детях. Я не хочу, чтобы вы забивали ей голову всякой чепухой. Женщине следует заниматься женскими делами. Чем больше она читает, тем глупее становится.

– Андрес, это несправедливо...

– При всем моем уважении, вам следует заниматься своим делом – учить детей. И пусть остальное идет, как идет.

Она сглотнула слюну и умолкла. Ей не хотелось устраивать полемику из страха осложнить жизнь Мерседес. В конце концов, та хоть и тайком, но читала книги, которые одалживала ей учительница.

Аманда Франкос была из Талавера-де-ла-Рейна. Она переехала в Мостолес четыре года назад, чтобы вести занятия в школе. Ее появление в селе с самого начала вызвало немало пересудов, поскольку она неумоимо защищала права женщин, настаивая на их равенстве с мужчинами в соответствии с конституцией и республиканскими законами. Удавалось ей это с переменным успехом, безусловно, весьма незначительным. Она знала, что ее задача трудна и что борьба будет долгой и неблагодарной. Слом уклада, формировавшегося поколениями, не может быть быстрым. Но с чего-то нужно было начинать. Через три месяца после переезда в Мостолес и начала работы в школе она стала вести занятия для взрослых, обучая их письму, чтению, счету и общему пониманию печатного текста. Ей хотелось, чтобы люди начали читать, сделали первый шаг к саморазвитию. Первым досадным для нее открытием стало категорическое неприятие ее деятельности администрацией, отказавшей ей в использовании школьных помещений для этой цели. Пришлось ютиться в крошечной гостиной ее дома. Уроки были бесплатными и открытыми для любого человека старше четырнадцати лет, желающе-

го учиться. На протяжении всех четырех лет у нее учились только женщины, большинство которых приходило тайком от мужчин и даже от матерей. По прошествии нескольких месяцев она почувствовала животную ненависть со стороны некоторых жителей села. Их не устраивал чрезмерный интерес некоторых из ее способных учениц, которые не только посещали уроки, но еще и увлеклись чтением, до той поры практически неизвестным большинству женщин. Не раз и не два ей приходилось сталкиваться с бурным протестом со стороны очередного мужа, отца или брата, возмущенного тем, что его супруга, дочь или сестра тратит время на то, чтобы писать бессмысленные фразы на расчерченной в линейку тетради, забыв, по его (далеким от истины) словам, о своих прямых обязанностях. Некоторым из наиболее возрастных учениц самые элементарные вещи давались откровенно нелегко, но прочие демонстрировали живой ум, который при должной огранке позволил бы вызволить их из ostracism, бывшего продуктом инерции общества, обрекавшего женщин на скучную бескультурную жизнь, сводившуюся к работе по дому и иногда в поле, да еще к заботе о мужчинах и семье. В этом отношении ее заинтересовала Мерседес, одна из самых способных и необычных учениц. Она была первой, кто постучался в двери домашней школы Аманды Франкос. В свои четырнадцать лет она уже знала четыре правила и немного умела считать, этому научила ее мать, чтобы девочка могла постоять за себя в этой жизни. Аманда открыла

для нее удивительный мир чтения, мир, которому Мерседес отдалась со всей страстью, но не выставляя напоказ своих чувств: мать боялась, что это сделает дочку такой же заблудшей и потерянной, как сама учительница. Быть незамужней в тридцать лет означало тяжкое клеймо и повод для пересудов среди жителей села. Хотя в действительности дела с семейным положением Аманды обстояли совсем не так, она сознательно и умышленно скрывала реальность от всех. Она стала одной из первых женщин, потребовавших развода после того, как в 1932 году был принят соответствующий закон. Не могла больше жить со своим ограниченным мужем: в период ухаживаний он казался милым и внимательным, но в первый же день после свадьбы, когда она ушла в школу, он сжег все ее книги, которые она с таким трудом и такими жертвами покупала на деньги от частных занятий с малолетними бездарями. Вернувшись домой, она увидела столб дыма от костра, жадно пожиравшего листы более чем двухсот книг. Ей хотелось умереть. Она чуть не бросилась в огонь, чтобы спасти хоть что-нибудь, но все было бесполезно. Зрелище, открывшееся ее глазам, рвало ее душу на части, но хуже всего оказалось полное безразличие мужа. Он презрительно посмотрел на ее метания и процедил, что скоро она обо всем забудет и что работа по дому и забота о детях выйдут из нее дурь. Закончился же этот злосчастный день тем, что он запретил ей работать в школе и давать частные уроки. Дело было осенью 1931 года, когда вовсю обсуждали но-

вую республиканскую конституцию и те права, которые она подарит женщинам, включая право на развод. Ей оставалось только терпеть и повиноваться. Лишенная занятий и книг, она переживала худшие дни своей жизни, выжидая малейшего шанса. Она потребовала развода в тот же день, когда новый закон вступил в силу. Когда муж об этом услышал, он избил ее до полусмерти. Аманда не медлила ни минуты. Не взяв ничего, движимая исключительно решимостью жить дальше, она покинула дом, оказавшись в результате в Мостолесе, где вернулась к привычной жизни, перечеркнув прошлое. Ее мало волновали кривотолки о ее одиночестве. Она хорошо понимала, что мужчины городка избегали ее (несмотря на внешнюю привлекательность), потому что боялись ее красноречия, образованности, умения мыслить и анализировать, вести беседу. Аманда нередко выставляла на посмешище своих коллег, заслуженных учителей, и мужчин, которые кичились своим умом только лишь в силу принадлежности к мужскому полу и считали себя на голову выше любой женщины, какой бы образованной она ни была.

Что же касается Мерседес, она перестала приходить заниматься с Амандой за несколько месяцев до свадьбы с Андреем. Тот считал, что его будущая жена не должна быть объектом пересудов из-за потакания нелепым, по его мнению, прихотям учительницы. Она беспрекословно исполнила желание своего будущего мужа, но природное любопытство и в какой-то степени восхищение, которое вызывала у нее эта,

не похожая на остальных, женщина, перевесили и супружеские обязанности, и материнские советы, и мнение соседей. Учиться она больше не могла, но Аманда снабжала ее книгами – прозой, поэзией, критикой, – и, когда Андрес был в поле, а мать уходила по своим делам, Мерседес украдкой читала.

На улице Сото собрался народ, люди толпились у входа в народный дом. Подходя к ним, Андрес и Аманда слышали могучий и решительный голос Мериноса, перекрывший гул толпы.

– Кто хочет поехать в Мадрид, чтобы бороться с фашизмом и раз и навсегда покончить с несправедливостью, за мной!

– Как же мы поедем? – спросил кто-то.

– Кто-то – на машине доктора, кто-то – на грузовичке Элисо. За мной, времени нет. Нас ждет революция!

Меринос поднял кулак, и группа примерно из двадцати человек отправилась вдоль по улице по направлению к центру.

– А ты собираешься записаться в ополчение?

Вопрос учительницы удивил Андреса.

– Я? С чего бы это?

– Революция необходима, чтобы эта страна, наконец, сдвинулась с мертвой точки и избавилась от балласта, от подлецов, которые хотят и дальше попираť права бедноты, чтобы горстка привилегированных могла по-прежнему ве-

сти беззаботную жизнь.

– Не втягивайте меня в свои политические штучки, донья Аманда. Моя борьба состоит в том, чтобы каждый день вставать на рассвете и вот этими руками возделывать землю, чтобы накормить семью.

– Вот именно поэтому, Андрес, не только ради тебя, готового гробить свои почки и руки, ковыряясь в земле, чтобы обеспечить семью, но и ради Мерседес, ради твоих будущих детей ты должен пойти за ними и бороться, чтобы покончить с бескультурьем, убивающим эту страну, не дающим людям мыслить, топящим их в нищете. Республика гарантирует...

– Я не ваш ученик, – резко и решительно оборвал он ее, заставив замолчать, – и при всем уважении не позволю вам говорить со мной, как с одним из них. Чтобы работать в поле, мне не нужны ни ваши книги, ни ваши уроки, ни уж тем более ваша революция. Идите за ними, боритесь, если хотите, а меня с моей жизнью и моими горестями оставьте в покое. Я не собираюсь брать в руки оружие и убивать, чтобы заработать семье на пропитание. Отстаньте уже от нас от всех и избавьте от своего яда.

Учительница внимательно посмотрела на него. В ней смешались разочарование, ощущение провала и понимание. Она осознавала, насколько нелегко воплотить в жизнь ее идеалы. Для перемен требовалось время. Андрес был хорошим человеком, пусть и немного старомодных взглядов, человеком своего времени, который не позволял лишнего ни

себе, ни тем более своей молодой жене. И все же ей было тяжело видеть, что он соглашается на пресную и немудрящую жизнь вместо того, чтобы бороться и расчищать путь к более светлому и прекрасному будущему.

– Лучше бы ты оказался прав, Андрес. Лучше бы тебе не понадобилось оружие...

Учительница отвела взгляд от смущавших ее глаз Андреса. Повернувшись к группе мужчин, поворачивавших за угол и громко распевавших «Интернационал». Коротко попрощавшись, она отправилась вслед за теми, кто собирался взять в руки оружие. Андрес задумчиво смотрел ей вслед. Эта женщина сбивала его с толку.

Когда все они исчезли из вида, Андрес отправился домой. На его пути встретилось несколько селян, обсуждавших, насколько плохо обстоят дела. Это июльское воскресенье, вне всякого сомнения, было из ряда вон выходящим. Помимо переполоха, вызванного восстанием армии, на улице не было женщин, которые обычно в это время спешили на службу в церковь, а дети вместо того, чтобы беззаботно играть, не обращая внимания на взрослых, внимательно следили за группками мужчин, выкрикивавших политические лозунги или собиравшихся в Мадрид.

Он увидел, как по улице Кристо поднимается Клементе.

– Ты уже знаешь? – спросил брат.

– О чем, о мятеже в Африке?

– Нет, о том, что у дона Онорио силой отобрали его ма-

шину, а у Элисо – его грузовичок. Эта привычка решать все нахрапом дорого нам обойдется.

– Что собираешься делать?

– Я? Ничего. Спокойно провести день, а завтра вернуться в поле. Мне вся эта политика по барабану.

Андрес ничего не ответил. Клементе был на три года старше него и сильно изменился после того, как стал отцом. Его главной заботой было, чтобы земля, доставшаяся ему от отца, родила достаточно, чтобы прокормить его троих детей. Больше его ничего не интересовало.

В дверях дома они столкнулись с Мерседес и ее матерью, утешавшими сокрушенную и заплаканную донью Элоису, в юбку которой вцепилась перепуганная дочь Хеновева. Чуть в стороне стоял взъерошенный дон Онорио, разговаривавший с дядей Маноло, священником и двумя какими-то мужчинами.

Завидев Андреса, Мерседес бросилась к нему и обняла.

– Где ты был?

– Я же сказал, в народном доме. Что стряслось?

– Сюда пришли люди во главе с Мериносом и сказали дону Онорио, что забирают его машину. Ты не представляешь себе, как они себя вели. Я думала, они убьют его. Слава богу, что Элоиса была у нас дома. А бедная малышка видела, как они мутузят ее отца. Она нас и позвала.

Андрес отправил Мерседес к женщинам и вместе с Клементе подошел к мужчинам.

– Вы в порядке?

– Бывало и лучше, Андрес. Ты мне вот что объясни: почему эти люди ничего не могут сделать нормально?

Дядя Маноло хмуро посмотрел на своих племянников.

– Вам обоим следует поберечься, мне этот Меринос очень не нравится, а с тех пор, как в селе исчезло отделение Гражданской гвардии, за порядком следить некому. Так что будьте осторожны, особенно ты, Андрес, у него на тебя зуб.

– Да он и не подумает снова подойти ко мне. Он же трус.

– Нет ничего хуже труса. Врага, который идет на тебя, легко увидеть. Я тебя предупреждаю, смотри в оба!

Братья переглянулись. Они понимали, что старик прав. Меринос и его присные были способны на все, тем более в столь смутное и беспокойное время.

Донья Элоиса взяла себя в руки и ушла в дом под руку с Николасой. Соседки, наблюдавшие за происходившим с благоразумного расстояния, отправились по своим делам, вполголоса обсуждая инцидент с автомобилем доктора.

Все, казалось, вернулось к спокойствию июльского воскресенья: неспешному течению выходного дня, сиесте, прогулкам и дружеским беседам. И в то же время что-то необратимо испортилось и пути назад уже не было.

Андрес вошел в дом, увидел фотографию Мерседес на столе, взял ее и какое-то время рассматривал. Она подошла к нему, чтобы полюбоваться снимком вместе.

– Закажу у Марселино пару рамок.

– Для этой не заказывай.

– Почему?

– Потому что я всегда буду носить ее с собой.

И он засунул фотографию в карман рубашки, к сердцу. Затем повернулся к жене и крепко обнял ее. Им овладела тоска, какое-то ужасное предчувствие, страх, что она в одно мгновение исчезнет из его рук.

– Обещаю тебе, что мы всегда будем вместе.

– Я знаю, всегда знала, – мягко прошептала она.

Глава 2

Донья Брихида плелась за мужем по коридору, пытаясь уговорить его не выходить на улицу, но дон Эусебио только отмахивался:

– Успокойся, женщина, ничего страшного не происходит. Ты же читала газеты, ни одной тревожной новости. Мятеж не вышел за пределы Марокко.

– А вдруг то, что говорят, – правда?

– Какая же ты темная, Брихида! Неужели ты думаешь, что такая серьезная и крупная газета, как АВС, пойдет на поводу у цензуры? Все твои страхи оттого, что ты засела здесь, как в стеклянном футляре, защищенная от внешних проблем, и не знаешь, что такое реальный мир.

Говоря это, дон Эусебио Сифуэнтес Барриос остановился перед зеркалом у вешалки, чтобы поправить безукоризненно отглаженный пиджак.

– Но на улице стреляют... Творится черт знает что...

– Еще не хватало, чтобы я позволил всяким голодранцам, месяцами сидящим без работы, решать, что мне делать, – ответил он, продолжая глядеться в зеркало и поправляя галстук. Затем взял шляпу и повернулся к ней, умиротворяюще махнув рукой. – Ничто не мешает мне выпить воскресного вермута, ничто. Если достойные люди дадут этому отребью хозяйничать на улицах, мы пропали.

– Бога ради, Эусебио, – взмолилась жена. – Вчера застрелили инженера, прямо здесь, в подъезде напротив. Все очень серьезно!

Утомленный ее назойливостью, дон Эусебио скорчил гримасу недовольства.

– Это все из-за забастовки. А я врач, мое дело – принимать детей, приходящих в этот мир. Я не имею ничего общего с уличными стычками, которым не видно конца с тех пор, как у власти находятся эти бездари и трепачи.

Дон Эусебио открыл дверь и вышел на лестничную клетку.

– Вернусь к обеду.

Донья Брихида осталась на пороге, глядя вслед спускавшемуся по лестнице мужу. Взмолнованно прижала руку к груди. Уже закрывая дверь, она увидела своего старшего сына Марио, большими шагами приближавшегося к ней по коридору.

– Ну а ты куда собрался?

– Мы договорились встретиться с Фиделем и Альберто. К обеду не жди.

Мать резко захлопнула дверь и встала перед ней, скрестив руки на груди, всеми силами стараясь продемонстрировать свою решимость и не дать сыну пройти.

– Ты никуда не пойдешь.

– Я собирался в бассейн в Эль-Пардо.

– Я сказала, что ты никуда не пойдешь.

Марио снисходительно посмотрел на нее.

– Не волнуйся за меня, мама. Отец Альберто даст нам свою машину. Мы искупаемся и проведем день за городом. Вечером я буду дома.

– Марио, на улицах полно вооруженных людей.

– Я не собираюсь с ними связываться, к тому же они все будут в центре. Не думаю, что им взбредет в голову скакать со своими пистолетиками в Эль-Пардо. Я полностью согласен с папой и не позволю всяким балбесам на улице испортить мои планы...

– Эти всякие вооружены и убивают людей, Марио. Пове- рить не могу, что вы не понимаете, насколько плохи дела.

Мать и сын замолчали.

Марио обнял ее за плечи.

– Я буду осторожен, обещаю.

Нежно поцеловав ее в лоб, так же, как она целовала его, когда он был ребенком, он бережно отодвинул ее от двери.

Донья Брихида открыла было рот, чтобы настоять на том, что сейчас не время выходить из дома, но ее сбил с толку голос из кухни, рассердивший ее более обыкновенного.

– Сеньора, бульон уже кипит. Класть заправку или подо- ждать немного?

Марио воспользовался тем, что мать на мгновение отвлек- лась, открыл дверь и сбежал вниз по лестнице.

– Марио, умоляю, будь осторожен!

Из дверей кухни высунулась Петрита, вытирая руки поло-

тенцем.

– Сеньора, я говорю...

– Да, Петрита, да, я тебя слышала, – резко оборвала она служанку, не скрывая своего раздражения. – Я уже иду, не нуди, я не глухая.

Петрита спряталась обратно на кухню и, зная, что хозяйка ее не видит, скривила рожу. Донья Брихида тем временем в очередной раз закрыла входную дверь и подумала, что за последние дни в городе что-то необратимо изменилось в худшую сторону. Затем, тяжело вздохнув, отправилась на кухню, чтобы проконтролировать приготовление воскресного обеда.

Дон Эусебио Сифуэнтес уселся в свой блестящий форд. Он приобрел его в мае на смену старому подержанному крайслеру, доставлявшему немало проблем. Обновка была предметом его гордости. С чувством самодовольства он оглядел черный, без пылинки кузов, блестящий под утренним солнцем. Устроился поудобнее на кожаном сиденье. Вдохнул запах новой машины. Вставил ключ зажигания и плавно повернул. Шум двигателя казался ему райской музыкой. Включив передачу, дон Эусебио осторожно нажал на педаль газа. Выехал на улицу Хенераль-Мартинес-Кампос и повернул на бульвар Кастьяна. Было примерно двенадцать часов дня жаркого июльского воскресенья. Через неделю вся семья должна была уехать в Сантандер, чтобы провести август вдали от мадридского липкого зноя, наслаждаясь све-

жей рыбой и зеленеющей природой. Стоило доктору только подумать об этом, и на губах тут же нарисовалась легкая довольная улыбка.

Он увидел группу людей, выходявших из церкви. Они тоже в обычное для себя время и в обычном для себя месте послушали воскресную службу, не столкнувшись ни с какими неприятностями. Несмотря на страхи его жены и слухи о тяжелом положении в Марокко после начала мятежа, день, по его мнению, начинался, как всегда, без неожиданностей. Продефилировав на небольшой скорости, чтобы потешить свое тщеславие и похвастать своим приобретением, по бульвару Реколетос, он подъехал к отелю «Риц». Припарковался прямо у входа. Выходя из машины, он заметил другой форд, очень похожий на его собственный – в машину набилось человек восемь. Из окон торчали винтовки. Было видно, что водитель плохо знает машину: он то газовал, то тормозил, не следил за рулем и вообще вел так, будто был пьян. На дверях и на капоте были намалеваны буквы CNT⁸. Сидевшие внутри веселились, гоготали и орали «Смерть фашистам!», «Да здравствует Республика!» и «Да здравствует революция!». Дон Эусебио неприязненно проводил их взглядом, пока они не исчезли где-то вдаль на бульваре Прадо. И только после этого зашел в кафе при отеле. Огляделся, не увидев нигде мальчишки, который всегда стоял наготове, чтобы принять у

⁸ Национальная конфедерация труда (Confederación Nacional del Trabajo). Анархо-синдикалистская профсоюзная организация.

гостя шляпу. Присмотревшись, удивился еще больше. Обычно в эти часы кафе было забито мужчинами и – в меньшей степени – дамами, зашедшими выпить свой аперитив. Сейчас же в зале было с полдюжины человек, они скучились за двумя столиками, подальше от входа. За одним из столов он увидел двоих коллег. Дон Эусебио обратился к официанту, стоявшему за барной стойкой:

– Пруденсио, а куда подевался мальчишка? – доктор поднял руку со шляпой, показывая, что кто-то должен ее забрать. – Мне что – так и стоять до скончания века?

Пруденсио, пожилой невысокий упитанный мужчина с потной шеей, зажатой тесным воротником куртки, вежливо подошел и забрал шляпу.

– Простите, дон Эусебио, но мальчика нет, да и остальных тоже. Остались только управляющий и я, но мы целиком к вашим услугам.

– Куда же это они запропалились, если не секрет?

– Большинство, сеньор, записалось в ополчение. Остальные просто уволились.

– Взяли и уволились?

– Взяли и уволились, – степенно ответил официант.

Дон Эусебио посмотрел на него искоса, с легким презрением.

– Хорошо, Пруденсио. Мне как обычно.

И направился к столу, за которым сидели Луис де ла Торре и Эметерио Варгас – врачи, работавшие вместе с ним в боль-

нице Принсеса. Увидев коллегу, оба привстали. Было видно, как они напряжены.

– Что с вами? Неужели вы тоже перепугались на ровном месте?

– Эусебио, ты что, ничего не слышал? – спросил Луис де ла Торре. – Исидро забрали.

– Исидро? Куда забрали?

– Никто не знает. Он шел на воскресную службу с Маргаритой и дочкой, и прямо в дверях церкви группа вооруженных людей потребовала у него документы. Документов, разумеется, не было, кому придет в голову брать в церковь паспорт.

– Он что же, не сказал им, где работает? Этого было бы более чем достаточно.

– Уже нет. По словам бедняжки Маргариты, он представился, но те ответили, что он похож на фашиста. А затем засунули его в его же машину и увезли. Несчастная Маргарита просто раздавлена.

Подошел официант, чтобы поставить на стол традиционный вермут, и разговор замолк. После того, как он удалился, беседа продолжилась.

– Но они хотя бы написали заявление? Сообщили в полицию?

– Я лично ходил с ними в Главное управление безопасности. Там об этом деле ничего не знают и ничем помочь не могут. Сказали просто ждать, дескать, может, сам объявит-

ся. Вот только это не похоже на арест, скорее, на похищение, и мне страшно подумать, чем оно может закончиться.

– Не драматизируй, Луисито, все не так плохо.

– Вспомни, что они сделали с Кальво Сотело, а он, между прочим, был депутатом.

Дон Эусебио не оставлял попыток уцепиться за привычный порядок вещей, который ускользал от него, как песок сквозь пальцы. Ему не хотелось верить, что все настолько плохо. Он сделал большой глоток вермута. На столе лежал выпуск газеты ABC – дон Эусебио уже читал его у себя дома в гостиной.

– Газету читали? – спросил он, ткнув в выпуск пальцем.

– Проглядел вполглаза. По их словам, ничего страшного не происходит, все под контролем, мятежники потерпели поражение по всей стране.

– Вот и я о чем! – довольно кивнул дон Эусебио. – Все в норме. А ненормальность привносим мы сами, нарушая привычный порядок вещей. Это чужие проблемы, не наши. Хочешь бастовать – будь готов к последствиям, я же каждый день встаю ни свет ни заря, чтобы исполнить свой долг.

– Ты действительно веришь в это напускное газетное спокойствие? – с серьезным видом спросил Эметерио Варгас.

– Еще один, – язвительно произнес дон Эусебио. – Вы, как и я, годами выписываете ABC. Разве она когда-нибудь лгала нам? А радио? Может, вы еще и радио не верите? Я вчера своими ушами слышал, как в новостном выпуске радио

Unión сказали, что мятеж подавлен, в том числе и в Севилье.

– Я сам этого не проверял, – нагнулся вперед Луис, глядя то на одного, то на другого, – но люди, которым удалось поймать радио Севильи, говорили, что там происходит совсем не то, что нам рассказывают в Мадриде.

– Тем лучше. Было бы славно, если бы военные вышли из своих казарм и немного постреляли, может, хоть так удастся привнести немного порядка в этот бардак.

– Им давно следовало это сделать, – раздраженно буркнул Эметерио, сидя с потерянным лицом, – выйти из казарм и взять под контроль народные дома, профсоюзы, радио и газеты. Они попросту теряют время.

Луис де ла Торре предпочел не развивать эту тему. У него не было ни малейшего желания ввязываться в бесконечные пересуды.

– Ты приехал на машине?

– А как же еще? – резко ответил дон Эусебио, недовольно махнув рукой. – Не на трамвае же. На них сейчас ездят задарма все кому не лень, и никто им и слова не скажет.

– Тогда поберегись. Машины сейчас отбирают на каждом шагу. Даже такси забирают на службу правительству.

– Пусть только тронут мой форд, я им такое устрою.

– Хорошо, – кивнул Луис, – теперь нужно узнать, куда увезли Исидро. Мы обзвонили все полицейские участки района, но там никто ничего не знает или не хочет говорить. Один полицейский сегодня утром посоветовал мне отыскать

какое-нибудь влиятельное лицо. У тебя кто-то есть на примете, кого можно попросить о такой услуге?

Дон Эусебио задумчиво отхлебнул вермута.

– Не знаю... Нужно сохранять осторожность. Если начнем спешить, сами знаете, – и он ненадолго умолк, размышляя. – Позвоню Никасио, может, он сможет что-нибудь сделать.

В этот момент с улицы раздались сухие щелчки трех выстрелов.

Луис де ла Торре встал и помахал рукой, подзывая официанта, чтобы тот подал счет.

– Сегодня я угощаю.

Дон Эусебио удивленно посмотрел на него.

– Уже уходишь? Никого же еще нет.

– Никто и не придет, Эусебио. Ситуация становится очень опасной. Я пойду домой, послушаю, что говорят по радио, и, возможно, завтра же уеду из Мадрида в Бургос. У Марты там дядя с тетей, у которых можно пожить, пока ситуация не прояснится. Не думаю, что это продлится долго, но, пока еще возможно, я хочу уехать.

– Подожди меня, – сказал Эметерио. – Я пойду с тобой.

– Ну, давайте, давайте! Пусть эта шантрапа ломает вам жизнь. Стоит нам отказаться от наших привычек, нас сожрут...

– Эусебио, не будь слишком самоуверен, – оборвал его Луис. – Послушай моего совета, отправляйся домой.

Дон Эусебио не шевельнулся, давая своим видом понять,

что остается.

– И сделай что сможешь для Исидро, – добавил Луис. – Он же твой друг.

Оба мужчины поспешно удалились, даже не надев шляпы. Дон Эусебио смотрел в окно, как они уходят.

– Парочка трусов, – процедил он.

Затем обратился к официанту.

– Пруденсио, подай телефон, мне срочно нужно позвонить.

Он набрал домашний номер Никасио Саласа, директора больницы Принсеса, но никто не взял трубку.

– Как странно...

Дон Эусебио повесил трубку. Посмотрел на часы, которые носил в кармане пиджачного жилета на блестящей золотой цепочке, резко выделявшейся на фоне темной ткани. Убедившись, что никто больше на воскресный аперитив не придет, решил отправиться домой. Оттуда нужно будет снова позвонить его другу Никасио. У того были связи с большими шишками из Главного управления безопасности и начальниками Штурмовой гвардии. Он точно мог решить вопрос с Исидро, где бы тот ни находился. Надев поданную официантом шляпу, дон Эусебио подумал, как обрадуется Брихида его раннему возвращению. Распрощавшись с Пруденсио, направился к выходу. Пройдя через вращающуюся дверь, он остолбенел. Полдюжины человек в комбинезонах на молнии, некоторые с портупеей поверх комбинезона, вы-

строились вокруг его автомобиля, облокотившись на него, словно кого-то поджидая. Дон Эусебио почувствовал, как закипает кровь, и, не замечая оружия в руках у наглецов, пошел к ним, крича на ходу:

– Эй вы, а ну отошли! На эту машину можно смотреть, но ее нельзя трогать.

Его крики не произвели никакого эффекта, никто не двинулся с места.

– Твоя машина? – спросил один из них.

– Мы с вами незнакомы, чтобы вы мне тыкали!

– Хочу и буду тыкать, понял?

Дон Эусебио презрительно посмотрел на него. Тогда другой мужчина запрыгнул на капот.

– А ну-ка слез оттуда, быстро! – взбеленился дон Эусебио.

Кто-то сзади сбил с него шляпу, и та покатилась по земле. Дон Эусебио ошарашенно развернулся, его захлестнули испуг и неуверенность. Бормоча ругательства, он нагнулся было за шляпой, но чья-то нога отфутболила ее в сторону, и шляпа превратилась в мяч, порхающий от одного обидчика к другому, пока хозяин потешно дергался из стороны в сторону, пытаясь ее поймать.

– Я сейчас вызову охрану, и она вам...

– Мы здесь власть, – презрительно сплюнул главарь шайки. – И мы реквизируем этот автомобиль на нужды Республики.

Вне себя от бешенства дон Эусебио бросился на говорив-

шего и толкнул его.

– Разбежался. Эта машина – моя...

Что-то ударило его по щеке, и дон Эусебио потерял сознание. Первое, что он почувствовал, придя в себя, был резкий запах мочи. Он попытался сесть, но лицо отозвалось болью, так что пришлось уткнуться обратно в матрас, укрывавший подобие койки. От него шла такая вонь, что дон Эусебио почувствовал, что его сейчас стошнит. Преодолевая чудовищную головную боль и острое жжение на щеке, он сел. Затем огляделся. Помещение было маленькое, темное и сырое, крошечное оконце едва пропускало свет. Грязные стены. Закрытая дверь напротив. У него определенно шла носом кровь, теперь она темным пятном запеклась вокруг губ, на щеке и на шее. Туфель, пиджака, жилета и галстука нигде не было. Ощупав карманы, доктор понял, что остался без часов и бумажника с деньгами.

– Жалкое ворье...

Поднявшись, он подошел к двери и попробовал открыть, но она была заперта. Тогда он забарабанил кулаком.

– Эй... Есть там кто? – крикнул он изо всех сил. – Меня кто-нибудь слышит? Эй! Слышите меня?

Шум отодвигаемого засова заставил доктора сделать шаг назад. Дверь открылась, и перед ним предстал здоровенный неряшливо одетый человек с желтоватой сигаретой во рту, он грубо спросил:

– Чего орешь?

– Где я?

– Задержан.

– За что?

– У меня нет права сообщать тебе эту информацию.

– Но...

– Больше никаких вопросов, – решительно отрезал тот, словно наслаждаясь своей властью.

Дверь почти закрылась, но дон Эусебио остановил ее.

– А мои машина, бумажник и туфли? Это же какое-то безобразие! Вы вообще знаете, кто я?

Мужчина, принятый в ополчение несколько часов назад и впервые в жизни познавший радость власти человека с пистолетом на поясе, презрительно посмотрел на него сверху вниз.

– Конечно знаю. Ты кусок дерьма, вот ты кто, самый натуральный кусок дерьма!

Дон Эусебио ничего не смог сказать в ответ. Он не понимал, что происходит. Растерянность мешала ему действовать.

– А сейчас заткнись и жди, пока за тобой придут, понял?

Он снова вознамерился закрыть дверь, но дон Эусебио опять обратился к нему с вопросом, уже несколько заискивающе.

– Сколько сейчас времени?

Мужчина посмотрел на него со смесью удивления и равнодушия. Пожал плечами.

– Самое время тебе заткнуться.

– Можно сообщить моей жене, что я здесь? Она, наверное, очень волнуется.

– Я же сказал, сиди и жди, пока за тобой придут.

Дон Эусебио бросился на тюремщика, крича, что не позволит с собой так обращаться. Тот, разозлившись, со всей силы отбросил его в камеру и захлопнул дверь. Дон Эусебио неуклюже споткнулся, подвернув ногу, и упал на пол. Звук закрывающейся двери и лязг засова наполнили его ужасом. С трудом дыша, он поднялся и бросился барабанить в дверь, но ответом ему была тишина. Через какое-то время, усталый и оглушенный, он уселся на угол тюремной койки, зажал ладони между бедер и растерянно съежился. Из-за жары и влажности все вокруг казалось липким. Но, несмотря на зной, доктора колотила неконтролируемая дрожь. Он чувствовал, что задыхается в этом закрытом неприветливом месте. Вспомнил, как жена уговаривала его остаться дома. Устыдившись, дон Эусебио сознался самому себе (он никогда не сделал бы этого публично), что она была права. Если бы он ее послушал, то сейчас спокойно сидел бы дома в удобных кожаных тапочках и уютном шелковом халате цвета граната и наслаждался бы воскресным вечером и хорошей сигарой.

Загадочное окно

Я встал рано. Привык подниматься ни свет ни заря, чтобы позавтракать в одиночестве до прихода Росы. Выключив кухонное радио, безостановочно плевавшееся новостями и рекламой, налил себе горячего кофе и уселся у окна, наслаждаясь в тишине едва слышным журчанием просыпающегося города. Полюбовался своим лицом, отражающимся в безукоризненно чистом стекле, за которым только-только начинал разгораться из темноты ночи новый день, и медленно и с наслаждением отхлебнул дымящегося кофе, смакуя отсутствие необходимости куда-то спешить: до начала моего дня было еще очень много времени. Немного взбодрившись, принял душ и оделся по-домашнему. Затем заперся в своем кабинете и уселся за письменный стол. Зажег настольную лампу на штативе и запустил компьютер. Пока тот загружался, я достал жестяную коробку, открыл ее и поставил фотографию рядом с экраном. Пристально посмотрел на застывшие на ней фигуры и услышал свой собственный голос:

– Уверен, что вы хотите мне что-то рассказать, только что? Как мне узнать о вас больше?

Поставив пальцы на клавиатуру, я создал новый документ и написал: «Когда все это закончится». Эта фраза неоднократно повторялась в письмах Андреса, демонстрируя, как он стремился к неясному для себя будущему, надеясь оста-

вить в прошлом болезненное расставание, причинявшее ему столько страданий. Затем я замер, вцепившись в клавиатуру и глядя в белый экран, посидел так какое-то время и откинулся назад, побежденный настойчивой неподвижностью своих пальцев, тяжестью разума и абсолютным отсутствием мыслей. Поднял глаза над экраном и устремил взгляд в пустоту. Я сидел напротив окна, через которое виднелся кусочек мадридского неба (я жил на верхнем этаже) и другое окно чуть поменьше в доме по ту сторону общего светового колодца. Ставни этого окна всегда оставались наглухо закрытыми. Было件нятно, что там давно, уже много лет никто не живет. Окно выглядело заброшенным, и я никогда не видел, чтобы кто-то его открывал. Но в тот день старые ставни оказались широко распахнутыми, и за пыльными стеклами и кружевным тюлем угадывался теплый желтый свет лампы. Я с любопытством вглядывался в этот свет, пытаюсь увидеть, что же там внутри. Вдруг по ту сторону стекла возникло лицо. Оно застало меня врасплох и заставило вздрогнуть и на мгновение отвести взгляд. Когда же я снова поднял глаза, передо мной предстала улыбающаяся девочка десяти-двенадцати лет, махавшая мне рукой. Немного пристыженно, как человек, которого прихватили на чем-то горячем, я поднял свою руку и помахал ей в ответ. Мы глупо застыли, не в силах оторвать взгляда друг от друга и толком не зная, что делать дальше. Затем она отвела с лица падавшую ей на лоб прядь волос и повернулась к кому-то. Через мгновение рядом с ней

появилась старушка и тепло улыбнулась мне, приветственно кивнув головой. Я вежливо ответил на ее приветствие. Новые соседи не обрадовали меня, скорее, наоборот, выбили из колеи: я никогда не закрывал жалюзи, занавесок у меня не было, теперь же, когда в доме напротив появились жильцы, я буду все время чувствовать, что за мной следят. Это мешает и сбивает с правильного настроения. Пожилая женщина что-то сказала девочке, они обе взглянули на меня, еще раз помахали рукой и исчезли из виду. Я опустил взгляд на черно-белую фотографию на своем столе, затем на клавиатуру, потом на экран, но так и не написал ничего нового в свежесозданном документе, а принялся искать в Google информацию о Мостолесе.

Глава 3

Донья Брихида застыла у одного из окон гостиной и, перебирая четки, непроизвольно шевелила губами в молчаливой молитве. Настенные часы, разбивавшие своим тиканьем страшную тишину бесконечного дня, пробили восемь.

Она не слишком удивилась, когда муж не пришел к обеду. В этом не было ничего необычного: он часто задерживался в каком-нибудь дорогом ресторане с кем-то из коллег и никогда не считал нужным позвонить и предупредить ее об этом. Но в это воскресенье все было по-другому. С учетом того, как обстояли дела, он должен был сообщить ей, что придет позже. Она чувствовала себя взволнованной и в то же время задетой неуважением супруга. И предавалась тревожным мыслям при полном равнодушии со стороны своих детей, которых не сильно волновали ее чувства. Единственной, кто зашел в гостиную, чтобы попытаться успокоить ее, была Тереса.

– Мама, не волнуйся так за него, ты же знаешь, какой он, наверняка просто засиделся.

– Твоего брата Марио тоже нет. Еще один гулена. Я их предупреждала, но меня же никто не слушает.

В этот момент зазвонил телефон, оборвав причитания доньи Брихиды. Обе женщины повернулись к аппарату, но первой отреагировала Тереса.

– Я возьму, Хоакина, – крикнула она, прежде чем снять трубку, и служанка, уже спешившая по коридору, чтобы ответить на звонок, вернулась на кухню.

– Квартира доктора Сифуэнтеса.

Она внимательно слушала человека по ту сторону аппарата, прикрыв, к неудовольствию матери, трубку рукой.

– Это друг Марио, – прошептала она ей и повернулась к ней спиной.

На самом же деле, это был Артуро, ее жених, которого она скрывала от родителей. Он звонил ей из пансиона, где квартировал.

Тереса слушала, не говоря ни слова. Затем поблагодарила говорившего и повесила трубку.

– Что стряслось, доченька? – спросила мать молящим голосом. – Что-то с Марио?

– Звонил Артуро Эрральде.

– А... Этот... – презрительный жест матери ранил Тересу. – Что ему нужно? Зачем звонит?

– Сказал, что в центре города горит много церквей и монастырей. Что на улицах стреляют. Что нам лучше не выходить из дома.

– С чего бы мне слушать всяких бездельников?

Тереса не ответила. Не хотела заводитьсь.

Внезапно, словно осознав, что сказала ей дочь, донья Брихида испуганно прижала руки ко рту.

– Боже мой, твой отец... твой брат... Где же они?

– Мама, не переживай за Марио, он поехал в Эль-Пардо, а беспорядки в центре.

В семействе Сифуэнтес помимо непосредственно супругов дона Эусебио и доньи Брихиды было еще пятеро детей: двадцатидвухлетний Марио, доучивавшийся на юридическом факультете Центрального университета Мадрида, двадцатилетняя бунтарка Тереса, восемнадцатилетние близнецы Карлос и Хуан, готовившиеся выпуститься из школы имени Сервантеса, чтобы впоследствии пойти по стопам отца и изучать медицину, и самая младшая из всех, пятнадцатилетняя Росарио, которую все звали Чарито. Дочка внешне походила на мать, была светлоглаза и светловолоса и крутила родителями, как ей вздумается. Отец, державший себя холодно и отстраненно со всеми членами семьи, не чаял в ней души с самого детства и вконец разбаловал, потакая всем ее капризам. Чарито целыми днями напролет торчала дома, критикуя всех подряд и цепляясь к братьям.

Донья Брихида Мартин Карамильо была единственной дочерью известного доктора Мартина, погибшего больше десяти лет назад в автокатастрофе. После его смерти управление обширным имуществом семьи перешло к супруге и оставалось в ее руках до самого конца. Осиротев, донья Брихида, будучи единственной наследницей, стала хозяйкой огромного состояния. Она никогда никому не говорила о своем возрасте, но ей было ближе к пятидесяти, чем к сорока. С тех пор как дети подросли, дом напоминал пансион, куда кто-

то все время приходит и откуда кто-то все время уходит и каждый делает все, что ему заблагорассудится. Право решающего голоса принадлежало дону Эусебио, который, впрочем, использовал его только в крайних случаях, предпочитая винить супругу во всех неудобствах, связанных с повседневным бытом. Она же срывала свою досаду на двух единственных женщинах, полностью зависевших от нее: кухарке Петрите и служанке Хоакине. И только нужда заставляла их сносить, ворча сквозь зубы, заносчивое и деспотичное поведение хозяйки.

Семья жила на широкую ногу за счет хорошего жалования дона Эусебио, работавшего акушером в больнице Принсеса, сдачи в аренду нескольких квартир и мансард в центре города и процентов по банковским счетам. Квартира в доме под номером 25 на улице Хенераль-Мартинес-Кампос, в которой жила семья, когда-то принадлежала родителям доньи Брихиды. Места в квартире было много, но перегруженность неуместным декором делала ее темной и мрачной. Вдоль широкого коридора выстроились семь просторных спален, гостиная, кабинет-библиотека, огромная кухня и крошечная каморка, в которой спали Петра и Хоакина. Кроме того, в доме были один туалет, совмещенный с ванной, и два отдельных туалета. Очень высокие потолки были украшены сложной лепниной, вдоль стен стояли дорогие и вместе с тем бесполезные безделушки и роскошная мебель.

Каждый год семья переезжала на лето в Сантандер, увозя

с собой служанку и кухарку. Август Сифуэнтесы проводили в доме, некогда принадлежавшем, как и все их имущество, родителям доньи Брихиды. В то лето 1936 года они планировали уехать 25 июля: дон Эусебио смог сдвинуть свой отпуск на неделю. Донья Брихида уже начала готовить все к переезду, но в это воскресенье ее маленький мирок вдруг зашатался и наполнился пугающей неопределенностью.

Раздался резкий дверной звонок. Мать с дочерью переглянулись.

– Кто бы это мог быть?

Донья Брихида понимала, что это не муж, он всегда открывал дверь своим ключом, и не Марио – по той же самой причине. Обе женщины напряженно прислушивались к шагам Хоакины, которая пошла открывать. В дверь снова настойчиво позвонили. Служанка, шаркая тапками, привычно крикнула: «Иду-иду». Затем повисла напряженная тишина, потом послышались перепуганные возгласы:

– Святые Мария и Иосиф! Сеньора... Сеньора, бога ради, идите скорее сюда! Сеньора!

Крики Хоакины звенели и рассыпались в голове доньи Брихиды, пока она бежала по коридору вслед за более проворной Тересой. Выскочив в прихожую, Тереса резко остановилась, и донья Брихида врезалась в дочь. Обе женщины ошеломленно смотрели, как навстречу им ковыляет дон Эусебио, придерживаемый за руку переполошившейся Хоакиной.

– Папа, – пробормотала Тереса, – что с тобой случилось?

Вид у дон Эусебио был жалкий и неопрятный. На лице запеклись пятна крови, нос распух, на правой скуле зияла рана. Рубашки не было, штаны, лишенные подтяжек, съехали вниз, на ногах остались только рваные шерстяные носки. И все было щедро заляпано грязью.

Дон Эусебио на мгновение поднял глаза, но тут же опустил их: ему было стыдно, что он предстал перед ними в таком виде.

Тереса подошла к нему и взяла за вторую руку, но он с видом оскорбленного достоинства освободился от поддерживавших его женщин. Донья Брихида, пораженная тем, что муж вернулся в таком состоянии, медленно подошла к нему и замерла напротив.

– Эусебио, что... что с тобой произошло?

Он молча посмотрел на нее и, не в силах сдерживаться, разрыдался, нервно и раздраженно всхлипывая и стыдясь своего плача. Она с опаской взяла его за руку.

– Дочка, звони Исидро Мартинесу...

– Нет, нет, – вполголоса, прихрамывая, сказал дон Эусебио, – не нужно Исидро, позвони Луису де ла Торре, его номер в списке у меня на столе.

На шум вышли близнецы, а за ними – Чарито, расплакавшаяся при виде отца. Тереса, снова взяв отца под руку после того, как он немного ослабил бдительность, отправила брата Хуана звонить врачу.

– Хоакина, – велела донья Брихида, – приготовь горячую ванну и скажи Петре, чтобы сварила бульон.

Пока служанка выполняла ее распоряжения, донья Брихида вместе с Тересой отвели отца в спальню и начали снимать с него грязную одежду.

– Где Марио? – спросил отец, заметив его отсутствие.

Донья Брихида сняла с него рубашку и раздраженно швырнула ее на пол.

– Сегодня утром он поехал в Эль-Пардо со своими друзьями и до сих пор не вернулся. Конечно, меня же никто не слушает.

Тереса укоризненно посмотрела на мать. Момент для упреков был выбран неподходящий.

Она видела, что отсутствие Марио беспокоило отца.

– Я позвоню его друзьям, – сказала она, чтобы успокоить его. – Может, их родные что-то знают.

Выходя, Тереса столкнулась в дверях спальни с Хуаном.

– Дон Луис сказал, что сейчас приедет, – сообщил тот.

Чарито продолжала подвывать. Донья Брихида обернулась к детям.

– Так, давайте-ка все по своим комнатам. Здесь больше смотреть не на что.

Все трое вышли, через какое-то время Тереса вернулась обратно с озабоченным выражением на лице.

– Ну что там? – язвительно спросила мать, видя, что дочь не собирается говорить.

– Ничего, мама, они тоже ничего не знают и волнуются, как и мы. Кроме того, мать Фиделя сказала, что на улице Вентура-Родригес творится черт знает что и слышны выстрелы, много выстрелов. Она очень напугана.

Тереса поймала взгляд доня Эусебио и увидела в его глазах проблеск страха. У нее заныло в животе. Она никогда еще не видела отца таким напуганным, как тем вечером. Мать, бормоча сквозь зубы что-то о пропаже старшего сына, повела мужа в ванную.

Тереса ввела в родительскую спальню Луиса де ла Торре.

– Папа, дон Луис приехал.

– Луис, проходи.

Де ла Торре подошел к кровати, на которую после расслабляющей ванны уложили доня Эусебио. Его лицо и тело хранили свидетельства ужасов заточения, выпавших на его долю.

– Кто тебя так отделал?

И приступил к осмотру ран, начав с лица.

– По-моему, мне сломали нос и одно или два ребра. Запястье тоже болит, но на перелом не похоже.

Де ла Торре ощупал запястье.

– Скорее всего, вывих. Дай-ка я посмотрю твой нос... – нагнулся и осторожно прикоснулся к его лицу. – Не сломан, но удар был хорош... Что за звери тебя так отделали?

Донья Брихида и Тереса стояли с другой стороны кровати, ожидая результатов осмотра и желая узнать, что же про-

изошло. Несмотря на настойчивые расспросы жены, дон Эусебио не дал ей никаких объяснений. С его губ срывались лишь стоны, проклятья да ругательства, вызывавшие у нее истовое желание перекреститься.

– Вскоре после того, как мы с вами распрощались, я вышел из «Рица» и увидел, что около моей машины расположилась в ожидании группа молодчиков, из тех, что сейчас патрулируют улицы. Они ударили меня чем-то по лицу, а потом заперли в камере. Не спрашивай меня, где, не имею об этом ни малейшего понятия. Какой-то дом в окрестностях Легаспи, скорее всего, один из народных домов, в которых засели эти вконец распоясавшиеся коммунисты.

– Это были коммунисты?

– А что, между ними и всеми остальными есть какая-то разница? Все одно, отбросы...

Он дернулся от боли, когда Луис попытался продезинфицировать рану на щеке.

– Потерпи, Эусебио. Порез глубокий, его нужно обработать, – на какое-то время де ла Торре умолк, занятый раной, но потом продолжил: – Разница есть, и большая. Хуже всех, насколько я понимаю, анархисты.

– А я тебе говорю, все они одинаковы, сукины дети, бездельники и бродяги, вот они кто, все без исключения.

И он снова дернулся от боли.

– Расслабься, я уже заканчиваю. Крепко тебе врезали, считай, раскроили все лицо.

– Ублюдки... – последовала новая вереница яростных ругательств и оскорблений, заставившая донью Брихиду перекреститься. – Я потерял сознание. А когда пришел в себя, то увидел, что очутился в пустой вонючей каморке. Меня держали там несколько часов без питья и еды...

Помогая мужу снять штаны, донья Брихида увидела, что он обмочился, но комментировать этого, разумеется, не стала.

– А почему тебя задержали, ты знаешь?

– Никто мне ничего так и не сказал. Но это точно были не штурмовики и не Гражданская гвардия. Просто какие-то вооруженные варвары.

– Как тебе удалось выбраться оттуда?

– Судя по всему, они выяснили, что я действительно врач, и сказали, что я могу отправляться домой и ждать там дальнейших указаний, – он повысил голос и отчаянно махнул рукой. – Дескать, они позаботятся поставить меня на службу Республике. Меня выкинули на улицу и отпустили у входа в метро, дав несколько сентимо на билет, – он понизил голос почти до неразличимого шепота, и донья Брихида вся обратилась в слух. – Ты и представить себе не можешь, какой стыд я пережил, возвращаясь домой, Луис, представить себе не можешь...

Его глаза налились слезами, но он сдержался, гордо поднял голову и засопел.

– У меня отобрали машину, одежду, украли часы и деньги.

Донья Брихида вздрогнула и прижала руку ко рту.

– Боже правый, и часы...

Никто не обратил на нее внимания. А дело было в том, что часы, которые ее муж носил в жилетном кармане, принадлежали ее деду, а после него – ее отцу. Утрата семейной реликвии отозвалась болью в ее душе.

– Что ж, Эусебио, так сегодня обстоят дела. Радуйся, что остался жив. Сейчас тебе нужно отдохнуть и забыть об этом неприятном эпизоде.

– Как только я смогу двигаться, я подам заявление на эту нахальную шайку.

– Ты ничего не сделаешь, Эусебио. Оставайся дома, не дергайся, приходи в себя и никуда не ходи. Я же сказал тебе утром, что ситуация с каждым часом становится хуже.

– Ты что, думаешь, что я оставлю это вот так? Моя машина и часы уж точно стоят того, чтобы потрудиться написать заявление в полицию. А мое достоинство, Луис, а? Мое достоинство! Как быть с ним? Сидеть сложа руки и ничего не предпринимать?

Луис де ла Торре повернулся к донье Брихиде, но та жестом дала понять, что не в силах переубедить своего мужа. Тогда он снова посмотрел на лежащего в кровати друга.

– Я поправил тебе нос, насколько это было возможно, что же до ребер, то им нужен покой, Эусебио. Думаю, что несколько дней постельного режима помогут тебе взглянуть на ситуацию по-другому.

– Про Исидро что-нибудь слышно? Сегодня утром я попытался дозвониться до Никасио Саласа, но он не взял трубку...

– Как раз перед тем, как позвонил твой сын Хуан, я разговаривал с Маргаритой. Она ничего не знает, – он на мгновение остановился, задумавшись. – Эусебио, будь поосторожнее с Никасио.

– Почему?

Тот странно скривился.

– Просто имей в виду, что с ним нужно быть осторожным. Я ему не доверяю, и тебе не следует.

Донья Брихида, побледнев, шагнула к кровати.

– С Исидро что-то случилось?

Луис хмуро обернулся.

– Его забрали сегодня утром прямо от дверей церкви, и с тех пор о нем ничего неизвестно.

– Боже мой, что с нами всеми будет?

Дон Эусебио проигнорировал стенания своей супруги.

– Зайди ко мне завтра после работы, расскажешь, как там дела в больнице.

Луис де ла Торре отрицательно покачал головой.

– Нет, Эусебио, завтра я в больницу не пойду. Марта уже складывает вещи, чтобы на рассвете уехать из Мадрида. Мы вернемся, когда все успокоится.

Дон Эусебио посмотрел на него со смесью возмущения и неверия.

– Я не позволю никому выгнать меня из моего дома, – презрительно сказал он.

Луис де ла Торре собрал свои медицинские инструменты и отошел от кровати, подойдя к ожидавшим его женщинам.

– Будьте очень осторожны.

Донья Брихида проводила друга мужа до дверей и попрощалась с ним. Потом вернулась к кровати, на которой восстанавливал силы дон Эусебио.

– Ты будешь подавать заявление? – спросила она, делая вид, что поправляет простыни.

– Ты же слышала, что сказал Луис?

– А машина? – взвилась она. – Святые небеса, она же была совсем новой! А часы? Неужели ты позволишь им оставить себе часы? Ты же знаешь, что это часы моего отца...

– Ты можешь умолкнуть и сделать так, чтобы я тебя не видел? Ты утомляешь меня своим присутствием.

Грубость застала донью Брихиду врасплох. Она резко выпрямилась, скрестив руки на животе, словно сведенном судорогой, вздернула подбородок и сжала губы, втягивая воздух и пытаясь сохранить давным-давно утраченное достоинство. Затем развернулась и направилась к двери.

– Тереса, пойдем, твоему отцу нужно немного отдохнуть.

Тереса вышла, давая в себе ярость, вызванную публичным унижением матери. Та никогда не спорила с мужем, позволяя ему делать все, что вздумается, а он обращался с ней как с собакой. Ее мать действительно звезд с неба не хватала, но

Тересу приводило в ярость то презрение, с которым отец относился к ней и которое та принимала с жалким смирением.

Первый след

Я впервые очутился в этом городе, которому должен был бы в полной мере подходить эпитет «спальный район», но увиденное мной говорило о том, что Мостолес живет полноценной жизнью. Следуя дорожным указателям, я направил машину в сторону судебного квартала, соседствовавшего, если верить Google, с мэрией и парковкой. Поставив автомобиль, я двинулся пешком в центр старого города – место, откуда село, где проживало чуть более трех тысяч жителей, разрослось в семидесятые годы во всех направлениях, превратившись в двухсоттысячный город. Согласно собранным мной сведениям, в тридцатые годы центром Мостоле-са были часовня Пресвятой Девы Марии, церковь Вознесения Девы Марии и площади Аюнтамьенто и Прадильо. На последней располагался фонтан «Рыбы» – по всей видимости, тот, где семьдесят четыре года назад мои герои Андрес и Мерседес сделали свой семейный снимок. К моему удивлению, несмотря на все перемены в жизни города, фонтан вроде бы оставался на прежнем месте.

Сориентировавшись в хитросплетении улиц с помощью попавшейся мне на пути пары, я добрался до часовни. Спустился по крутому склону, усаженному по краям жидкой и

неровной линией деревьев, и оказался в тени святого места. Вышел на перекресток. Посмотрел по сторонам и обнаружил справа малюсенькую площадь с аккуратными клумбами и отдельно стоящими деревцами. В центре ее располагался фонтан. Чтобы развеять последние сомнения, я спросил у проходившей мимо меня женщины, толкавшей перед собой коляску с ребенком:

– Это фонтан «Рыбы»?

– Да, сеньор, он самый.

Поблагодарив ее, я подошел к восьмиугольной чаше, в центре которой на гранитном пьедестале расположилась пара бронзовых рыб, плюющих струями воды. Перешагнув через цепи, служившие условной оградой, едва доходившей мне до колена. Прикоснулся к каменному бортику и почувствовал, как меня захлестнуло странное чувство. Я закрыл глаза и попробовал отгородиться от окружающего шума, голосов, людского присутствия и гула моторов, чтобы перенестись в то воскресное утро июля 1936 года, когда Андрес и Мерседес на этом самом месте позировали перед стоявшим на треноге древним фотоаппаратом из тех, у которых фотограф на некоторое время исчезал под тканевым пологом, чтобы сфокусировать камеру и запечатлеть момент, лица, жесты.

– Улыбнитесь немного, вы слишком напряжены.

И Мерседес с Андресом улыбнулись, переглянулись и расслабились.

– Не двигайтесь... вот так, и-и-и...

Вспышка – и фотография готова. Они навсегда запечатлены в черном и белом на тонком листе плотной бумаги. Я задался вопросом, о чем думали эти люди в то роковое для испанской истории 19 июля. Судя по их спокойствию, они и не подозревали, что в тот самый момент началась жестокая война, которая навечно оставит свой отпечаток на каждом испанце. Я почувствовал глубокую симпатию к этой паре, захотел узнать и разделить (пусть хотя бы в воспоминаниях) их переживания и печали, которых, судя по лаконичным письмам Андреса, на долю супругов выпало немало, выяснить, сбылось ли его желание, о котором он писал в конце каждого из своих посланий: «Когда все это закончится, мы снова будем вместе, станем одной семьей и вернем нашу жизнь, жизнь, в которой мы были счастливы, были одним целым, пока чужая война не разлучила нас».

Стоя на том самом месте, где была сделана попавшая мне в руки фотография, где-то совсем недалеко от их дома, я думал о том, удалось ли им выжить, ходят ли где-то рядом их потомки, которым выпала совсем другая доля, нежели их родителям.

Вдруг ощущение чего-то чужеродного вырвало меня из моих раздумий. Я открыл глаза и почувствовал себя оглушенным, словно только что совершил путешествие во времени. На меня, невинно улыбаясь, смотрела какая-то девочка.

– Привет!

– Привет! – ответил я, не понимая, как себя вести.

– Тебе нравится этот фонтан?

– Да... конечно.

– Мне тоже, – она перегнулась через бортик, чтобы посмотреть в воду. – Жаль только, рыбок в нем нет. Раньше были.

– Вот как? Ты отсюда?

Она покачала головой.

– Я родилась в Бойро, рядом с часовней Сан-Рамон-де-Беало. Мой дом там.

– А... – ответил я немного растерянно.

Я оглянулся, пытаясь понять, неужели она пришла одна.

– Ты сама сюда пришла?

– Нет, с бабушкой.

От ее взгляда я почувствовал себя неловко. В ее глазах переплетались уверенность взрослого человека и детское любопытство, которое не видит преград на своем пути.

– Ты писатель?

Я удивленно посмотрел на нее.

– А что, это так заметно?

– Конечно, это видно по твоим глазам.

– Хм... не знал.

– А о чем ты пишешь?

– Этого по моим глазам не видно?

Девочка не ответила. Лишь отвела с лица прядь волос. И

тут же все встало на свои места.

– Я тебя уже видел...

– Сегодня утром, – ответила она с улыбкой, – когда ты сидел за компьютером.

Я понял, почему она решила, что я писатель.

– Так значит, это ты была в том окне. Как странно, что мы снова встретились здесь. Как тебя зовут?

– Наталья.

– А меня – Эрнесто. Очень приятно, Наталья! Теперь я буду знать, как зовут глаза, которые я вижу по ту сторону стекла.

В то же мгновение девочка отвела взгляд.

– Мне пора. Пока.

И, не сказав больше ни слова, перепрыгнула через цепь и убежала.

Чуть поодаль ее ждала старушка. Она взяла девочку за руку, обе женщины посмотрели на меня и улыбнулись. Я подумал, что ее-то я и видел сегодня утром за стеклом рядом с моей маленькой соседкой. Прежде чем уйти, девочка еще раз обернулась и наградила меня удивительно взрослой улыбкой.

Я посмотрел на часы и увидел, что до назначенной встречи оставалось ровно десять минут.

Спустя несколько мгновений я уже был возле мэрии. Следуя указаниям служащего в окошке информации, поднялся на четвертый этаж в архив. На двери висела табличка: «Вхо-

дите без стука». Я открыл дверь и вошел. За столом сидела женщина.

– Доброе утро! Я договаривался о встрече с архивариусом Кармен.

Женщина встала.

– Это я, – она любезно протянула мне руку. – Вы, я так понимаю, Эрнесто Сантамария, верно?

Она предложила мне сесть напротив. Ей было сорок с небольшим, короткая стрижка, маленькие, но очень живые и внимательные глаза, привыкшие тщательно оценивать все, что видят. Я уже говорил с ней по телефону. Задавшись целью разузнать что-нибудь об Андресе и Мерседес, я первым делом подумал об историческом архиве. Но она сразу предупредила меня, что у них нет сведений об отдельных лицах (даже кадастровых записей), потому что в октябре 1936 года, перед тем как националисты вошли в Мостолес, республиканцы уничтожили все документы.

– Какая жалость, – сказал я, услышав, что такая большая часть истории города была утрачена.

– Войны не только разрушают жизни и семьи, но и уничтожают прошлое, оставляя пробелы, которые невозможно заполнить. И Мостолес, к сожалению, не стал исключением из этого страшного правила.

Она говорила спокойно, без упрека, но с грустью, характерной для тех, кто хорошо сознает, сколь ценные материалы были утрачены.

– Это те люди, о которых я вам говорил, – я достал фотографию и показал ей. – Если не ошибаюсь, снимок был сделан у фонтана «Рыбы», из чего я сделал вывод, что речь идет о местных жителях.

– Да, это тот самый фонтан, он расположен здесь неподалеку.

– Я видел его по пути к вам.

Она молча разглядывала фотографию.

– Может быть, они жили здесь. В то время туризм был не в моде, да и фотографии делали не так, как сейчас, когда люди снимаются по любому поводу в каждом месте, куда их заносит судьба. Такие портреты – своего рода исторический документ.

– Думаю, то же самое станет и с нашими фотографиями лет через семьдесят.

Она улыбнулась, не отрывая взгляда от снимка.

– Одному Богу ведомо, что будут думать люди о наших фотографиях через семьдесят лет. Мы этого точно не узнаем.

Я перевернул портрет и прочитал надпись карандашом.

– Видите, фотография датирована днем начала войны. Он, скорее всего, вступил в ополчение и уехал из Мостолеса, потому что в период с сентября по октябрь 1936 года писал жене письма.

– Я уже сказала, что мало чем могу помочь, – она подняла взгляд и пристально посмотрела на меня. – Почему вы так

заинтересовались ими? Это ваши родственники?

– Нет-нет. Все гораздо проще, ну или сложнее, как посмотреть. Я писатель и думаю, – я пожал плечами, чувствуя неловкость человека, который пытается объяснить что-то, чего сам не понимает, – что, возможно, было бы интересно рассказать их историю. Но пока все, что у меня есть, – это вот эта фотография и восемь малосодержательных писем.

– А почему бы вам не поговорить со здешними стариками, теми, кто родился и вырос в Мостолесе? Они наверняка смогут навести вас на след ваших героев, если, конечно, они отсюда.

– Тех, кто пережил войну, наверняка осталось немного. Женщина понимающе улыбнулась.

– Хотя в это сложно поверить, еще тридцать лет назад Мостолес был крошечным городком, а в таких местах история всегда передается из уст в уста. Возможно, вы не найдете прямых свидетелей, но их дети и даже внуки слышали истории о войне от своих предков. Это единственное, что я могу вам посоветовать.

– Я не знаком ни с кем из местных жителей, родившихся в Мостолесе, я вообще никого здесь не знаю. И не понимаю, с чего начать.

Архивариус сплела пальцы, пристально глядя мне в глаза, оценивая, словно какой-нибудь исторический документ, прежде чем каталогизировать его и занести в архив. Затем взяла бумажку, написала на ней имя и телефон и протянула

ее мне.

– Это телефон человека, который сможет вам помочь. Он врач в здешней поликлинике. Его отец и дед тоже всю жизнь проработали в этом городе врачами, причем единственными на весь город. Вот его имя и телефон. Позвоните ему и скажите, что вы от меня. Уверена, он с радостью поговорит с вами.

Я распрощался с архивариусом, поблагодарив ее за уделенное мне время, вышел, достал мобильный телефон и набрал написанный на бумажке номер. Мне ответил сильный и уверенный голос.

– Карлос Годино?

– Да, слушаю.

Я представился, сказал, от кого звоню, и попытался коротко объяснить ему, в чем мой интерес.

– Я мало что могу рассказать вам, почти что ничего. Мои родители умерли несколько лет назад, а из дедушек и бабушек жива только бабушка по отцовской линии, но она в войну была не в Мостолесе. Бедняжке уже очень много лет, и она начинает впадать в старческий маразм.

Я молчал, не зная, настаивать ли на встрече. Мой собеседник, должно быть, почувствовал это и великодушно сказал:

– Я освобожусь через полчаса. Если хотите, можем выпить кофе и поговорить.

Я согласился, хотя надежда разузнать еще хоть что-то была невелика. Взял такси до оговоренного места, поликли-

ники «Дос-де-Майо». На стойке информации попросил сообщить доктору Годину, что приехал. Подождал десять минут. К моей собеседнице-администратору подошел какой-то мужчина, та показала на меня, и он стремительным шагом направился в мою сторону. Приблизившись, он широко улыбнулся и протянул руку.

– Это вы мне звонили?

– Да. Меня зовут Эрнесто Сантамария.

Меня впечатлила сила его рукопожатия и вообще его внешний вид: высокий красавец, одетый в спортивного кроя куртку, белую рубашку, фирменные джинсы, обутый в безукоризненно начищенные туфли. Мы с ним были примерно ровесниками, но его волосы, в отличие от моих, и не думали редеть и седеть.

– Кофе?

Мы вышли на улицу, беседуя ни о чем. Зашли в красивую просторную кофейню. Он предложил сесть за столиком в глубине, рядом с окном.

– Вы сказали, что вы писатель.

– Да. Не то чтобы состоявшийся, но ежедневно стремящийся им стать.

– Вас уже печатали?

Проклятый вопрос. Как я ни сопротивлялся, он снова выбил меня из колеи. Путаясь в словах, краснея, опуская к полу глаза, в общем, всем своим видом демонстрируя неуверенность, я рассказал ему о своем единственном опубликованном

ванном романе. Его озадаченное лицо, со всей очевидностью показывавшее, что он никогда о нем не слышал, в очередной раз продемонстрировало всю ничтожность моего творчества.

– Так что именно вы хотели узнать? Вряд ли я смогу рассказать вам что-то, чего не смогла открыть Кармен. Все свои знания я черпаю у нее.

Совладав со своим приступом малодушия, я достал фотографию Андреса и Мерседес. Он взял ее и внимательно изучил.

– Это фонтан «Рыбы». Он находится на площади Прадильо, рядом с мэрией.

– Я знаю, я уже там был. Но меня интересует не фонтан, а люди на фотографии.

– Это ваши родственники?

Я отрицательно покачал головой. Этот человек был слишком резким, слишком стремительным, его энергия сбивала меня с толку, мешая сформулировать мысль.

– Мне известны только их имена: Андрес Абад Родригес и Мерседес Манрике Санчес. Кроме того, я знаю, что они жили на улице Иглесиа, скорее всего, были женаты, на фотографии четко видно, что она беременна, – я показал пальцем на живот. – Наконец, я знаю, что у Андреса был брат по имени Клементе и что фотография была сделана 19 июля 1936 года.

Пока я говорил, он рассматривал фотографию со все большим интересом.

– Я хотел бы выяснить, что произошло с этой парой в годы войны и после нее, если им удалось выжить.

– Где вы взяли эту фотографию?

– Это так важно?

В первый раз за всю нашу встречу он почувствовал себя неловко. Выдавив улыбку, он с извиняющимся видом вернул мне снимок.

– Нет, конечно. Но я не знаю, чем могу вам помочь. Здесь много людей по фамилии Абад и Родригес...

– Архивариус так мне и сказала. Но еще она сказала, что вы сын и внук врачей, которые всю жизнь проработали в этом городе с тех пор, когда он был еще совсем крошечным.

– Сын, внук и правнук, – ответил он с гордостью. – Мои отец, дедушка и прадедушка лечили жителей Мостолеса еще в те времена, когда на все село был только один врач. Теперь им на смену пришел я, но работаю уже не в одиночку. Все мои предки по материнской и по отцовской линии родились здесь, и мои дети тоже уроженцы этого города. Только мы с женой выбиваемся из общей картины: оба родом из Мадрида, – он отхлебнул кофе, поставленный на стол официанткой. – Как я уже сказал вам по телефону, единственной, кто остался в живых на сегодняшний день, является моя бабушка по материнской линии, – он задумчиво щелкнул языком, – но не знаю, будет ли вам от нее польза. Порой она не в состоянии вспомнить даже моего имени.

– Архивариус предположила, что вы могли слышать от

местных старожилов какие-то байки, истории, рассказы о том, что происходило здесь в то время.

Он покачал головой, давая мне понять, что ничего не знает.

– Я, конечно, много чего слышу. Старики на приемах говорят о прошлом, потому что помнят его лучше настоящего, но, будем откровенны, я не особо их слушаю. Стоит проявить чуть больше внимания, и они никогда не уйдут, хуже того, они будут являться к вам на прием каждый день. Делать им нечего, все время принадлежит им, и, если врач или директор отделения банка, где они держат свои сбережения, покажут, что готовы их слушать, они так и будут сидеть и говорить о своей жизни.

Я опустошил свою чашку с кофе чуть ли не одним глотком. Мне захотелось уйти. Я был разочарован. После того как я поговорил по телефону с архивариусом, я пообещал себе не питать иллюзий, и все же размялся о том, что нащупаю какой-то, пусть крошечный, след, чтобы пролить свет на судьбу Мерседес и Андреса.

– Что ж, Карлос, я больше не буду отнимать у вас время. Большое спасибо, что так любезно согласились встретиться.

Я убрал фотографию в папку.

– Подождите, запишите мне их имена и фамилии. Я спрашиваю у местных стариков, вдруг они что-нибудь знают, но обещать ничего не буду. Из тех, кто прошел войну и до сих пор жив, остались или те, кто был еще ребенком и почти

ничего не помнит, или те, кто совсем выжил из ума. Годы никого не щадят.

Я записал ему имена своих героев, собственное имя и номер мобильного телефона.

– Если вам удастся что-нибудь выяснить, все, что угодно, сразу же звоните. Меня действительно очень интересует эта пара.

Поспорив для приличия, кто будет платить по скромному счету, мы распрощались в дверях кафе. Когда я вернулся домой, Роса уже ушла, так что я был совсем один. И это меня обрадовало. Я направился прямо к письменному столу. Закрыв дверь, поставил Баха и устроился в кресле с «Графом Монте-Кристо» в руках. У меня не было сил садиться за компьютер. Прежде чем углубиться в книгу, я посмотрел через стекло на окна квартиры напротив. За кружевным тюлем горел свет, но новых соседок видно не было.

Увлеченный зловеще-хитроумными замыслами Эдмона Дантеса, я не сразу понял, что переменялось в комнате. Оторвавшись от книги, я с трудом осознал, что это гудит мобильный телефон. Я поднялся и бросился к своей куртке, висевшей на спинке стула, чтобы достать его. Посмотрел на номер, высветившийся на экране, – он был незнакомый.

– Да?

Слушая, как человек по ту сторону телефона представляется, я чисто механически взглянул в окно напротив. Мне показалось, что там что-то мелькнуло, но я тут же отвлекся,

потому что звонившим оказался Карлос Гоудино.

– Эрнесто, у меня для вас хорошие новости. Я показал имена ваших героев своей бабушке Хеновеве. Я уже упоминал, что с головой у нее все очень плохо, но, когда речь идет о далеком прошлом, у стариков, как я и говорил сегодня утром за кофе, с памятью все в порядке. Для них все это было словно вчера. Когда она услышала их имена, то изменилась в лице. Думаю, вам будет интересно послушать то, что она расскажет.

Опасаясь напугать Карлоса чрезмерной радостью, я сдержал себя, широко улыбнувшись и сжав в кулак ладонь свободной руки.

– Она их помнит? Знает что-нибудь о них?

– Оказывается, они были соседями, жили дверь в дверь. На момент начала войны моей бабушке было десять лет. Но лучше будет, если она сама вам все расскажет.

Вся неприязнь к этому, как мне сначала показалось, высокомерному человеку исчезла, меня переполняли теплые слова благодарности.

– А ее это не слишком утомит? – спросил я, натужно изображая озабоченность.

– Да нет, она будет очень рада. И вы окажете большую услугу и ей, и бедняжке Дорис, которая за ней ухаживает. Ведь единственное развлечение моей бабушки – сидеть и смотреть на улицу в окно. Телевизор ей надоел. Ей пойдет на пользу поговорить с тем, кто готов ее выслушать.

Мы договорились встретиться на следующий день в пять часов вечера у фонтана «Рыбы». Дом его бабушки стоял неподалеку, и Карлос пообещал отвести меня к ней. Я несколько раз поблагодарил его за участие. Повесив трубку, я почувствовал себя немного не в своей тарелке: я не мог поверить, что нашел первую ниточку того клубка, в который сплелась жизнь людей на портрете. Я еще раз посмотрел на фотографию, прислоненную к монитору. Сел на стул, чтобы оказаться поближе, положил руку на стол и оперся подбородком о кулак.

– Андрес и Мерседес, – пробормотал я радостно, – если вы поведаете мне вашу историю, я напишу ее и клянусь, что это будет лучшим из всего, что я когда-либо писал.

Глава 4

Часы в гостиной пробили пять. Тереса зевнула и сладко потянулась.

– Веди себя прилично, – сделала ей замечание мать. – Не забывай, что ты девушка из высшего общества.

Проигнорировав нотацию, Тереса встала и выглянула на балкон. Уже рассвело. Хотя все указывало на то, что день будет жарким, воздух был еще приятен и свеж и струился легким ветерком в кильватере уходящей ночи. Она глубоко вдохнула, чтобы стряхнуть тяжесть недосыпа. И в тот же самый момент услышала далекий гул пушечного выстрела и сразу же за ним грохот перестрелки.

– Что это? – раздался за ее спиной голос матери.

– Не знаю, кажется, в центре.

Донья Брихида, на протяжении нескольких часов то и дело принимавшаяся молиться шепотом, разразилась сбивчивой скороговоркой из вереницы молитв. Тереса провела всю ночь вместе с матерью в гостиной, часы медленно утекали, но телефон и дверной звонок молчали, новостей о Марио не было. В полночь они позвонили родителям Фиделя и Альберто и узнали, что те тоже так и не вернулись домой. Становилось ясно, что с ними произошло что-то плохое. Близнецы сходили в Главное управление безопасности, чтобы заявить об исчезновении трех друзей, но им ответили, что, скорее

всего, те где-нибудь загуляли и сегодня-завтра вернутся. Семья обзвонила все больницы и комиссариаты. Но никто ничего не знал ни о них самих, ни о машине, на которой они уехали. Оставалось только ждать.

Стоя на балконе, облокотившись на перила, Тереса увидела, как по улице мимо их дома быстро идут двое мужчин.

– Извините, вы не знаете, что за стрельба в городе?

Мужчины посмотрели вверх, не сбавляя шага.

– Это штурмуют казармы Монтанья.

Больше спросить она ничего не успела: мужчины повернули за угол и удалились в направлении центра.

Тереса бросилась к радио, стоявшему на комод, и, немного нервничая, принялась крутить ручки, настраивая волну радио Unión и одновременно рассказывая матери об услышанном. Донья Брихида распереживалась еще больше и начала сыпать высокопарными фразами, предвещавшими всеобщие беды и несчастья. Дочь, не обращая на нее внимания, пыталась расслышать по радио хоть что-нибудь, прижимая ухо к динамику. Поймав нужную волну, она услышала на ней только веселую музыку. Посмотрела на настенные часы на противоположной стороне гостиной. Новостной выпуск, судя по всему, уже прошел, нужно было ждать следующего. Тогда она убавила звук и решила приготовить матери травяной настой, чтобы та наконец взяла себя в руки. Немного успокоившись, донья Брихида почувствовала, как глаза сами собой закрываются от усталости, и незаметно для себя за-

дремала. Тереса закрыла все занавески, погрузив гостиную в полумрак, в надежде, что мать сможет поспать. Затем, стараясь не шуметь, снова вышла на балкон. Утреннюю тишину то и дело нарушали отдаленные отзвуки взрывов. Черный дым поднимался к небу, предвещая пожар, ей даже показалось, что вдали был слышен гул самолета. Убедившись, что мать наконец крепко заснула – ее глаза были закрыты, рот полураспахнут, голова упала на одну сторону – и похрапывает на выдохе, Тереса решила отправиться к своему жениху. Он мог знать, где искать Марио: они были товарищами по учебе, а значит, Артуро представлял, где любят отдыхать его приятели.

Прокравшись на кухню, Тереса подошла к хлопотавшей по хозяйству Петрите.

– Петрита, одолжишь мне свое платье?

Кухарка удивленно посмотрела на нее.

– Зачем вам, сеньорита, потребовалось мое платье?

– Мне нужно в центр, Петра, и я знаю, что тех, кто прилично одет, могут арестовать.

Обе женщины говорили шепотом.

– Ох, сеньорита, не стоило бы вам рисковать. Как бы с вами не приключилось то же, что и с сеньорито Марио.

– С Марио все будет в порядке, – хмуро ответила Тереса. – Мне нужно уйти до того, как проснется мать. Ты дашь мне платье или нет?

Петра была немного старше Тересы, но сложение у них

было похожее.

Тереса торопливо натянула кухаркино платье. Артуро предупредил ее, чтобы она, если соберется на улицу, наде- ла самую плохую одежду. Из окон его пансиона были вид- ны все более и более внушительные группы вооруженных людей, которые вставали на углах или патрулировали ули- цы пешком и на автомобилях, задерживая прилично одетых мужчин и женщин. Достаточно было шляпы, галстука или модной прически и хорошего платья, чтобы у тебя потребо- вали документы. Многих усаживали в машину и увозили в неизвестном направлении. Прошел слух, что кого-то даже застрелили посреди улицы на глазах у всего народа то ли за то, что у него была «фашистская морда», то ли за то, что он был похож на священника или смотрел, как предатель.

– Можете идти, сеньорита Тереса, – сказала ей Петра. – Ваша мать по-прежнему спит.

Девушки прокрались по коридору на цыпочках, изо всех сил стараясь не скрипеть досками.

– Вернусь к обеду. Если меня кто-нибудь спросит, говори, что я сплю.

– Ох, сеньорита Тереса, вы же знаете, какой нрав у сеньо- ры... Если она прознает, что я соврала, в миг выкинет меня на улицу...

– Не волнуйся. Если что, я тебя прикрою.

Петриту это не слишком успокоило: она хорошо знала дурной характер доньи Брихиды, а последние события сде-

лали ее еще нетерпимее и неприятнее.

Тереса слетела вниз по лестнице. Консьерж Модесто с кислым видом подметал подъезд.

– Доброе утро, сеньорита Тереса, надо же, как вы рано!

Тереса, не остановившись, пробормотала короткое приветствие и выскочила на улицу.

– Поберегите себя, сеньорита, в городе беспокойно.

Она обернулась, прежде чем перейти улицу, и сказала:

– Спасибо, Модесто, я буду осторожна.

Город просыпался, но утро было не таким, как обычно. Люди шли быстрой нервной походкой. Мимо нее проехало в центр несколько машин, похожих на автомобиль ее отца, но исписанных крупными белыми буквами и облепленных людьми, сидевшими даже на крыльях. От площади Куатро-Каминос к Санта-Энграсия шел трамвай, набитый вооруженными людьми, все пассажиры кричали и пели, как пьяные. Пропустив его, девушка отправилась попытать счастья на Браво-Мурильо. Выйдя к путям, Тереса направилась в центр, постоянно оглядываясь, не идет ли трамвай. Остановилась, услышав приближавшийся со спины звон колокольчика. Когда полупустой трамвай поравнялся с Тересой, девушка поднялась внутрь. Заплатила свои пятнадцать сентимо, оглядела салон и отправилась к месту в задней его части. Она часто ездила на трамвае и привыкла к тому, что, когда она проходит мимо мужчин, те обязательно смотрят ей вслед. Но в тот день никто не обратил на нее внимания.

Все были погружены в себя и глядели куда-то вдаль, откуда доносились гулкие разрывы. Тереса подумала, что все дело в ее неприглядном виде: не ограничившись сидевшим на ней кое-как платьем Петриты, она обулась в альпаргаты и собрала волосы в хвост. Не красила ни лицо, ни губы и не брызгалась одеколоном, всегда оставлявшим за ней волнующий апельсиновый запах. Но, дойдя до конца салона, девушка наконец поняла, что мужчины не смотрят на нее не потому, что она выглядит не так, как всегда, а потому что весь город охвачен тревогой и беспокойством, потому что в нем надолго поселился страх.

Убаюканная неспешным перестуком колес, Тереса задумалась о событиях последних часов. Казалось, прошла целая вечность с пятничного вечера, когда они с Артуро выбрались погулять в парке Ретиро. В тот день они впервые серьезно поговорили о своем совместном будущем. И с этого разговора она, не переставая, думала о тех препятствиях, которые стояли на пути столь желанной для нее свадьбы с этим красивым юношей. Уж очень много обстоятельств складывалось не в пользу Артуро. Он был небогат и родом из небольшой деревеньки под Сарагосой. Его мать умерла через несколько дней после родов, а отца не стало, когда мальчику исполнилось десять лет. Донья Матильда, бездетная вдова, приходившаяся матери Артуро двоюродной сестрой, забрала его к себе. Продав дом в деревне, она привезла его в Мадрид, где только-только открыла в квартире, доставшейся ей в на-

следство от покойного супруга, свой пансион «Почтенный дом». Она попыталась было воспитывать Артуро как сына, но тот с самого начала ясно дал понять, что мать и отца он потерял и других ему не нужно. Донья Матильда смирилась с этим, согласившись держать дистанцию, но не утратив нежности к мальчику. Начальное образование Артуро получил в государственной школе; среднее, благодаря приходу Республики и первым образовательным реформам, ему дали в школе Сан-Исидро, которую он окончил с отличием. Ребенком, пока отец работал в поле, Артуро читал книги Сальгари, которыми с ним делился школьный учитель. Чтение настолько увлекло его, что отец даже запретил ему книги, но он все равно продолжал читать украдкой. Как только по дому разносился отцовский храп, Артуро доставал из-под матраса спрятанную там свечу и часами читал, не прерываемый никем и ничем. Когда он оказался в Мадриде, единственным препятствием на пути к чтению стала нехватка денег для покупки книг. Но и это не было проблемой: книги можно было взять в библиотеке, в школе, у преподавателей или у более обеспеченных товарищей. Любая новая книга была для него желанна. Он берег их и после прочтения возвращал в идеальном состоянии, словно одолженное на время сокровище. Артуро мечтал о большой библиотеке. Подпитывая себя чужой фантазией и воображением, он постепенно начал ощущать в себе склонность к писательству. Придумывал продолжения к уже прочитанным историям, заполнял все пу-

стые строчки в школьных тетрадях. Писал рассказы и повести и даже отваживался на эксперименты с поэзией, но впоследствии отринул ее как слишком слащавое и в то же время смертельно опасное искусство. Артуро с удовольствием выучился бы на учителя, но пообещал умирающему отцу, что станет адвокатом: тот верил, что адвокаты не только хорошо зарабатывают, но и реже становятся жертвами обмана со стороны закона. Окончив школу, парень поступил в Центральный университет, чтобы сдержать слово. Там он познакомился с группой интеллектуалов, которыми в то время кишел Мадрид и которые хотели изменить мир через культуру. В тот же период он обзавелся друзьями в Студенческой резиденции⁹, месте, приводившем его одновременно в восторг и трепет. Чтобы хоть как-то компенсировать несбывшуюся мечту стать школьным учителем, Артуро записался добровольцем в программу просвещения, запущенную в 1931 году, и объехал самые отдаленные уголки испанской глухомани, добираясь то на разбитом грузовичке, то на мулах и ослах до затерянных деревень, чтобы познакомить их обитателей с книгами, кино и театром.

Этот опыт оказался для него бесценным. С той поры все его политические и социальные идеалы строились на понимании того, что общество, в котором он внезапно оказался в

⁹ Центр, основанный в Мадриде в 1910 году Советом по расширению образования. Среди прочих в резиденции жили и учились поэт Федерико Гарсиа Лорка, художник Сальвадор Дали, режиссер Луис Бунюэль и многие другие.

привилегированном положении лишь потому, что имел доступ к культуре, требует глубинных перемен. В июне Артуро окончил учебу и стал адвокатом. За несколько дней до описываемых событий он побывал на собеседовании в престижной адвокатской конторе дона Нисето Санчеса Ломо. Разговор дал обнадеживающие результаты: первого сентября он должен был начать стажировку с возможностью впоследствии (если ему удастся подтвердить свою полезность) работать в этой конторе адвокатом: бюро не справлялось с растущим потоком новых дел. Но, несмотря на то, что теперь перед Артуро открывалось хорошее профессиональное будущее и перспектива в скором времени зарабатывать большие деньги, Тереса понимала, что это шло вразрез с его истинной страстью, лишало его возможности писать, отодвигая это занятие на второй план. В тот день, разговаривая в парке Ретиро, они подсчитали, что смогут пожениться через три года, когда Тереса станет совершеннолетней. Дело в том, что помимо средств к существованию на пути к их совместному будущему были и другие препятствия: еще несколько месяцев назад, когда Тереса поведала матери о своих планах, стало очевидно, что ее родители против такого союза. Мать знала Артуро: он часто бывал у них в гостях вместе с другими друзьями Марио и участвовал в посиделках и спорах (порою жарких, а иногда и чересчур жарких) о том, как перестроить этот мир. Когда донья Брихида поняла, о ком идет речь, то устроила скандал и категорически запретила и думать о

свадьбе с этим человеком, с этим безродным голодранцем, жившим в крошечном пансионе в центре города, учившимся на стипендию и наверняка позарившимся не на саму Тересу, а на ее положение в обществе и ее имущество. Все возражения Тересы были отмечены, и тогда она, чувствуя себя загнанной в угол, бросила матери в лицо то, о чем дома никогда не говорили, сказав, что ее отец тоже был самого простого происхождения. Дело в том, что прежде, чем обзавестись благородной приставкой «Дон» и стать известным врачом, дон Эусебио Сифуэнтес Барриос тоже был безродным голодранцем, по крайней мере, если следовать классификации доньи Брихиды, называвшей так всех, кто не дотягивал до определенного социального статуса. У него не было состояния, за время учебы он сменил бесчисленное множество ночных работ, а после получения диплома практиковал в самых бедных районах Куатро-Каминос, Бельяс-Вистас и в приюте Ла-Палома, зарабатывая сущие гроши по сравнению с жалованием, назначенным ему в больнице Принсеса, куда, кстати, он попал, как язвительно напомнила Тереса матери, не за собственные заслуги, а по протекции тестя (проработавшего врачом в этой больнице много лет до самой смерти). Слова дочери вызвали у доньи Брихиды тщательно срежиссированное возмущение, она изобразила обморок, а потом два дня пролежала у себя в спальне, симулируя недомогание. Разумеется, всю вину за то, что славная женщина оказалась совершенно разбита и прикована к постели, возло-

жили на Тересу, хотя все, что она сказала, было абсолютной правдой. По ней прошли все, даже соплячка Чарито, никогда не упускавшая возможность подпустить сестре шпильку. В результате Тересе запретили выходить из дома, пока она не одумается и не забудет, как страшный сон, саму мысль о помолвке с ее Артуро. Перестав злиться и смирившись с положением дел, Тереса придумала план, как обойти запрет и вернуть доверие матери. В первую очередь, притворившись ужасно расстроенной, она дала ей понять, что, тщательно все обдумав, осознала, что родители правы и что этот юноша ей не подходит. Мать почувствовала себя победительницей и умерила бдительность. Спустя несколько недель, на протяжении которых Тереса виделась с Артуро только украдкой, девушка выбрала удачный момент и сказала, что хочет учиться шитью и слышала о престижной школе на улице Орталеса, куда можно записаться на занятия. Донья Брихида, довольная тем, что ей удалось сломать бунтарку-дочь, дала свое согласие. И вот уже на протяжении восьми месяцев Тереса каждый вечер приходила на улицу Орталеса, но не для того, чтобы учиться шитью, а чтобы увидеться с Артуро.

Союзу Тересы и Артуро мешало не только низкое социальное происхождение жениха, но и его политические и религиозные воззрения. Артуро был из левых (чего не переносили дома у Тересы), в открытую заявлял о своих республиканских и либеральных взглядах и не скрывал, что не верит в Бога. Соответственно, о венчании в церкви и речи быть не

могло. Он считал, что религия в целом и церковь в частности тормозят социальную эволюцию, пытаясь определять человеческую жизнь с колыбели, задавая ей направление через исповедь и молитву. Тересу не слишком манил гражданский брак, она всегда мечтала о другом (шелковое платье с длинным шлейфом, вуаль на лице, цветы, торжественный вход в храм, место перед алтарем, колокольный звон, извещающий о свадьбе на весь Мадрид), но была готова пожениться и в холодном пункте регистрации, лишь бы покинуть свой дом. Тереса чувствовала, что задыхается в родной квартире на улице Хенераль-Мартинес-Кампос, в этом огромном помещении с высокими потолками, стены которого были завешаны потемневшими от старости картинами и заставлены пыльными древностями, касаться которых было запрещено. Девушке все труднее было сносить постоянные выходы матери, ее заносчивость, истерики и паранойю, тем более, что все это выпадало именно на долю Тересы, поскольку никто более ни дома, ни за его пределами не обращал на донью Брихиду ни малейшего внимания. Тереса твердо решила, что не хочет закончить как мать: стать вечно подавленной, разочарованной, без друзей, без собственной жизни. Донья Брихида не видела ничего кроме беспросветной скуки и существовала, словно муха в янтаре. Муж ни во что ее не ставил и, поднявшись в обществе за ее счет, загнал жену в яму серого быта. Тереса хотела вырваться из дома любой ценой, и свадьба с Артуро открывала такую возможность. Она

решилась пойти на этот шаг и была намерена выйти замуж независимо от родительского благословения, как только станет совершеннолетней.

Прогрохотавшая в непосредственной близости от трамвая отрывистая пулеметная очередь вырвала девушку из тяжелых раздумий. Трамвай резко остановился, люди растерянно, вжимая голову в плечи, начали подниматься. Боясь попасть под случайную пулю, они ругались себе под нос и озирались по сторонам, пытаясь определить направление стрельбы. На подъездах к площади Бильбао расположилась группа вооруженных мужчин, некоторые из них время от времени стреляли очередями в воздух, смеясь и крича: «Да здравствует революция!», «Смерть фашистам!» Пассажиры испуганно выходили из трамвая, понимая, что тот представляет собой слишком удобную мишень для разгоряченных и никем не контролируемых вооруженных молодчиков. Тереса сначала засомневалась, но тоже решила сойти. До пансиона оставалось совсем немного, и она, наклонив голову и стараясь держаться подальше от возможных опасностей, пошла вперед. Перейдя площадь и поравнявшись с кафе «Комерсьяль», она увидела, как перед двумя спешившими куда-то мужчинами резко затормозила машина. У того, что помоложе, был в руках чемоданчик. Когда их окружили, он уронил его на землю и поднял руки, показывая пустые ладони. Тересе, проходившей по противоположной стороне улицы, было хорошо видно, каким ужасом охвачены лица задержанных,

оказавшихся в плотном кольце вооруженных людей в синих комбинезонах, с черными и красными повязками на шеях. У мужчин в самой грубой форме потребовали документы и приказали объяснить, куда и зачем они направляются. Не решившись остановиться, она, умирая от страха, продолжила путь.

Один из ополченцев открыл чемодан.

– У него здесь Библия! – закричал он, словно обнаружив бомбу. – И сутана!

Краем глаза Тереса увидела, как из чемодана достали сутану и торжествующе подняли вверх. И тут же, без лишних слов, почти одновременно прогремело два выстрела. Двое мужчин, сначала пожилой, а затем и молодой, рухнули на землю. Тереса окаменела, зажав рот рукой и с трудом сдерживая рвавшийся из горла крик. В первое мгновение она просто не знала, как реагировать на это жестокое, непонятное и хладнокровное убийство. Это было настолько невыносимо, что она замерла от ужаса, точно мраморная статуя. Сердце отчаянно колотилось, было тяжело дышать, но она не могла оторвать глаз от страшной картины, развернувшейся всего в нескольких метрах от нее.

Один из ополченцев посмотрел на нее и крикнул:

– Эй ты, чего уставилась?

Тереса молча повернулась и, вжав голову в плечи, пошла дальше по улице. Ее трясло, вся спина была мокрая, капли пота текли по вискам. Она ни разу не обернулась. Шла быст-

ро, вздрагивая с каждым пушечным выстрелом и вспышками ружейного огня в центре, которые становились все ближе, и вот наконец девушка дошла до дома номер один по улице Орталеса. Взглянув вверх, она увидела на балконе знакомый плакат: «ПАНСИОН “ПОЧТЕННЫЙ ДОМ”. ВТОРОЙ ЭТАЖ, ЛЕВАЯ СТОРОНА. ДОМАШНИЙ УЮТ, ЧИСТОТА И ХОРОШЕЕ ОБХОЖДЕНИЕ». Тереса быстро зашла в подъезд и только здесь остановилась и настороженно замерла. Наконец, убедившись, что она снова в безопасности, оперлась спиной о стену и в голос разрыдалась, не сдерживая себя, – плач шел от самого сердца.

На шум выглянула консьержка.

– У тебя все в порядке, девочка?

Тереса, не ответив, бросилась вверх по лестнице и не останавливалась, пока не оказалась на втором этаже. Позвонила в звонок. Слезы душили ее, мешали дышать.

Ей открыла Кандида.

– Сеньорита Тереса, да что с вами?

– Артуро... дома? – спросила она прерывистым всхлипывающим голосом.

– Да, конечно. Да проходите, ради бога, проходите. Сеньорито Артуро! – позвала она негромко, чтобы не перебудить всех постояльцев. – Сеньорито Артуро! – повторила она, закрывая дверь. – Проходите, проходите, он в гостиной с доньей Матильдой. Они почти не спали ночью, такое творится...

Здесь служанка умолкла, потому что в коридоре показался Артуро, и Тереса молнией бросилась к нему. За Артуро двигалась хозяйка пансиона донья Матильда, перепуганная криками служанки.

— Что с тобой? Тебя кто-то обидел?

Он посмотрел ей в лицо, погладил по волосам, по голове, по плечам, оглядел сверху донизу, чтобы удостовериться, что она цела и невредима. Тереса, икая и плача, пыталась сказать ему, что она в порядке и не ранена. Только убедившись, что девушка не пострадала, он нежно обнял ее и дал рассказать все, что накопилось у нее внутри.

Кандида и донья Матильда с тревогой наблюдали за этой сценой. Их не удивило состояние пришедшей. Они хорошо понимали, насколько плохи дела на улицах, и знали, что творилось с самого утра в казармах Монтанья. Сами они проснулись в пять утра от шума выстрелов и снарядных разрывов. Из окон гостиной была видна улица Гран-Виа, по которой часами тянулись набранные в ополчение толпы мужчин и женщин (молодых и взрослых) с древними револьверами, ружьями, карабинами и даже палками и ножами в руках. Они шли в сторону улицы Байлен, исполненные решимости вступить в битву, которая вряд ли была им по плечу. Проехал танк, разломав недавно положенную брусчатку, за ним гротескно протарахтел грузовик с пивом, тянувший за собой пушку. Все это действо сопровождалось криками и призывами освободить казармы Монтанья.

Когда Тереса немного успокоилась, Артуро обнял ее за плечи и увел в гостиную.

– Кандидита, – скомандовала донья Матильда служанке, – разогрей-ка нам шоколада, оставшегося от вчерашнего ужина. Я думаю, он никому не повредит. И принеси тосты.

Кандида скорчила недовольную гримасу, ей очень хотелось узнать, что же произошло. Ей было около тридцати, она помогала в работе по пансиону: стирала белье, гладила, готовила и мыла уборные. За чистоту каждой из комнат отвечали сами жильцы. За свою работу Кандида получала от доньи Матильды двести песет в месяц, койку и еду. Она была с доньей Матильдой с того момента, когда та открыла пансион, и любила хозяйку за хорошее отношение, видя в ней мать, которой у нее никогда не было.

Тереса и Артуро уселись в кресла. Дом то и дело подпрыгивал от близких разрывов снарядов и бомб.

– Рассказывай, что стряслось?

– Прямо на моих глазах убили двух мужчин. Их застрелили, убили только за то, что у них в чемодане лежали Библия и сутана... Они ничего не сделали, а их застрелили, не удостоив даже словом... Застрелили посреди улицы... И никто ничего не сделал... Никто ничего не сделал...

Ее слова снова утонули в плаче.

Артуро и донья Матильда озабоченно переглянулись.

– Ох, не знаю, к чему все это приведет, – тихо пробормотала донья Матильда, удрученно вздохнув.

– Успокойся, все хорошо, все уже позади, успокойся.

Кандида очень торопилась выполнить распоряжение хозяйки. Начала разогревать шоколад, поставила на поднос чашки, положила ложки, добавила тостов и кувшин с водой.

Приготовив все необходимое, она выскочила с кухни и поспешила в гостиную.

– Артуро, мы ничего не знаем о Марио со вчерашнего дня. Утром он уехал в бассейн в Эль-Пардо с Фиделем и Альберто.

Артуро улыбнулся, пытаясь скрыть беспокойство.

– Наверняка они загуляли, ты же их знаешь.

Тереса покачала головой.

– Не думаю. Марио часто теряет голову в компании, но с учетом всего того, что происходит в Мадриде, он бы обязательно позвонил. С ними что-то случилось.

Артуро понимал, что страхи Тересы не беспочвенны. Все вокруг летело в тартарары. И все же постарался успокоить девушку.

– Так значит, они поехали в бассейн в Эль-Пардо? На машине или на автобусе?

– На машине.

– Попробую съездить туда, может, удастся что-то выяснить.

– Правда?

– Конечно, не волнуйся, они вернутся, сама увидишь.

В этот момент в комнату вошла Мануэла, двенадцатилет-

няя девочка, последние два месяца жившая в пансионе со своей бабушкой, и молча уселась в кресло напротив Тересы.

– Тоже не спится, да, малышка? – спросила ее донья Матильда, пока служанка разносила гостям шоколад. – Кандида, принеси еще одну чашку для девочки.

Кандида, проклиная про себя все на свете, опрометью бросилась искать злополучную чашку.

– Что с тобой? – спросила девочка, видя, насколько подавлена Тереса.

Та выдавила из себя улыбку и едва слышным голосом ответила, что все в порядке. Она знала девочку и часто видела ее в пансионе. Артуро говорил, что та немного странная и задает вопросы не по возрасту, но ему она нравилась, и они часто говорили на самые разные темы. Тересе тоже была симпатична эта большеглазая девчонка с нежной кожей и удивительно спокойным лицом.

– Почему ты плачешь? – продолжила настаивать Мануэла.

– Она не знает, где ее брат, – ответил Артуро, – и волнуется за него.

Девочка пристально уставилась на Тересу, так что гостье сделалось не по себе.

– Твой брат жив, но ему плохо.

Все окаменели. Вошла Кандида с чашкой шоколада в руках. Она сразу заметила, что после слов Мануэлы в гостиной воцарилась мертвая тишина.

– Прислушайтесь к ней, я всегда говорила, у этой девочки

– дар!

– Перестань, Кандида, – оборвала ее донья Матильда. – Это не игрушки, дело серьезное.

Кандида замолчала, и в этот самый момент вошла Маура, бабушка Мануэлы. Присутствующие тепло поздоровались с ней и принялись обсуждать, как мало им удалось поспать и как все озабочены положением дел.

Кандида смотрела на них с надеждой услышать что-нибудь интересненькое, что даст ей пищу для пересудов на весь день, но донья Матильда снова жестом отправила ее на кухню еще за одной чашкой шоколада.

Маура села рядом с внучкой и ласково обняла ее. Затем посмотрела на Тересу.

– Что с тобой, дочка? Ты плачешь?

Голос у нее был мягкий и нежный, как и лицо, казался таким же морщинистым и хрупким, как она сама.

– Она переживает за брата, – ответила внучка, – но я уже сказала, что он жив, хотя ему и плохо.

Маура погладила темные волосы девочки, убрала прядь со лба и довольно улыбнулась.

– Ты это видела?

Девочка посмотрела на бабушку и кивнула.

– У нее в глазах, – пояснила Мануэла, показав на Тересу.

И снова вошла Кандида с чашкой.

– Я им уже сказала, сеньора Маура, чтобы они послушали девочку. Но они мне не верят.

Служанка замолкла под гневным взглядом доньи Матильды, отошла от центрального столика и села на стул в уголке.

Маура посмотрела на Тересу, сидевшую с заплаканным лицом, опустив голову, комкая в руках носовой платок.

– Как ты думаешь, что с ним могло случиться?

– Не знаю, сеньора Маура. Он ушел из дома вчера утром с двумя друзьями, и с тех пор мы о них ничего не слышали.

– Он еще долго не придет домой, – уверенно сказала девочка. – Но вернется живым.

Тяжелая тишина тенью накрыла комнату. Донья Матильда замерла с чашкой у губ, глядя поверх нее на Мануэлу и краем глаза на Тересу, ожидая ее реакции. Она знала, что у девочки действительно есть дар, как и говорила Кандида. Та не единожды угадывала вещи, которые невозможно знать заранее. За ужином накануне вечером она предсказала, что утром Мадрид проснется от взрывов. Когда в пять часов утра прогремел первый выстрел, донья Матильда сразу вспомнила ее слова.

Тереса продолжала комкать платок. Артуро смотрел на нее, внимательно слушая пророчества девочки.

– Верь ей, – спокойно и с улыбкой сказала Маура. – Если моя внучка говорит, что твой брат жив, так оно и есть.

– Я сама хочу так думать, потому что, если с ним что-то случилось... Я...

Ее слова снова потонули в безутешных всхлипах и плаче. Артуро обнял Тересу.

Девочка смотрела на них своими бездонными, синими, как море, глазами. Ее бабушка говорила, что они у нее такие, потому что первым, что она увидела после рождения, было море, и образ бескрайнего океана отпечатался в ее взгляде навсегда.

– Он скоро вернется, – утешал Тересу Артуро. – Марио – парень крепкий, сама знаешь.

Скрипнула входная дверь, и в коридоре послышались шаркающие шаги. Сидевшая у выхода Кандида удивленно высунула голову в дверной проем и спросила:

– Кто здесь?

– Я.

– Дон Иполито, как же это вы дома и так рано?

В гостиную вошел растрепанный и взмокший от пота дон Иполито со шляпой в руках.

– Да вот, дочка, в редакции нам сказали отправляться домой. Приказ правительства, судя по всему.

Он устало прошел через комнату и мешком рухнул в кресло.

Дон Иполито Моранте был еще одним из постоянных жильцов пансиона. Он работал в типографии ежедневной газеты Ya¹⁰ вот уже десять лет. В его обязанности входило собирать газеты в пачки и перевязывать бечевкой для дальнейшей транспортировки – монотонное и омерзительно скучное

¹⁰ Католическая газета консерваторского толка, выпускавшаяся в Мадриде с 1935 по 1996 год.

занятие. Ему было около сорока лет, вдовец, без детей. По-мыкавшись по съемным комнатухам, семь лет назад дон Иполито решил обосноваться в последнем по коридору номере «Почтенного дома». Зарплата у него была небольшая, как раз хватало, чтобы выжить. В день получки дон Иполито первым делом платил за месяц донье Матильде, а взамен получал койку, трехразовое горячее питание и стакан кофе с тремя печеньками на полдник. Дон Иполито никогда не пропускал приемов пищи, потому что после уплаты арендной платы на весь месяц у него оставалось не больше пяти дуро¹¹. Он был человек прижимистый, даже, можно сказать, жадный. Носил штопаную-перештопанную одежду, которую ему за пару песет чинила Кандида. Когда в его ботинках протирались дыры, он подкладывал внутрь картон и начинал копить деньги, чтобы попасть к башмачнику. Единственным удовольствием, от которого он был не готов отказаться, несмотря на любые невзгоды, оставался табак. В начале каждого месяца дон Иполито покупал пачку сигарет без фильтра «Идеалес». Табак из окурков он тщательно собирал и ссыпал в мешочек. Когда пачка заканчивалась, он делал себе самокрутки. Будучи в обыкновенной жизни человеком воспитанным, печатник забывал обо всяких приличиях, когда речь заходила о политике, был нетерпим и высокомерен по отношению ко всем, кто думал иначе. Сам себя он характеризовал как верующего, монархиста и человека

¹¹ Неофициальное название испанской монеты в пять песет.

правых убеждений. Дон Иполито тщательно отстаивал свои права пользования общими для всех постояльцев благами, в первую очередь – уборной, заявляя, что ему для отправления естественных потребностей нужно больше времени, чем прочим, из-за постоянных запоров, требующих спокойной и вдумчивой обстановки для опорожнения кишечника. Однако, поскольку туалет в пансионе был один на всех, за исключением личной уборной доньи Матильды, всегда крепко запертой на замок, слушать его бесконечные словесные излияния, способные вывести из себя самого терпеливого человека, желающих не было. Каждый день в одно и то же время, сразу после завтрака, дон Иполито Моранте с важным видом отправлялся в сторону клозета, прихватив с собой свежий выпуск ABC доньи Матильды, и запирался там, игнорируя настойчивые призывы освободить помещение со стороны других жильцов. Ситуация эта выводила хозяйку из себя, и каждый день, когда дон Иполито, наконец, снисходил до того, чтобы освободить уборную, начинался скандал. В августе дон Иполито всегда уезжал в отпуск в родную деревню под Кордовой, но тем летом он решил, что с учетом обстоятельств лучше подождать, пока все успокоится, и остаться в Мадриде, чтобы посмотреть, как пойдут дела.

– Что именно произошло? – нетерпеливо спросила донья Матильда.

Дон Иполито поднял потухшие глаза и обвел взглядом собравшихся. Пожал плечами и с глубокой тоской в голосе

медленно и хрипло, словно из последних сил, ответил:

– Рассказывать особо нечего. Я пришел на работу, как всегда, вовремя. А вскорости в типографию прислали вестового с приказом остановить станки и отправляться домой. Судя по всему, правительство арестовало все газеты. По крайней мере, так нам сказали. В дверях я столкнулся еще с одним вестовым с пистолетом на ремне. Вместе со мной типографию покинули все остальные работники, руководство, редакторы – все.

Артуго беспокойно взглянул на Тересу, пытаясь понять, о чем она думает. Встретившись с ней глазами, он легко улыбнулся.

– Тебе лучше пойти домой, а я попробую отыскать Марио.

– Да, мне лучше вернуться. Я ушла, когда мать, не выдержав усталости, наконец заснула. Она вся на нервах. Боюсь вообразить, что будет, если она увидит, что и меня нет дома.

– Я провожу тебя до трамвая.

Прощавшись с остальными, они вышли из пансиона.

Улица кишела людьми, и все же этот понедельник не был похож на другие. Люди шли по своим делам быстро, взвинченно, думая только о том, что происходит в непосредственной близости от кажущейся нормальности, хотя пушечная канонада и выстрелы затихли уже довольно давно.

– Ты веришь Мануэле?

– Кандида верит каждому ее слову, она у нее вместо личного оракула, предсказывающего будущее. Донья Матильда

тоже призналась мне, что, насколько ей известно, все предсказания девочки сбываются.

– Как она это делает?

– Ей достаточно посмотреть тебе в глаза, чтобы понять, что с тобой происходит и что случится дальше.

– Я в это не верю.

– Она сказала тебе, что он жив. Нет ничего плохого в том, чтобы поддерживать надежду.

– Да, но при этом добавила, что ему плохо... Что бы это значило, как думаешь?

Прежде чем Артуро успел что-то ответить, над ними пролетел самолет. Прохожие на мгновение задрали головы к небу, затем продолжили свой путь. В этот самый момент перед Артуро и Тересой оказались двое подростков неполных пятнадцати лет, у одного из них в руках был пистолет. Они спорили между собой, кто должен нести оружие.

– Ребята! – окликнул их Артуро. – Вы разве не знаете, что это опасная игрушка?

Парни прервали разговор и с вызовом посмотрели на Артуро и Тересу.

– Это мой пистолет, и я знаю, как им пользоваться, – ответил тот, что нес оружие в руке.

– Где вы его взяли?

– В казармах Монтанья.

– Штурм кончился?

– Да, теперь там полнодохлых фашистов. А остальные

сдались, как крысы.

Мальчишки дерзко расхохотались. Казалось, насилие и запах пороха опьянили их, заставив позабыть о жестокости происходившего.

Артуро и Тереса озабоченно переглянулись. Подростки пошли своей дорогой и снова заспорили, кто понесет пистолет. Тут Артуро заметил группу радостных ополченцев.

– Товарищи, – крикнул Артуро, не обращая внимания на предупреждающий жест Тересы, – вон у тех ребят пистолет, это может быть опасно.

Один из ополченцев повернулся к остальным и, указав на двух бойцов, скомандовал:

– Кануто, Форха, догнать и изъять.

Затем повернулся обратно к Артуро и Тересе и сказал:

– Спасибо, товарищ! Это оружие пригодится нам для борьбы. После того как мы покончили с фашистскими свиньями в казармах Монтанья, там была небольшая неразбериха, но теперь все под контролем.

Тереса почувствовала себя уязвленной. Она не понимала, зачем говорить так о военных, почему нужно их оскорблять, но еще больше ее задела слова Артуро, который в знак поддержки положил ополченцу руку на плечо.

– Отлично, товарищ! Надеюсь, что скоро все это закончится и мы вернемся к нормальной жизни.

– Мы боремся, товарищ, но у мятежников больше оружия, да и большинство офицеров оказалось на их стороне. Рево-

люции нужна любая помощь. Ты, наверное, уже записался в ополчение? Нам нужны сильные и смелые люди, чтобы покончить с мятежом.

– Я обязательно это сделаю, товарищ, будь уверен, но сначала провожу свою девушку домой.

Ополченец посмотрел на Тересу и решил, что она вся заплакана из-за того, что ее жених решил пойти добровольцем.

– Не волнуйся, товарищ, мы раздавим это отродье, как крыс!

Тереса заметила, что Артуро хочет побыстрее закончить разговор. Но ополченец не отставал.

– Ты тоже можешь вступить в наши ряды. Перед лицом революции мужчины и женщины равны, равны мы будем и перед лицом победы. А сейчас каждый должен подставить другу плечо, чтобы одолеть тех, кто хочет украсть нашу свободу.

Тереса промолчала. Она боялась открыть рот, не сдержать своего раздражения и выпалить в лицо этому одетому в выцветший синий комбинезон и обутому в альпартаты недоумку с красно-черным платком на шее и ружьем на плече, что она думает о его революции.

– Так она и сделает, – ответил Артуро, потянув Тересу за плечо, чтобы ретироваться, – точно говорю, товарищ. Нам пора. Спасибо за все! Бывай!

– Бывай, товарищ!

Удалившись на достаточное расстояние, Тереса посмот-

рела на Артуро, но не смогла поймать ответный взгляд.

– Ты же не собираешься записываться в ополчение?

Артуро не ответил. Молча глядя вперед и крепко держа Тересу за руку, он продолжал вести ее к остановке трамвая.

– Артуро, я задала вопрос...

– Сейчас не время это обсуждать, поговорим позже, когда будет понятнее, что происходит.

– Что будет понятнее? Эти люди, к которым ты собрался добровольцем, убивают на улицах среди бела дня.

– Ты несправедлива, Тереса. Ты прекрасно знаешь, что я не такой, что я против любого насилия, кто бы его ни совершал.

– Ты, может, и против, но такие, как этот твой товарищ, призывавший тебя вступить в их ряды, сегодня убили на моих глазах двух беззащитных людей.

– Так поступают не все.

– Мне достаточно и одного. Ты знаешь, как они поступили с моим отцом? Его остановили на выходе из «Рица», избили, ограбили, отняли машину, продержали в камере, а потом бросили разутым и полураздетым у входа в метро.

Артуро смотрел на нее, открыв рот, не в силах поверить ее словам.

– Я не знал...

– Ему сломали ребро, разбили лицо... И это все твои так называемые товарищи.

– Преступники и негодяи есть всегда на любой из сторон.

Неужели ты думаешь, что мятежники будут с кем-то деликатничать?!

Артуро умолк, качая головой, словно отказываясь признавать реальность происходившего.

– За последние месяцы все перевернулось вверх дном, Тереса. Сегодня избивают одних, завтра – других, сегодня убивают одни, завтра в два раза больше и с еще большей жестокостью, хотя, казалось бы, куда уж больше, – другие. А теперь еще и эти безголовые вояки из Африки нацелились свергнуть правительство. Они очень жестоки, привыкли в Африке к крови и насилию, не знают жалости и обучены убивать. Если они свергнут законную власть, мы потеряем все, что построили за эти годы, все пойдет прахом. Нельзя сидеть сложа руки и просто смотреть, что происходит.

– И ты собираешься победить профессиональную армию с этим сбродом?

– Сброд – это те, кто поднял вооруженный мятеж против законно избранного правительства, – раздраженно ответил Артуро.

– Не знаю, что там было законно, а что – нет, зато знаю, что видела своими собственными глазами: эти люди, которых ты зовешь товарищами и с которыми готов идти в бой, убивают других людей, а правительство, которое ты называешь законным, не делает ничего, чтобы это остановить.

Какое-то время они смотрели друг другу в глаза, после чего Артуро отвел взгляд и глубоко вздохнул.

– Все слишком запутано, Тереса. По правде говоря, я сейчас не знаю, что буду делать. Я не хочу врать тебе и говорить, что не думаю о том, чтобы вступить в ополчение. В таких делах ты либо на стороне закона, либо на противоположной стороне. Мы должны объединиться против тех, кто хочет отобрать нашу свободу.

– Мне жаль тебя разочаровывать, но я вряд ли нацеплю мужские штаны и повешу на плечо винтовку.

– Да я тебя об этом и не прошу.

– Разумеется, ты просто собираешься взять в руки оружие, чтобы отобрать машину у какого-нибудь зажавшегося богатея, обнаглевшего настолько, чтобы завести себе банковский счет и жить в нормальном доме. А потом будешь кататься по улицам Мадрида и останавливать каждого встречного, чтобы выяснить, думает ли он так же, как ты. И если вдруг выяснится, что нет, ты станешь и судьей, и палачом для дерзнувшего отказаться от вашей революции, – по мере того как обвинения слетали с ее губ, голос Тересы становился все громче и громче. Закончив, она горько всплеснула руками.

– Ты считаешь, что на той стороне одни сестры милосердия?

– Мне все равно, что происходит на той стороне, я не собираюсь вступать в их ряды.

– Ты и не сможешь этого сделать, потому что они считают, что место женщины – дома, а ее удел – ухаживать за мужем и детьми. Что у нее не должно быть будущего, своей жизни,

что она должна стать продолжением мужчины.

— Ну а ты с твоими товарищами, чего вы добились, ну скажи? Почему я до сих пор полностью завишу от отца, в то время как мои братья свободны, почему мне по-прежнему нечем дышать...

Она судорожно вздохнула, словно ей действительно не хватало воздуха.

— Давай прекратим этот разговор, Тереса. Сейчас неподходящее время.

Тереса резко вырвала руку, но ничего не сказала в ответ, потому что в этот самый момент подъехал трамвай. Она молча, не обернувшись, поднялась по ступенькам. Артуро смотрел на нее, пока девушка оплачивала билет и шла по салону. Наконец она села, устало посмотрела на жениха и закрыла заплаканные глаза.

— Я съезжу в Эль-Пардо, — крикнул Артуро, когда трамвай с трудом начал набирать скорость. — Сообщи мне, если появятся новости.

Артуро смотрел вслед удалявшемуся вагону. Его голова напряженно работала. Он не собирался ехать в Эль-Пардо, поскольку, к своему глубокому сожалению, хорошо знал, где нужно искать Марио и его друзей.

На Тересу накатило глубокое чувство вины. Она понимала, что несправедлива к Артуро. Ей были прекрасно известны его мировоззрение и философия. Он состоял в рядах социалистической партии и даже участвовал в несколь-

ких съездах, проходивших в университете, в круглых столах, когда юноши и девушки могли свободно говорить обо всем, без недомолвок и оговорок, к которым Тереса так привыкла дома, где ее мнение никогда не ставилось ни в грош. Она вспомнила день, когда впервые увидела Артуро в гостиной своего дома, и на лице ее нарисовалась улыбка. Тогда, войдя в комнату, где сидели Марио и его друзья, она сразу обратила внимание на Артуро и уже не могла смотреть ни на кого другого. Несмотря на недорогую одежду, он выглядел очень элегантно: большие светлые глаза, густые прямые волосы с вечно падающей на лоб челкой, придававшие ему вид божественного мечтателя. Он часто улыбался, и тогда его лицо озарялось тонкой красотой. Тереса сразу поняла, что он совершенно не похож на остальных друзей его брата: те были заносчивы и самодовольны, носили дорогие костюмы с безупречно белыми воротничками и вечно кичились своим происхождением. Она села в уголке, боясь сказать слово из страха, что все, включая ее брата, поднимут ее на смех. Впрочем, молчать было несложно, ей нравилось быть безмолвным и мудрым наблюдателем, она привыкла к этой роли. Поэтому-то ее так и удивили девушки, горячо и уверенно отстаивавшие свое мнение перед внимательно смотревшими на них тридцатью ребятами. Тереса же довольствовалась тем, что просто слушала студенческие разговоры о законах, процедурах, нормах, правах и полномочиях; она совсем не разбиралась в этих материях, но ее восхищала са-

ма беседа. Тереса улыбнулась: если бы ее мать или, того хуже, отец узнали, что она не только флиртует с безродным левым бездельником, но еще и разделяет многие из его идей, ее бы точно выставили из дома. Тереса предпочитала республику монархии, начинала разбираться в правах рабочего класса и уже отстаивала, хотя пока еще очень робко, необходимость полного признания прав женщин, свободы вероисповедания, светского бесплатного всеобщего образования и в целом построения более справедливого общества, за которое ратовал Артуро. Она даже знала все статьи конституции 1931 года, потому что помогала Артуро зубрить и трактовать их для какого-то экзамена. Иногда она завидовала тем, кто учился в университете, тому, что они узнают на занятиях и из книг, их способности анализировать происходящее, но как женщина смиренно признавала свою ограниченность и пыталась компенсировать ее участием – пусть и пассивным – в том, чему учил ее Артуро. И все же Тереса, в отличие от своего жениха, горевшего огнем идеализма, способным двигать мир, с крайним пессимизмом относилась к предлагаемым изменениям в законодательстве Республики. Она сильно сомневалась, что общество будет способно принять такие перемены спокойно и без возмущений. Ни ее отец, ни другие люди той же классовой прослойки, ни даже друзья ее брата не собирались признавать притязаний женщин на какие-то права и уж тем более на равноправие с мужчинами. Ситуация действительно была сложная. Чтобы принимать зако-

ны, нужна власть, власть покупается за деньги, а деньги есть только у верхних слоев общества. Все остальное – не более чем красивая, но недоступная иллюзия.

Глубоко вздохнув, Тереса посмотрела на улицу через открытое окно. Увидела людей в синих комбинезонах, и ее сразу же охватило глубокое отчаяние: девушка снова вспомнила о тревожном отсутствии ее брата Марио.

Хрупкие воспоминания

Бабушка Карлоса Гоудино жила в каких-то пятидесяти метрах от фонтана «Рыбы». Ее квартира располагалась на втором этаже. Дверь нам открыла смуглокожая девушка лет тридцати, неотлучно находившаяся при пожилой женщине.

– Привет, Дорис. Она в гостиной?

– Да, ждет вас, – широко улыбнувшись, ответила сиделка с мягким карибским акцентом.

Мы с Карлосом двинулись вперед по узкому коридорчику, а Дорис нырнула на кухню, откуда доносился приятный запах свежесваренного кофе. Как и говорил Карлос Гоудино, его бабушка сидела в кресле у большого окна, выходившего на площадь Прадильо и проспект Конститусьон. Комнатка была крошечной, почти без мебели: стол с угольной грелкой¹², накрытый толстой шерстяной скатертью, под ко-

¹² Традиционный для Испании стол с отверстием под угольную грелку в нижней части. Такой стол накрывался толстой шерстяной скатертью и позволял ото-

торой старушка прятала ноги, четыре стула и маленькая полка, на которой стояли фотографии со свадеб и крещений и какие-то памятные сувениры. Кроме того, в разных точках расставили комнатные растения, что придавало помещению дополнительный уют. Светлые занавески были раздвинуты, чтобы видеть, что происходит на улице.

– Бабуля, привет! Вот писатель, о котором я тебе вчера говорил.

– Здравствуй, мой хороший! – старушка с радостной улыбкой подставила внуку щеку для поцелуя.

– Очень приятно познакомиться, сеньора, спасибо, что согласились поговорить со мной.

– Благодарить не за что, я люблю гостей: слишком уж много времени провожу одна, а бедняжке Дорис я уже до чертиков надоела.

– Что вы такое говорите! – вступила в разговор сиделка, появившаяся в этот момент на пороге: на подносе стоял кофейник и три чашки. – Вы же знаете, что я вас очень люблю, мы все время разговариваем про жизнь и все такое, ведь правда?

– Дорис, мне кофе не наливай, я уйду.

– Ты не останешься?

– Нет, бабушка, мне еще забирать Карлитоса из школы, у Анны сегодня много работы.

– Вот видите, – обратилась она ко мне, – вечно у них не

остаётся времени на бедную старушку.

– Ладно, бабуля, не наговаривай, ты же знаешь, что я всегда прихожу, как только выдается минутка. Эрнесто, присаживайтесь. Его зовут Эрнесто, – сообщил Карлос старушке, пока я с опаской садился на свое место.

– Да поняла я, поняла. Давай, иди уже, не хватало еще, чтобы мальчик вышел из школы и не увидел никого из родителей.

Карлос подошел к бабушке и нежно погладил ее по щеке.

– Учтите, она как старый кинопроектор. Стоит его завести, и он не остановится, пока не кончится лента. И не говорите потом, что я вас не предупреждал.

– Не беспокойтесь. Я буду рад выслушать все, что она расскажет.

– Если увидите, что ее понесло куда-то не туда, бросайте все и бегите.

– Ладно, бездельник, отправляйся за моим правнуком и не забудь привести его ко мне, это всегда такая радость.

– Я ухожу, – он протянул мне руку, и я поднялся, чтобы ее пожать. – Надеюсь, вы оба с пользой проведете время. Будете еще в Мостолесе – звоните, выпьем кофе. Договорились?

– Конечно, и еще раз большое спасибо...

– Не за что. Бабушка довольна, и это главное.

Поцеловав старушку в лоб, он вышел, сопровождаемый Дорис.

– Он хороший внук, но у молодежи всегда столько рабо-

ты, что времени больше ни на что не остается. Ума не приложу, зачем им столько денег: на новую машину, на новый дом, на путешествия, на мобильные телефоны... Представляете, моему правнуку всего пять, а они уже хотят купить ему телефон!

– Век высоких технологий, – вставил я, не понимая, что тут можно ответить.

– Ну не знаю. Раньше у нас всего этого не было, и мы жили себе преспокойненько. А сейчас отними у них машину или мобильный телефон, они же с ума сойдут!

– В чем-то вы правы, но каждому из нас достается свое время с его достоинствами и недостатками.

– Пожалуй, что да. На долю людей моего возраста выпало много всякого, в том числе плохого, поэтому мы легко довольствуемся малым. Чем больше у тебя всего, тем сильнее ты к этому привязываешься, а это плохо.

Я глупо улыбнулся. В чем-то она, конечно, права, но то, о чем она говорила, никак не было связано с потребностями людей в ее и в мое время.

Я услышал, как закрылась входная дверь и как Дорис идет к нам по коридору. Войдя, она налила нам кофе, без умолку разговаривая со старушкой, как с малым ребенком. Закончив, она поставила кофейник на поднос.

– Хеновева, если вам что-то понадобится, я у себя.

– Спасибо, Дорис, у нас все есть. Закрой дверь, чтобы не выпускать тепло.

Я отхлебнул кофе, рассматривая поверх чашки женщину, которая была знакома с людьми, запечатленными на моей фотографии. Хеновева производила впечатление милой старушки: сама – маленькая и хрупкая, как фарфоровая статуэтка, белая полупрозрачная кожа изборождена морщинами прожитых лет, седые волосы приглажены, глаза темные, как вода. Ее движения были медленными и неторопливыми, чувствовалось, что в ее жизни уже нет места спешке. Голос казался приятным, но немного дребезжащим, словно поизносившимся.

– Так значит, вы писатель.

– Пытаюсь им быть.

– А что вы пишете?

– То, что могу, – ответил я немного смущенно. – Прежде всего прозу, но экспериментировал и с поэзией, вот только поэт из меня никудышный.

Хеновева легонько качнула головой и чуть приподняла брови.

Я решил, что пора показать ей фотографию.

– Хеновева, ваш внук сказал мне, что вы знали эту пару.

Прежде чем посмотреть на снимок, она взяла со стола простенький очечник, достала старые очки в пластиковой оправе и нацепила на нос. Ее костлявые бугристые руки со старческими пятнами немного подрагивали. Закончив приготовления, Хеновева забрала у меня из рук фотографию и стала рассматривать ее, чуть вздернув подбородок.

– Она сделана у фонтана «Рыбы» 19 июля 1936 года.

Ее глаза блуждали по лабиринту воспоминаний.

– Вы знали этих людей? – настойчиво повторил я.

– Конечно. Я отлично помню это платье Мерседес и тот день. Тогда никто не понимал, что в то воскресенье началась война. Времена были плохие, – она ненадолго замолкла, затем подняла глаза от фотографии и спросила:

– Откуда она у вас?

На этот раз я не видел причин скрывать, как ко мне попала эта фотография.

Слушая меня, она не отрывала глаз от снимка.

– Какая жалость, что такой прекрасный портрет окончил свои дни на блошином рынке. Это так... Не знаю, так неправильно. Сегодня люди снимают на фотоаппарат все подряд, по поводу и без повода. Миллион фотографий просто так. У меня набралась большая коллекция фотографий моих внуков и правнуков с самого момента их появления на свет: дни рождения, как они купаются в бассейне, как бегают по пляжу, как катаются на велосипеде. По снимку на любой случай. В наши времена фотография была сокровищем. От моего детства осталось полдюжины фотопортретов, а от родителей – вообще только одна фотография, сделанная на мое первое причастие. – Я кивнул, подтверждая ее правоту, но ничего не сказал, терпеливо выжидая, пока она скажет что-нибудь еще о людях на портрете. – Мерседес здесь уже несколько месяцев как в положении, хотя этого почти не видно. Мой отец

был тем, кто подтвердил ее беременность. Вы и представить себе не можете, как они радовались, особенно бедняжка Николаса после всех тех горестей, что выпали на ее долю.

Я достал блокнот и спросил, можно ли мне записывать ее слова.

– Конечно. Делайте, как вам нужно. Хотя то, что я могу рассказать, вряд ли стоит испорченной бумаги.

– Уверен, что это не так, мне важно все, что вы сможете вспомнить об этой паре.

– Ну, если так, записывайте сколько угодно.

– Так значит, Мерседес в июле тридцать шестого была беременна?

– Да, но ребенок родился мертвым.

– Вот как, – озадаченно вставил я. Сделал пометку и одновременно спросил: – А эта Николаса, кто она?

– Мать Мерседес, – сухо ответила она, словно удивленная моим невежеством. Затем снова зацепилась взглядом за фотографию и мягко улыбнулась, подхваченная волнами памяти. – Они поженились за несколько месяцев до этого, на Рождество. Свадьба была очень красивая – простая, но очень красивая. Я хорошо помню, что день был морозный, но солнечный. Мерседес выглядела потрясающе, она вообще была красавицей, да и Андрес был видным парнем.

– На фотографии это заметно.

– Они жили в доме у Николасы, рядом с моими родителями. Мой отец был врачом Мостолеса, единственным на все

село. Он знал все болячки каждого из жителей и помнил их безо всякого компьютера. Тогда Мостолес был крошечным, чуть больше тысячи жителей, не то, что сегодня. Дом, в котором я родилась, стоял прямо на этом месте, – Хеновева ткнула пальцем в пол. – Его снесли, чтобы построить новый квартал, а мне дали вот эту квартиру. Мы с мужем тогда жили в собственном доме здесь неподалеку, вверх по этой улице. Тот дом тоже недавно снесли под очередную новостройку. Там я вырастила своих пятерых детей и прожила в его стенах сорок лет, – она устало вздохнула, погруженная в свои мысли, – но потом овдовела, дети все переженились, и мне не хотелось сидеть одной в огромном доме, набитом воспоминаниями. И вот я перебралась в эту квартирку. Здесь веселее и уютнее.

Она говорила с горечью человека, смилившегося с неотвратимой поступью времени и одиночеством ожидания заранее известного конца.

– То есть вы были соседями Мерседес и Андреса.

– Жили дверь в дверь, сеньор.

– Выходит, Мерседес и Андрес жили на этой самой улице, так?

– И Николаса тоже, – кивнула она. – Сейчас она называется Ситио-де-Сарагоса, это все штучки нынешнего мэра, но до того, сколько я себя помню, это была улица Иглесиа¹³.

¹³ Церковь (исп.).

Некоторые назвали ее Иглесиас¹⁴, потому что, не знаю, обратили ли вы внимание, она соединяет часовню и церковь.

– Значит, вот эта улица раньше называлась Иглесиа? – переспросил я, торопливо записывая информацию, чтобы убедиться, что не ослышался.

– Там, где вы сегодня вошли в подъезд, был вход в дом моих родителей, а дальше, в сторону церкви, – окно и входная дверь дома Николасы.

– Хеновева, а как звали ваших родителей?

– Отца – Онорио Торрехон, мать – Элоиса Гарсиа. Николаса и моя мать очень дружили и все время проводили вместе. Николаса ходила к нам убираться, чтобы заработать пару монет. Нужно было на что-то жить. Хорошая женщина, только с мужем и сыном ей не повезло.

– Почему? Как не повезло?

– Оба умерли. Сначала муж, потом сын. Я их не знала. Николаса и Мерседес остались одни, – она поджала губы и покачала головой. – Моя мать всегда говорила, что им придется много работать, чтобы сводить концы с концами. Сами подумайте, две женщины, одни, в такое время. Им через многое пришлось пройти, очень многое...

– А что было дальше с Андресом и Мерседес?

Она подняла брови и пожала плечами.

– Его забрали вскоре после того, как началась война.

– Вместе с братом Кlemente?

¹⁴ Церкви (*исп.*).

– Так вы и про Клементе знаете?

– Честно говоря, очень немного. К фотографии прилагалось несколько писем, написанных Андресом Мерседес между сентябрем и октябрем 1936 года. В них он каждый раз упоминает Клементе, говоря, что с ним все в порядке, но больше ничего не сообщает.

– Несколько писем? Я про них ничего не знала.

И она умолкла, уставившись в какую-то точку, уйдя в себя, словно мое присутствие перестало ее интересовать.

– Хеновева, вы сказали, что Андреса забрали. Кто это сделал?

– Красные, – уверенно ответила она. – Они с братом работали в поле, их посадили в грузовик и забрали. Все говорили, что это проделки Мериноса, что он точил на них зуб, особенно на Андреса. Мать рассказывала, что он завидовал ему, потому что пытался добиться руки Мерседес, но та сразу полюбила Андреса и не обращала на Мериноса никакого внимания.

– А вы можете еще что-то рассказать об этом Мериносе?

– Ой, это был очень дурной человек, уж поверьте. Я помню тот день, когда он ворвался в наш дом, чтобы отобрать папину машину. Вы и представить себе не можете, сколько в нем было злобы, как он ругался, как кричал. Как я перепугалась, когда они схватили отца и выволокли его наружу, словно куклу. Есть вещи, которые невозможно забыть... Так поступить с моим отцом... Вы себе не представляете. Ме-

ринос был негодяем, точно говорю, дурным человеком. После войны его расстреляли. И никто по нему не сокрушался. Многие хотели с ним поквитаться.

Она замолчала, и я воспользовался этой возможностью, чтобы максимально понятным почерком записать сказанное.

– А вы помните, когда именно забрали двух братьев?

– Где-то после дня Вознесения Девы Марии. В том году праздника не было: ни гуляний, ни службы, ничего. Мама приготовила лимонад, язычки из слоеного теста и собрала семью и самых близких друзей. Все очень боялись. Меня не выпускали поиграть даже перед домом. Много всякого происходило. Людей убивали, увозили посреди ночи и потом находили в горах Серро-де-лас-Ньевес с простреленной головой. Моего отца несколько раз вызывали на опознание убитых, а потом он шел к семьям погибших, чтобы сообщить им печальные новости. Я до сих пор помню его лицо, когда он возвращался домой. Вы не представляете себе, какая тоска, какая боль отражались на нем. Страшные были дни.

– А что Мерседес?

– Ой, – и она взмахнула костлявой рукой, словно подгоняя свой рассказ, – бедняжка плакала целыми днями. Им с Николасой пришлось прятаться в доме дяди Маноло, потому что Меринос хотел увезти и ее.

– Они прожили войну в Мостолесе?

– Нет, здесь осталось всего несколько человек, остальных эвакуировали в тыл перед приходом националистов.

– То есть Мерседес с матерью уехали из Мостолеса?

– Да, и гораздо раньше остальных. Вскоре после того, как арестовали Андреса, мы вывели их тайком из дома. Я же говорю, все очень боялись. Многим приходилось прятаться в погребе или перебираться из дома в дом по ночам. А потом двоюродный брат моего отца увез их на своей повозке, чтобы Мерседес не пришлось идти пешком. Тогда-то я и видела их в последний раз.

– Они больше не вернулись?

– Нет, сеньор.

– Они умерли?

– Николасу застрелили пособники националистов в очереди на одной из мадридских улиц. О Мерседес никто больше ничего не слышал, по крайней мере, я, поэтому не знаю, жива она или мертва. Никто никогда не говорил, что с ней случилось и почему она не вернулась назад.

Я смотрел на нее, и в моем взгляде смешивались радость новых открытий и горечь оттого, что нить повествования внезапно оборвалась.

– А вы знаете, куда именно они уехали из Мостолеса?

– У отца был знакомый врач в Мадриде, и, кажется, он приютил их у себя. По крайней мере, я помню, как отец пытался дозвониться ему по телефону. Связь тогда работала из рук вон плохо, и мать весь день просидела у телефона, чтобы не пропустить ответный звонок телефонистки.

– А имени этого врача вы не помните?

Она снова отрицательно покачала головой.

– Он работал в больнице Принсеса. Это все, что я знаю.

Я внимательно просмотрел свои записи.

– Хеновева, вы упоминали некоего Маноло, кто это?

– Дядя Маноло? Брат матери Андреса и Клементе, Чернявых, как их все называли. Он был одним из немногих, кто остался в селе, когда нас всех эвакуировали. Прятался в погребе до прихода националистов. С ним осталась его сестра, мать Андреса. Ее так и не смогли переубедить, хотя эвакуация была обязательной, остаться было нельзя, запрещено приказом. Говорили, что африканцы вырезают все живое на своем пути. Но она все равно спряталась вместе с братом и отказалась уезжать из Мостолеса, – мягкий голос старушки порой снижался до шепота, порой усиливался, словно качаясь на волнах ее хрупкой памяти. – Все говорила, что должна остаться, на случай если вернутся ее ребятишки. Бедняжка умерла от горя еще до того, как закончилась война.

– А оба брата погибли?

Она пожала плечами и задумалась.

– Мой отец искал их после войны, но единственным, что ему удалось узнать, было то, что Клементе похоронен на кладбище в Лас-Росас. Он пытался привезти его тело сюда, чтобы перезахоронить рядом с матерью, но не смог. Судя по всему, его останки покоятся в братской могиле и извлечь их оттуда невозможно. Бедняжка Фуэнсисла осталась одна с тремя детьми и без могилы, на которой можно было бы

оплакать мужа.

– Это жена Клементе?

– Да, – она подняла брови и, не глядя на меня, грустно посмотрела в пустоту. – Сколько жизней, Боже правый, сколько сирот... сколько горя...

– А кто-то из них еще жив? Может, они смогут мне что-нибудь рассказать...

Она с недоумением, растерянно посмотрела на меня, словно не понимая моего вопроса.

– Жена Клементе, – мягко пояснил я, опасаясь перетру-
дить ее память, – она или ее дети еще живы?

Старушка рассеянно улыбнулась.

– Не знаю. Мостолес очень вырос за последнее время. Все уже не так, как раньше, когда все знали всех и всё обо всех. В деревнях всегда всё обо всех известно. А теперь сюда пришли новостройки и с ними чужие люди, и местные старожилы начали терять связь между собой. Я знаю, что одна из его дочерей вышла замуж и уехала то ли в Валенсию, то ли в Аликанте, точно не помню, сын открыл хлебопекарню где-то под Толедо, но где, мне неизвестно. Про вторую дочку я ничего не слышала, что же до Фуэнсислы, – и она, как бы извиняясь, пожала плечами, – по правде говоря, понятия не имею, жива она или нет... Не знаю, ничем не могу помочь.

Я быстро записал всю информацию и, прежде чем спрятать ручку и блокнот, приподняв голову, еще раз спросил:

– Так значит, от Андреса больше вестей не было.

Она пожевала губы и задумалась.

– Я вернулась сюда с родителями в апреле 1939-го. Всю войну мы провели в доме моего дяди. Как мы голодали! Вы и представить себе не можете, на какие ухищрения приходилось идти, чтобы раздобыть хоть что-нибудь. Повсюду царили голод и нужда. В Мадриде не было вообще ничего, верите? Очереди буквально за всем, мы часами стояли и ждали на холоде, под дождем. Бог мой! Какие очереди я выстаивала, чтобы положить в корзинку банку сгущенки и полкило чечевицы, в которой камней было больше, чем в гранитном карьере. Что за времена! – Хотя порой Хеновева терялась и путалась, было видно, что она, как и говорил Карлос Годино, подобно многим другим старикам, прекрасно помнит то далекое время. – Когда мы вернулись, дом был разграблен. Осталась только разломанная мебель, – она вздохнула, глядя в никуда стеклянными глазами. – Но мы были живы, а тогда самым главным было именно это – выжить. Здесь мы больше не голодали. Каждый день на столе была горячая еда, пусть один и тот же гуляш с понедельника по пятницу, но бобов было в достатке. Что же до остального, то иногда не было ничего, иногда кусочек сала, иногда – свинина, курятина или крольчатина. Тем и пробавлялись. Мы не жаловались и не оставляли на тарелках ни крошки, не то что сейчас, когда на помойку отправляется столько еды, что диву даешься...

Мне было приятно слушать ее рассказы, но я боялся, что нам не хватит времени на главное, и снова спросил.

– Хеновева, так вы не знаете, что случилось с Андресом? Никаких слухов, никто не рассказывал, что он умер или уехал из страны? Вы же сами говорили, что в деревнях все обо всех знают.

Она махнула рукой.

– Если мы чему и научились, когда закончилась война, так это не вспоминать о прошлом, чтобы жить дальше. Не забывать о нем, но и не вспоминать. Хотя в результате многие его и вправду позабыли...

В воздухе повисла густая тишина. Я понял, что затронул какую-то ненужную струну. И предпочел замолчать, давая ей возможность отреагировать так, как она сочтет нужным.

– Поверьте, – продолжила она спокойно, – мне очень жаль, что я не могу вам помочь, но я ничего не слышала ни о нем, ни о Мерседес. Мать говорила, что они как под землю провалились, – увидев, что я непроизвольно дернулся, она улыбнулась и посмотрела вдаль, – и не они одни. В те годы пропало немало людей. Многие испарились, как дым, когда националисты вошли в Мадрид. Кто-то вернулся спустя годы, но большинство, – и она механически пожала плечами, – пропали без вести. Людей убивали и закапывали в братских могилах, по обочинам дорог, в полях, оврагах, за забором кладбища. Напротив дома на Куатро-Каминос, в котором мы жили во время войны, был пустырь, и по ночам часто можно было видеть, как туда подъезжали грузовики и легковые машины с трупами. Их сгружали, рыли неглубокую яму и

закапывали там. Страшное творилось. Не знать, где похоронен твой любимый, – хуже, чем знать о его смерти. Заметьте, я не говорю, что виноват был кто-то один: зверства творили обе стороны. Шла война, все боялись голода и холода, бессонницы, случайной пули, боялись умереть или быть вынужденными убивать. Повсюду царил страх. Страх и слепой инстинкт самосохранения, который пробуждает в человеке все самое жуткое, – она надолго погрузилась в горькое молчание, словно отдавая дань всем душам, погасшим в ту братоубийственную войну. – А когда пришел мир, долгожданный мир, ты мог либо поддерживать Франко, либо бороться с ним. Не было места ни недеянию, ни колебаниям. Фалангисты¹⁵ говорили, что нужно покончить с мягкотелыми, что они тянут родину на дно. И вот этих-то слабых, колеблющихся, да и вообще всех, кто когда-то имел дело с республиканцами, арестовывали и сажали в тюрьму, где те могли сидеть месяцами, даже не зная, за что их арестовали. Мой отец пробыл в заключении больше месяца: поскольку он был вынужден проработать всю войну в мадридских больницах, его сочли красным. Хорошо еще, что за него поручились несколько врачей и военных, иначе бы его расстреляли, понимаете. Моему отцу повезло, а многим другим – нет, у них не оказалось поручителей, чьего слова было бы достаточно, чтобы снять с них обвинение в несуществующем преступлении.

¹⁵ Фаланга – ультраправая политическая партия, основанная в 1933 году Хосе Антонио Примо де Риверой.

Никто не вступился за них и не сказал, что они не имеют к красным никакого отношения, а те, кто мог бы это сделать, просто испугались. Храбрых людей хватало, но и трусов было предостаточно, а еще было много страха и очень много зависти, чего уж греха таить. Вы и представить себе не можете, сколько забрали людей, которые и думать не думали ни о чем, кроме своей работы. Их убивали за старые обиды, из жадности, чтобы занять их должность или отобрать у них дом. Война была очень тяжелой, но в первые послевоенные годы тоже творилось всякое. Мир вернулся, врать не буду, но голод и страх, много страха, – повторила она с болью, – никуда не делись. Равно как и злоба, мстительность и ненависть... Ох...

Она махнула рукой, словно отгоняя страшные мысли, прикрыла рот пальцами и передернула плечами, словно от холода, пробежавшего по спине.

– Здесь я с вами совершенно согласен, Хеновева, война сама по себе отвратительна, но мстительность и мелочность победителя по отношению к побежденному еще хуже, хотя, казалось бы, куда уж хуже.

– Франко не был великодушным, сеньор, ни он, ни те, кто его окружали. А вот злопамятным, судя по всему, был; к тому же говорят, что он очень боялся, что у него отнимут власть. Мелкий человек. Сейчас я могу это сказать, это раньше нужно было молчать, мы всю жизнь прожили, держа рот на замке и нередко отворачиваясь в сторону. Но теперь я мо-

гу это сказать. Прихлебатели и оппортунисты тут же поддержали новую власть и принялись во все голоса славить Франко, кидая вверх руки. Вы только не подумайте, что я их осуждаю, такие тогда сложились обстоятельства. Я просто хочу объяснить, почему обо многих из тех, кто не вернулся, сразу забыли. Искать их – значило рисковать навлечь беду на себя и на свою семью, потому что тот, кто падал, тянул за собой всех, это было заразно, как чума. Нужно было продолжать жить, – она посмотрела на меня недовольно, словно раскаиваясь в том, что сказала слишком много, – понимаете, двигаться вперед, нельзя было цепляться за прошлое, мы не могли даже остаться в настоящем, потому что порой оно было еще хуже. У нас было только будущее. Нужно было двигаться вперед, как говорила моя бедная мама. – Хеновева умолкла и опустила взгляд на руки, державшие фотографию. – Мало-помалу люди забывали своих мертвых и пропавших без вести. Забвение было залогом выживания. На долгое время главным для большинства стало не умереть от голода... и горя, и добровольный отказ от ушедшего навсегда прошлого был единственным остававшимся нам выходом.

После всего услышанного мне было стыдно ворошить горькие воспоминания пожилой женщины, но любопытство и желание узнать больше одолели мою слабую совесть.

– Вам, наверное, было очень нелегко.

– Очень нелегко, – кивнула она головой. – Вы и представить себе не можете. За три года войны убили много хоро-

ших людей по обе стороны фронта. А когда пришел Франко, для одних воцарился мир, а для многих других начался кошмар. Столько ненависти накопилось, столько желания отомстить, — она пожала плечами. — Я уже свое пожила, но каждый день молюсь Богу, чтобы моим внукам и правнукам не довелось пройти через то, через что прошли мы.

Она на мгновение умолкла, и я воспользовался этим, чтобы продолжить расспросы.

— Андреса и Мерседес кто-нибудь искал? Может, какой-нибудь родственник?

— Дядя Маноло был единственным, кто у них остался, а он умер в последний день войны. Он был холост. Мать говорила, что, когда нужно было подыскивать себе невесту, он был занят тем, что помогал овдовевшей сестре и племянникам. Он жил один и умер один. В день, когда националисты вошли в Мадрид, он сильно напился. Так говорят, я сама этого не видела, но, наверное, так оно и было, потому что домой он не вернулся. А спустя несколько дней его обнаружили мертвым в стогу сена.

Я продолжил расспросы, твердо намереваясь выжать до конца хрупкую память старушки. Какими бы тяжелыми ни были те времена, я не мог поверить, что их никто не искал и что никого не волновала их судьба. Я, скорее, склонен был поверить в добровольный заговор молчания с целью избежать ареста и других неприятностей в первые годы франкистских репрессий.

– Они могли уехать из страны или отправиться в ссылку?

Прежде чем ответить, она покачала головой, пожала плечами и слабо улыбнулась.

– Не могу вам сказать.

И снова замолчала.

– Я, наверное, вас утомил.

– Не переживайте, я в порядке. Просто в моем возрасте воспоминания становятся тяжелыми и могут даваться нелегко. Но я люблю рассказывать об этих вещах, скорее даже, люблю, когда меня слушают.

– Мне очень интересно вас слушать, Хеновева, к тому же вы мне очень помогаете.

Она благодарно улыбнулась. Я пробежался по своим записям, очень боясь забыть какой-нибудь вопрос.

– А дом, в котором жили Андрес и Мерседес?

– На него упала бомба. Он долго стоял разрушенным, все боялись его трогать, всё ждали, что кто-нибудь появится. А потом пришли многоэтажки.

– Последний вопрос, Хеновева, простите меня за мою назойливость: вы знаете еще кого-нибудь, с кем можно было бы поговорить про Андреса и Мерседес?

– Нас осталось так мало, – и она тепло, по-матерински улыбнулась. – Боюсь, что вам придется выдумать их историю, чтобы написать свой роман. Мертвые не говорят, – она взглянула на фотографию, отдала ее мне и вдруг хитро улыбнулась. – А может, и говорят... Как знать.

Глава 5

Когда трамвай скрылся из виду, Артуро вздохнул и осмотрелся по сторонам. Яркое полуденное солнце мешало собраться с мыслями. Гран-Виа казалась карнавальным шествием из синих комбинезонов, вздымавшихся в воздух кулаков и гордо реявших в знойном мареве странного июльского понедельника разномастных флагов, окрашенных в цвета Республики и черный с красным Национальной конфедерации труда. Звонкие гудки машин, возвращавшихся от казарм Монтанья, звучали в унисон с восторженными возгласами их пассажиров, праздновавших победу. Артуро всматривался в лица встречных прохожих. Некоторые были помятыми и уставшими, покрытыми трехдневной щетиной, с мешками под глазами от недосыпа, но при этом светились радостью. У других во взгляде застыли недоверие и страх. Последние старались избегать ополченцев, которые стали властителями улиц, законов и жизнью. Артуро не знал, что и думать. Все происходило слишком хаотично, народное сопротивление превращалось в бардак. После того как правительство заявило, что все действующие военнослужащие увольняются со службы, незамедлительно образовалось ополчение, в котором воцарилась жуткая неразбериха, обусловленная отсутствием единого командования и хоть кого-то, кто отвечал бы за организацию борьбы, создание фронтов и мобили-

лизацию. Все шло само по себе и крайне неэффективно. В довершение к этому правительство Хосе Хираля приказало раздать людям через профсоюзы и левые партии оружие. Складывалось впечатление, что все решения рождаются из криков, лжи и самодовольства сиюминутных вождей, подавшихся очарованию пустого задора. Повсюду царило смятение. Достаточно было записаться в профсоюзные, партийные и прочие списки, чтобы возомнить себя солдатом с правом на убийство. Ружья и винтовки раздавали направо и налево, в лучшем случае объясняя на пальцах, как заряжать их и как стрелять. В результате улицы заполонили дезорганизованные вооруженные толпы, не знающие, в кого стрелять и кого защищать, пьяные от подарившей им ощущение своей значимости первой победы, не понимающие реальной опасности настоящего боя и тягот грядущей борьбы с мятежниками. За эйфорией, вызванной победой над защитниками казарм Монтанья, скрывалась страшная трагедия, осознаваемая немногими, но затрагивавшая всех и каждого.

Немного подумав, Артуро решил направиться для начала в народный дом в районе Лавапьес. Работавшие там члены партии были ему хорошо знакомы, и он надеялся, что они подскажут дальнейшее направление поисков. Тересе он ничего не сказал, но сам опасался худшего. Он знал, что есть абсолютно бездушные и беспринципные люди, действующие в сложившейся ситуации крайне несправедливо и жестоко, и что многие из них прикрываются аббревиатурой партии, ко-

торуя он с такой горячностью защищал перед своей девушкой. Ему не хотелось, чтобы она подумала, что у него есть что-то общее с этими бесконтрольными бандами.

Он повернул на улицу Монтера, дошел до площади Пуэрта-дель-Соль, углубился в Карретас, пересек Аточу и погрузился в хитросплетения улиц и переулков, чтобы добраться до Кальварио. Воздух пропах жженым деревом и дымом: горели монастыри, церкви и приходские школы, которые жгли и грабили по всему Мадриду. Артуро шел, погрузившись в глубокие раздумья и беспокойство. Завернув за угол, он увидел, что перед подъездом здания, где уже два года располагался народный дом, собралась толпа. С трудом пробившись через поток выходивших и кучки людей, бахвалившихся перед входом своими подвигами при штурме казарм, он пробрался внутрь. В темном подъезде знакомый запах сырости смешался с запахом пота людей, спешивших вверх и вниз по лестницам. Большинство были одеты в синие или серые комбинезоны, иногда с нацепленной поверх портупеи. У некоторых на поясе или на плече висело оружие, придававшее им чувство некоей особенности. Кто-то приветствовал его поднятым вверх кулаком, другие смотрели подозрительно, потому что парень был одет не как ополченец и, следовательно, мог оказаться мятежником или сочувствующим. Штаб социалистов располагался на третьем этаже в крохотной квартирке: для этого района такого штаба было вполне достаточно. Артуро приходил сюда раз в две недели, чтобы помочь това-

рищам в вопросах с законом, и консультировал их, как мог, а когда не справлялся сам, обращался за помощью к университетским преподавателям, в первую очередь к дону Амадео Фатасу, профессору римского права, хорошо знавшему все тонкости новых законов о защите прав трудящихся, нередко не исполнявшихся из-за инерции общества, неспособного отказаться от привычного хода вещей, даже когда таковой нарушал закон. В штабе всегда толпились люди, но сегодня посетителей было столько, что попасть внутрь оказалось почти невозможно. Входявшие сгрудились так, что мешали выйти тем, кто был внутри. Запах пота, зной и духота не давали дышать даже в коридоре.

Артуго, толкаясь локтями, попытался прорваться к кабинету в глубине штаба, у дверей которого тоже образовалась очередь из людей, хотевших увидеть Драко.

Агапито Трасмонте Драко был основателем, председателем и ответственным этого «шапито», как он сам его называл. Он относил себя к социалистам и был убежден, что изменений можно добиться мирным путем, без эксцессов, предлагавшихся коммунистами, и хаоса, который несли анархисты. Его главной проблемой была порой чрезмерная нетерпимость к этим двум левым фракциям, которая плохо сочеталась с пацифизмом, противопоставлявшимся им авторитаризму и отсутствию солидарности, характерным для реакционных и всего боящихся правых сил. Ему не нравилось его имя, по его словам, оно было слишком слабым, поэтому

он просил, чтобы его звали по материнской фамилии, звучащей резко и звучно.

Артуго, вытянув шею, высунулся над колышущимся морем голов, пытаясь заглянуть внутрь маленького кабинета. Драко сидел за столом, перед которым беспорядочно и хаотично толпились люди. Слева от него располагался Рафаэль Лильо, студент второго курса юридического факультета, активно сотрудничавший с этой ячейкой партии, в руках у него был список имен.

– Драко, – крикнул Артуго, – Драко, мне нужно с тобой поговорить.

– Слышь, – грубо одернул его мужчина, стоявший на пороге двери, – жди своей очереди, здесь всем нужно поговорить с Драко.

Он был одет в серый полукомбинезон поверх темной грязной рубахи, на поясе у него висел старый двуствольный пистолет. Шея, подмышки и лоб у него взмокли настолько, что казалось, что на него вылили ведро воды.

Драко, услышав голос Артуго, привстал и начал искать его взглядом.

– Артуго, проходи. Пропустите товарища, он здесь, чтобы помочь нам.

Неохотно ворча, толпа расступилась, освободив дорогу. Подойдя к столу, Артуго встал справа от Драко, вернувшегося к попыткам упорядочить творящийся вокруг бардак.

– Драко, я хочу попросить тебя об услуге.

Он серьезно посмотрел на него.

– Артуро, не сейчас, ты что, не видишь, что творится?

– Это очень срочно.

– Сегодня все срочно, – мужчины пристально посмотрели друг другу в глаза. – Помоги нам здесь, как закончим, поговорим.

Артуро понимал, что не следует при всех расспрашивать о трех приятелях – возможно, задержанных.

– Что я должен делать?

– Держи, – Драко вручил ему чистый лист бумаги и карандаш. – Записывай имя, фамилию и членский регистрационный номер...

– А если они еще не зарегистрированы?

– Этих тоже пиши. Возраст, профессию, текущее место жительства, умеет ли пользоваться оружием. Подходят все старше шестнадцати лет, не важно, какая у них профессия, чем они занимаются, мужчины это или женщины. Берем всех.

Артуро взял бумагу и карандаш. Сев рядом с Драко, начал писать имена. Его потрясло, какие люди записывались в их ряды. Не только мужчины самого разного вида и профессий, но и внушительное число женщин были готовы нацепить на себя маузер и палить во все, что движется. Но больше всего его пугали безбашенные и наглые мальчишки, ребята, большинству из которых не исполнилось и двадцати, готовые умирать и убивать за свои иллюзорные идеалы, за

то, чтобы изменить мир.

Артуро закончил записывать личные данные двадцатилетней прачки. Когда та встала и вышла, он поднял голову, чтобы посмотреть на следующего, и увидел паренька, которому не было и четырнадцати.

– Тебе чего?

– Хочу вступить в ряды. Буду убивать фашистов.

– Сколько тебе лет?

– Шестнадцать.

– Тебе нет шестнадцати. Иди играть с друзьями и дай взрослым поработать.

– Мне шестнадцать, – оскорбился тот, – вчера исполнилось.

– У тебя есть какой-нибудь документ, который может подтвердить твои слова?

Паренек на мгновение замялся, потом покачал головой.

– Нет, но даю свое честное слово, что это так.

– Я уже сказал, иди играть с друзьями.

Мальчишка не двинулся с места, Артуро вздохнул, устало посмотрел на него и криво улыбнулся.

– Или ты сейчас уйдешь, или я вытащу тебя на улицу за ухо.

– Ты драный фашист!

Слова упали камнем, разговоры умолкли, повисла напряженная тишина. Артуро с трудом удержался от того, чтобы не встать и не вlepить оскорбившему его при всех молоко-

сосу хорошую затрещину. Глубоко вдохнул и попытался расслабиться. Драко искоса посмотрел на него и продолжил записывать имя сидевшего перед ним человека.

– Слушай, пацан...

– Меня зовут Мелькиадес Аранда Ридруэхо.

Артуго подавил улыбку.

– Слушай, Мелькиадес Аранда Ридруэхо, я не собираюсь слушать всякую ерунду от сопляков вроде тебя. У нас много работы, и ты начинаешь мешать. Если хочешь помочь, иди домой.

– Тогда я пойду к коммунистам! Отец говорил, что они лучше вас! Уж они-то точно уделают фашистов, а вы только языком молоть горазды!

– Запиши его, и пусть проваливает, – раздраженно буркнул Драко.

– Да он же еще ребенок...

– Запиши его, – надавил Драко. Затем повернулся к мальчишке. – А ты отправляйся домой и жди, пока тебя вызовут. Это приказ.

– А оружия не дадите?

Люди в кабинете и коридоре начали перешептываться.

– Слушай сюда, Мелькиадес, – подавив раздражение, Драко нагнулся вперед, чтобы его лучше было слышно, – я отдал тебе приказ. Или ты записываешься в наши ряды и отправляешься домой ждать, когда тебя призовут на фронт, где тебе и дадут оружие, или, если тебя это не устраивает, идешь,

куда знаешь, хоть к чертовым коммунистам, но вряд ли это доведет тебя до добра. И не возвращайся потом обратно, места для тебя держать никто не будет.

Слова Драко заставили мальчишку сжаться.

– Но им же всем дают оружие...

– Потому что они сегодня же отправляются на фронт. Мы должны организовать сопротивление, Мелькиадес, иначе нас сметут с одного удара.

После непродолжительного неловкого молчания мальчишка принялся диктовать Артуро свои данные.

– Ты же сказал не регистрировать кандидатов младше шестнадцати, – сказал Артуро, когда мальчик, наконец, ушел.

– А ты хотел, чтобы он устроил тут представление или побежал записываться к коммунистам? У этих точно не хватит ума отправить сопляка домой к маме. Им плевать, ребенок это или нет – может стрелять, ну и ладно.

Он ткнул пальцем в имя Мелькиадеса в списке.

– Поставь пометку, что кандидат не прошел отбор, и продолжай работу.

Спустя четыре часа переписи кандидатов толпа в помещении начала рассасываться. Стояла страшная духота. Раскаленный воздух безжалостными волнами накатывал через открытые окна и, казалось, плавил все вокруг себя. Всех охватила усталость, усиливавшаяся неприятным липким зноем. Последний из новобранцев вышел, за ним последовал Рафа-

эль со списками в руке. Артуро подождал, пока они отойдут по коридору подальше, и сказал Драко:

– Я хочу тебя попросить об одной услуге.

– Что тебе нужно?

– Мне нужно узнать, где находятся три товарища с факультета.

Драко серьезно посмотрел Артуро в глаза.

– Они ведь не фалангисты? Не подставляй меня.

– Они никто, Драко. Три студента, про которых никто ничего не слышал со вчерашнего утра.

Драко устало вздохнул. Они наконец остались одни в маленьком кабинете. Было невыносимо душно, через открытое окно, выходящее в переулок, сочился нестерпимый жар. Помимо стола в комнате стояло несколько стеллажей, беспорядочно заваленных бумагами и папками. Заляпанные посетителями голые стены пропитались сигаретным дымом. Единственным их украшением был засаленный темный портрет Пабло Иглесиаса¹⁶. Драко достал кисет с измельченным табаком и два листа папиросной бумаги и дал один Артуро. В полной тишине мужчины свернули по самокрутке. Драко, обращавшийся с бумагой и табаком более ловко, успел скрутить папиросу, раскурить ее и сделать первую затяжку, а Артуро все еще возился со своей.

¹⁶ Пабло Иглесиас Посса (1850–1925) – основатель Испанской социалистической рабочей партии и социалистического профсоюза «Всеобщий союз трудящихся».

– Артуро, сейчас задерживают очень многих и, что хуже всего, делают это совершенно бесконтрольно. Любой, у кого есть оружие, может остановить тебя, вывести на пустырь, застрелить, и дело с концом. Никто с него ничего не спросит. Очень много ложных доносов от людей, готовых из ненависти, ревности или просто неприязни заявить на другого, и того забирают без лишних вопросов.

– Я знаю, как обстоят дела, Драко...

– Ничего ты не знаешь, – оборвал его тот хриплым голосом. – Ты понятия не имеешь, что творится на самом деле. Никто этого не знает: ни ты, ни кто-то еще, ни даже это бездарное правительство, неспособное взять власть в свои руки.

– Ты можешь мне помочь или нет?

Драко сделал еще одну глубокую затяжку и медленно выпустил голубоватый дым, не сводя с Артуро пристального взгляда. Затем протянул ему мятый и чем-то заляпанный обрывок бумаги.

– Напиши мне их имена. Если они как-то связаны с Фалангой или любой правой партией, забудь про них, сразу говорю. Повезет еще, если найдутся их тела.

Артуро записал на бумажке три имени и отдал Драко.

– Что касается Марио Сифуэнтеса, даю слово, что он точно не связан ни с какими партиями.

– Откуда такая уверенность?

– Ну... Это брат Тересы, моей девушки.

– Надо же, наш Артуро влюбился в девушку из хорошей

семьи!

Драко взял бумажку, молча прочитал имена, вдыхая и выдыхая сигаретный дым, делавший воздух еще гуще, затем схватил карандаш и вычеркнул имена Фиделя и Альберто.

– Что ты делаешь?

– Я не намерен рисковать из-за пары фалангистов, даже если это твои друзья.

– Это хорошие ребята.

– Я не стану рисковать. Если хочешь, могу узнать про этого Марио Сифуэнтеса, брата твоей девушки. Обещать ничего не буду, сразу говорю, но от тебя потребуется еще одна услуга.

– Говори.

– Ты нужен нам здесь. Я хочу, чтобы ты вступил в наши ряды, на всякий случай.

Артуго знал, что Драко попросит его об этом.

– Драко, ты же меня знаешь, я и мухи не способен обидеть. Я не могу взять в руки оружие...

– Ситуация чрезвычайно тяжелая. Ты нужен мне и партии.

Артуго не мог отказать Драко. Он подумал о Тересе. Попытался взглянуть на все с ее точки зрения. Ему не нравилась такая революция. Еще со школьной скамьи он верил, что перемены должны происходить постепенно.

Драко выжидающе смотрел на него. Артуго вздохнул, сжал губы и опустил голову. Он понимал, что, если Марио действительно арестовали, у него нет другого способа попы-

таться спасти брата Тересы, время играло против него.

– Хорошо, ты можешь рассчитывать на меня, но узнай про всех троих. Заверяю тебя, что никто из них не представляет опасности для Республики.

Драко посмотрел на записанные на бумажке имена, сделал последнюю затяжку и вмял остаток сигареты в блюдце, утыканное окурками и заваленное пеплом. Затем, не спеша, поднялся на ноги.

– Пойду сделаю пару звонков. Подожди меня.

Артуро взял самокрутку в рот и втянул дым, наполняя легкие. Ток времени словно остановился, его одурманили зной, усталость и сигаретный дым, который медленно тянулся к потолку и развеивался в воздухе, превращаясь в беловатую неподвижную дымку. После дневной сутолоки этаж, казалось, вымер. Усталость и жара сломили самых стойких. Через открытое окно доносились звуки игравшего где-то радио, очередная фривольная модная песенка. Артуро, погруженный в дремоту пропущенной сиесты, начал отстукивать ногой навязчивый ритм равномерными и еле слышными ударами. Затем музыка оборвалась, и ей на смену пришел пронзительный голос официального диктора. Его пафосная и чрезмерно эмоциональная речь привлекла внимание Артуро, и он подошел к окну, чтобы лучше слышать. «Всего через два часа мятеж реакционеров будет подавлен. Министерству сообщили об абсолютной победе Республики и полном разгроме бессмысленного военного восстания».

Артуро покачал головой. Он знал, что диктор лжет. Новости других радиостанций за пределами Мадрида, которые ловило старенькое радио пансиона, рисовали картину в совершенно другом свете. Складывалось ощущение, что правительство, действуя через радио и газеты, пыталось преуменьшить очевидную опасность.

Он снова сел на стул и принялся задумчиво и медленно вдыхать и выдыхать сигаретный дым, ожидая возвращения Драко. Опять заиграла музыка, но на этот раз пела визгливым и раздражающим голосом какая-то девица. Время от времени в штаб-квартиру заходили заплутавшие посетители, но хриплый и усталый голос сидевшей в приемной Марины разворачивал их еще на пороге. Артуро стало жаль ее, она, должно быть, пришла на работу ранним утром. Марина была удивительно работающей и отдавала все свое время в обмен на мизерную зарплату, которую платила ей партия. Она была готова на все, лишь бы не сидеть дома с мужем, оставшимся без работы и без конца изливавшим на нее свое дурное настроение. Марина отвечала за всю административную деятельность ячейки. С ней и Драко работал еще тридцатилетний Сальвадор Постильон, бывший булочник, которого все называли просто Сальва. Начальство уволило его за то, что он по требованию профсоюза участвовал в забастовке. Драко предложил ему работу в своей мастерской по ремонту мотоциклов, автомобилей и велосипедов. Там он протрундился целый год, после чего партия поручила Драко заняться

открытием и управлением народного дома, и он закрыл свое дело. Сальва Постильон остался при нем мальчиком на побегушках и стал его доверенным лицом. Он был исполнительен, слегка туповат, послушен и очень услужлив, настолько, что иногда даже сам Драко говорил, что ему нужно учиться говорить «нет». Помимо этой троицы ячейке в ее деятельности по возможности помогали и другие, наподобие Артуро и Рафаэля Лильо.

Артуро как раз собирался раскурить очередную сигарету из своего запаса, когда в комнату вошел Драко.

– Есть новости?

Драко поднял брови и покачал головой. Затем протянул Артуро бумажку с записанными на ней именами.

– Я же сказал, что дела обстоят паршиво. Я сделал несколько звонков, позвонил даже Рамиро из «Федерации анархистов Иберии», которому ты помогал с увольнением.

– Я помню, кто это.

– Все говорят одно и то же: общих списков задержанных нет, а те, у кого они есть, не хотят сообщать, значатся они в этих списках или нет. Сходи к Рамиро, он сейчас в конфискованном доме на улице Принсеса, вот адрес. Может, у тебя получится вытащить из него какую-то информацию, мне кажется, что он знает больше, чем говорит. Извини, но это все, что я смог сделать.

Артуро посмотрел на бумажку. Под тремя именами неровным детским почерком был записан адрес. Он встал и

устало оперся рукой о стол.

– Спасибо, Драко.

– Будь осторожен, Артуро. Ты играешь с огнем ради этих людей.

– Мы все, включая тебя и меня, можем оказаться точно в таком же положении, если не будем ничего делать, чтобы остановить все это. Они действуют не по закону.

– Тот закон, которому тебя учили в университете, умер, Артуро, – Драко криво улыбнулся, словно прощаясь навсегда. – Ты знаешь, что я тебя ценю. Будь очень осторожен.

– Буду. Если я вам понадоблюсь, звони в пансион. Если меня не будет на месте, попроси передать сообщение. – Драко устало кивнул. На изнуренном лице застыла странная гримаса, словно на него давили собственные мысли. Не глядя друг другу в глаза, они распрощались. Спускаясь по лестнице, Артуро весь взмок и, выйдя на улицу, с облегчением вздохнул, невзирая на жару. Посмотрев на бумажку, он решил сесть на трамвай и поехать к Рамиро. Вряд ли что-то случится, если он просто задаст вопрос, по крайней мере, Артуро хотелось в это верить. И все же внутри у него незаметно, мало-помалу начал разрастаться страх перед невидимой и в то же время смертоносной тенью, накрывшей всех, вне зависимости от положения и статуса. Любой мог оказаться на мушке у мстительного подонка или просто слабого человека, ослепленного неодолимой притягательностью бесконтрольного насилия.

Глава 6

Сойдя с трамвая, Тереса направилась к дому. На углу Хенераль-Мартинес-Кампос она столкнулась со своими братьями-близнецами. Ее удивило, что у каждого из них в руках было по дорожной сумке.

– Куда это вы так торопитесь? Какие-нибудь новости от Марио?

– Нет, пока ничего, – ответил Карлос.

– А ты куда ходила? – высокомерно спросил ее Хуан.

Тереса ответила ему уничижительным взглядом.

– Я первая спросила, куда вы идете. В центре очень неспокойно. Вам бы лучше не выходить из дома.

Близнецы переглянулись краем глаза, и Тереса заметила, как Хуан мотнул головой, подавая знак Карлосу. Тогда она сложила руки на груди, пытаясь надавить авторитетом на двух молокососов, задумавших играть с ней во взрослых.

– Так, мама в курсе, что вы не дома?

Хуан с вызовом посмотрел на нее.

– Есть вещи, которые касаются только мужчин!

– Да что ты! И что же это за такие вещи, которые касаются только мужчин?

– Тебе не понять, вы, женщины, существа недалекие!

Тереса подняла брови, не зная, рассмеяться ли ему в лицо или продолжать сохранять спокойствие, чтобы не разза-

дорить его еще больше.

– Зато ты все понимаешь.

– Мы собираемся присоединиться к националистам, – вмешался Карлос, стараясь, чтобы его слова звучали твердо. Он был мягче и слабее Хуана.

– Вот ты баран! – презрительно процедил Хуан, сильно толкнув его локтем в бок.

– Можно узнать, кто вдолбил вам в головы этот бред? Это не игрушки. Я только что видела, как двух мужчин застрелили только за то, что у них в чемодане оказались Библия и сутана.

– Ты и правда ни черта не понимаешь, – бросил ей Хуан. – Шайка синдикалистов и анархистов взяла правосудие в свои руки, а ты хочешь, чтобы мы, как трусы, прятались дома взаперти.

– Они только что взяли казармы Монтанья, мятеж почти провалился. Вы собираетесь присоединиться к обреченным.

– Это ложь! Ты совсем как мама, ничего не знаешь и ничего не понимаешь!

– А ты еще молокосос...

И тут Хуан влепил сестре звонкую пощечину.

Оглушенная и униженная Тереса прижала ладонь к щеке, с трудом сдерживаясь, чтобы не схватить брата за ухо и не оттащить его к матери.

– Смирись уже, – продолжил Хуан разгоряченно, не отвлекаясь на ошарашенного брата. – Когда мужчины дерутся,

женщине нужно сидеть дома, — он подтолкнул брата. — Пошли, Карлос, нам незачем отчитываться перед человеком, у которого мозгов меньше, чем у комара.

— Папа в курсе, — пробормотал Карлос. — Он согласился, чтобы мы присоединились к восставшим.

Тереса, не отрывая ладони от щеки, смотрела им вслед. Ей было ясно, что именно Хуан подбил брата на эту авантюру, наверняка не погнушавшись никакими средствами, включая оскорбления и унижения. Карлитос всегда был готов следовать за братом хоть на край света. Это сумасшествие нужно было остановить любой ценой. Она бегом взлетела по лестнице и позвонила в дверь. Ей открыла Хоакина, и Тереса тут же спросила у нее про отца.

— Он в спальне.

Тереса ворвалась в комнату без стука. Дон Эусебио выглядел гораздо лучше, чем прошлой ночью. И хотя лицо его все еще было опухшим и полиловевшим, ванная, отдых и успокоительные пошли ему на пользу. Он сидел в кровати, опершись на подушки, в руках у него была книга, очки съехали на середину носа. Неожидаанное появление дочери, казалось, вызвало у него удивление и раздражение.

— Папа, я только что видела близнецов...

— Ты забыла, как стучать в дверь, дочка?

— Они сказали, что собираются вступить в ряды мятежников.

— Мать не учила тебя хорошим манерам?

– Папа, они что, действительно это сделают?

– С каких пор я должен перед тобой отчитываться?

– Папа, но они же еще дети!

– Твои братья – мужчины и выполняют свой долг, как настоящие патриоты.

– Восстание провалилось, казармы отбили. Переворот не удался. Они вступят в ряды проигравших.

– Проигравших, ну надо же, – ироничная улыбка больно ранила ее. – Много ты знаешь о том, кто побеждает и кто проигрывает.

– Их же могут убить...

– Разумеется, их могут убить. Но если им суждено умереть, то они погибнут, сражаясь за родину, как настоящие мужчины, – и, махнув рукой, снова взялся за книжку, всем видом показывая, что хочет вернуться к чтению. – Не переживай так за них, они – в хороших руках. Утром ко мне заходил Рамон Пеллисера, единственный, кого волнует, как я себя чувствую. Он сегодня уезжает с семьей в Бургос и предложил твоим братьям вступить в ряды восставших. Пришло время навести порядок в этом бардаке.

– Рамон Пеллисера? Но он же фалангист, весь Мадрид об этом знает.

Тереса была готова разрыдаться. Она не понимала, как отец может обрекать на смерть собственных детей, двух обычных подростков. Это чванливое самодовольство ее убивало.

– Сегодня нам годится каждый, кто поможет отстоять наши права. Я отправился бы с ними, если бы эти подонки не сделали меня непригодным для борьбы. Мои дети вступят в достойные ряды славного войска, которое покончит с поработившим нас сбродом, грабящим нас на каждом шагу и вознамерившимся отобрать у нас все, что, кстати, позволяет тебе жить как принцессе.

– Меня в это не впутывай.

– А тебя и не надо впутывать, дочка, ты уже с нами. Если их не раздавить раз и навсегда, они выгонят нас из наших домов и оставят без всего, хорошо еще, если сохранят жизнь.

– Это не так. Армия подняла мятеж против законно избранного правительства, – она пыталась повторять аргументы, которые использовал против нее Артуро. – Того, за которое голосовало большинство.

– Что бы ты понимала в правительствах, выборах и большинстве. Большинство – это те, у кого есть деньги, если бы это было по-другому, на что жили бы все эти разгильдяи и бездельники, что сегодня портят жизнь благородным людям, бряцая оружием. Оружием, которое, кстати, раздало им то самое, как ты говоришь, законно избранное правительство. Если бы ты не была женщиной, я сказал бы тебе, что я думаю по поводу выборов и большинства, – он на мгновение умолк и сердито махнул рукой. – Ты ничего не понимаешь и ничего не знаешь. Такая же наивная и невежественная, как твоя мать.

– Мятежники восстали против законного правительства. Это государственный переворот.

– Наивная и невежественная, – пригвоздил ее дон Эусебио. – Займись своими делами, работай по дому и молчи, знай свое место. И оставь меня, наконец, в покое.

Тереса глубоко вдохнула, пытаясь сохранять спокойствие.

– Что стряслось? – вмешалась в разговор донья Брихида, услышавшая голоса из гостиной.

– Мама, близнецы собираются сбежать из города и присоединиться к мятежникам. Папа разрешил им уехать с главным фашистом Мадрида Рамоном Пеллисером.

Донья Брихида попыталась приосаниться.

– Я знаю, Тереса. Рамон приходил к нам. С его стороны было очень любезно зайти навестить твоего отца.

– И ты согласна, чтобы близнецы вступили в ряды мятежников?

– В ряды национальной армии, детка, которая хочет восстановить порядок.

– Да вы что, с ума все посходили?

Дон Эусебио беспокойно повернулся, демонстрируя, что разговор утомил его.

– Сделайте милость, выйдите отсюда обе. Мои дети там, где они должны быть. И говорить больше не о чем. Решения в этом доме принимаю я, а объяснений дано более чем достаточно.

Тереса, дрожа от ярости, глубоко вдохнула и вышла в го-

стиную, оставив мать сидящей у отца на диване. Схватила трубку, чтобы позвонить Артуру, но потом вспомнила, что он сказал ей, что поедет в Эль-Пардо. В растрепанных чувствах она села в кресло. Если бы Марио был дома, он никогда бы не допустил такого.

Шепот мертвых

Хеновева устало смотрела на меня. На лице ее застыла грустная уверенность в том, что в ее возрасте любое прощание может стать окончательным. Дорис проводила меня до двери. Спустившись по лестнице, я вышел на улицу. Январский холод пронизывал до костей. Мое тело сжалось от ледяного озноба, дыхание превратилось в облачка теплого пара, окутавшие лицо. Я посмотрел на часы. Было восемь часов десять минут. Мне захотелось пересечь небольшое расстояние, отделявшее меня от противоположного тротуара, чтобы оказаться напротив подъезда, из которого я только что вышел. Улочка была узкая и короткая, не длиннее пятидесяти метров, проезжую часть от пешеходной отгораживал ряд столбиков. Глядя на только что покинутый многоэтажный дом, я пытался представить себе, каким было это место восемьдесят лет назад: ни уличных фонарей, ни шума машин, ни асфальта, ни столбов, ни закрытых металлическими жалюзи витрин, ни матерчатых навесов, ни кричащих вывесок. Я внутренне содрогнулся, осознав, что Мерседес и Андрес

когда-то жили на том самом месте, где сейчас висит реклама «Обедов и завтраков». Моему внутреннему взору представился незамысловатый одноэтажный низкий дом с чердаком или подвалом, крыша, крытая красной черепицей, беленные известью стены, простая обстановка, почти никаких украшений на голых стенах – и все это разнесено вдребезги злосчастной бомбой.

Визит к старушке оказался гораздо интереснее, чем я предполагал. Начало положено. До нашего разговора у меня был только набор разрозненных данных: фотография, два имени, дата, место и несколько малосодержательных писем. И хотя у меня еще оставалось много вопросов, но ящик Пандоры, которым стала для меня фотография Андреса и Мерседес, уже немного приоткрылся. Разволновавшись, я прижал к груди папку с фотографиями и блокнот. Во мне крепла уверенность, что на этот раз я напал на что-то стоящее, на захватывающую и полноценную историю.

Вернувшись домой, я поужинал тем, что Роса приготовила мне утром. Надеясь быстро заснуть, лег в кровать, но, проворочавшись полчаса, снова и снова прокручивая в голове разговор с Хеновевой, понял, что сон прошел, и встал. Взяв папку с фотографией и блокнот, я засел в кабинете. Мне нравился теплый уют этой крошечной комнатки, заваленной книгами в одном мне понятном беспорядке. Помимо переполненных полок в ней стояли удобное кресло для чтения с висящей над ним лампой, большой, насколько это было воз-

можно, и очень функциональный стол из дешевого дерева, на котором располагались мой ноутбук, настольная лампа, стопки книг в хрупком равновесии и небольшая рамка, подаренная мне Авророй на нашу первую годовщину, обрамлявшая написанное красивым почерком одно из самых красивых и лаконичных стихотворений Мигеля Эрнандеса: «Три раны» из сборника «Кансьонеро и романсеро разлук». Эти стихи завораживали меня своей лаконичностью (так много сказано столь малым), какие-то три короткие строфы вместили в себя всю черную суть войны, всех жизней, всех смертей и всей любви.

Мой маленький мирок, в котором все было под рукой. Из этой узкой и тесной комнатки хотелось смотреть на небо, едва различимое в срезе окна. Его вид помогал мне поверить, что я сижу на вершине мира. Я мог оставаться в кабинете взаперти часами, общаясь со своими закадычными друзьями, всегда готовыми поведать одну из удивительных, завораживающих, невероятных историй, подаривших им бессмертие: Сервантес, Асорин, Бароха, Гальдос, Толстой, Виктор Гюго, Дюма, Марсе, Варгас Льюса, Капоте, Луис Мартин Сантос, Ана Мария Матуте, Муньос Молина, Хавьер Марияс и многие, многие другие терпеливо ждали меня там, грудились вокруг меня. Их молчаливая беседа увлекала меня настолько, что я уже не нуждался в ином общении. Они были подобны верным союзникам, хорошим товарищам, не просившим ничего взамен своей дружбы, готовые прийти

на помощь в любой час, в любой момент. Достаточно было протянуть руку и коснуться их, чтобы они откликнулись на мой зов и подарили мне свои литературные объятия, утешив, успокоив, развеселив, уведя за собой на воображаемую прогулку по незнакомым местам, приоткрыв завесу чужих жизней, чужих приключений, чужих страстей, позволив прожить и прочувствовать их.

Мой взгляд зацепился за окно новых соседок. За кружевными занавесками горел мягкий, желтоватый, теплый свет, словно угнездившийся в полумраке комнаты. Я посмотрел на часы, была четверть третьего ночи. Бессонница и ночная тишина позволили мне спокойно раскачиваться на волнах собственного подсознания. Я внимательно перечитал свои записи, переписал все начисто и упорядочил. Затем надолго задумался. Первоначальная эйфория прошла, и я осознал, что на руках у меня ничего нет, всего лишь несколько дополнительных штрихов к портрету моих новообретенных персонажей, ниточек, ведущих в никуда, в тупик, ничего такого, с чего можно было бы начать историю... Или все-таки что-то было? Я вспомнил, что сказала Хеновева, прежде чем распрощаться со мной: «Мертвые могут говорить». Так, может, эти люди на фотографии сами хотели рассказать мне свою историю? Взяв в руки фотографию, я начал пристально разглядывать ее, пытаюсь увидеть, что прячется за их взорами, услышать хоть одно слово, готовое сорваться с их полуоткрытых в улыбке губ.

Подняв глаза, я заметил за мутным стеклом по ту сторону двора удивительное лицо той самой странной девочки, пристально смотревшей на меня. Я на мгновение отвернулся, чтобы взглянуть на часы, и увидел, что было пять минут четвертого. Когда я поднял взгляд обратно, в окне уже никого не было. Я растерянно поморщил лоб, пытаюсь понять, было ли это на самом деле, или же девочка просто мне причудилась, и устало вздохнул. Затем перечитал письма Андреса, обдумывая каждое его слово, чтобы убедиться, что ничего не пропустил, не потерял никакой подсказки, которая могла бы рассказать что-то еще об их жизни. Наконец, с неясным чувством человека, потерпевшего поражение, встал со стула и потянулся. Было четыре с четвертью. Сон снова навалился на меня. Выключив свет и направившись к выходу из комнаты, я еще раз посмотрел в окно соседнего дома: в нем все также горел теплый желтый свет. За легким тюлем мелькнул неясный силуэт, качнув занавески. Я впился взглядом в лампу напротив, выжидая, не произойдет ли что-то еще, но веки мои дрогнули и начали закрываться.

Стоило моей голове коснуться подушки, а глазам – закрыться, погрузив меня в забвение сна, как моим сознанием завладели Андрес и Мерседес: я видел, как они смеются, разговаривают, но сам при этом был в стороне, как зритель в театре, оставаясь в полной тишине наблюдателем, посторонним. И вдруг почувствовал, что мою ладонь сжала другая, маленькая, худая и хрупкая, и потянула меня к ним, чтобы

разбить разделявшую нас стену и связать друг с другом. Я посмотрел вниз и увидел в неясной дымке сна пяти- или шестилетнего ребенка. Радостно улыбаясь, он тянул меня вперед, пока мы не оказались перед парой. Андрес обернулся ко мне и протянул руку, Мерседес стояла рядом и улыбалась. Я почувствовал, что мое тело мне не подчиняется. Андрес что-то говорил, не убирая руки, а я не двигался, не в силах ее пожать, услышать его голос, не долетавший до моих ушей. Его губы двигались, немые слова летели ко мне. Я попробовал заговорить, но из моего рта не доносилось ни звука, голос не шел, не мог выбраться из горла. Я изо всех сил попробовал произнести хоть что-то, крикнуть Андресу, что ничего не слышу. Из моих грез меня вырвал совсем другой голос: он заставил моих персонажей броситься в пропасть на самом краю сновидения. Я в панике открыл глаза и услышал тихий, но энергичный женский голос, вещавший о том, какая сегодня в Мадриде температура и какой будет погода в течение дня. Посмотрев налево, я увидел экран радио с будильником, на котором было восемь часов и одна минута, и понял, что слышал ведущую прогноза погоды, на смену которой уже пришел какой-то мужчина.

Глава 7

Рамиро принял Артуро неприветливо и поначалу не хотел вообще ничего говорить о том, где находятся Марио Сифуэнтес и его друзья.

– Рамиро, за тобой должок, ты же помнишь, из какой заварушки я тебя тогда вытащил.

Повисла напряженная тишина, двое мужчин скрестили взгляды, не желая отступить.

– Драко сказал мне, что эти двое не из наших.

– Это слова Драко. А я прошу о помощи тебя. Эти трое – хорошие люди, они никак не связаны с политикой.

Рамиро с силой ударил по столу, вымещая злость.

– Фидель Родригес Салас – фалангист. И не говори мне, что ты этого не знал.

Артуро не ответил, но выдержал вызывающий взгляд Рамиро.

– С Фиделем можешь распрощаться, я и пальцем не пошевелю ради какой-то фашистской свиньи. Что касается оставшихся двоих, если они еще живы, обещаю тебе, что уберегу их от прогулки. Это единственное, что я могу сделать.

– Этого достаточно, – расстроено согласился Артуро.

Ему очень хотелось сказать, что он думает о незаконных задержаниях, так называемых «прогулках», во время кото-

рых людей просто ставили к обочине и стреляли им в голову, и о многом, многом другом, но момент был неподходящий. Только Рамиро мог спасти Марио жизнь, поэтому приходилось молчать.

С его губ слетело только полуслышное принужденное «спасибо». Он повернулся, чтобы уйти, но Рамиро крепко схватил его за руку, удержав на месте. Их лица оказались на расстоянии в пол-ладони друг от друга. Они пристально смотрели друг другу в глаза, чувствуя чужое дыхание.

– И еще кое-что, – Рамиро приберег эти слова напоследок: – не вздумай больше здесь появляться. Сейчас между нами мир. Не звони мне, не говори ни с кем обо мне и об этом разговоре, понял? С сегодняшнего дня я не знаю тебя, а ты – меня.

Артуро ничего не ответил, лишь поджал губы и молча ретировался. Страх овладевал даже теми, кто нагонял его на окружающих.

Уже смеркалось, когда Артуро покинул элегантный особняк, лишившийся своих утонченных владельцев, вышвырнутых золотарями, каменщиками, механиками, чистильщиками обуви и присоединившимися к ним шумными прачками, служанками и швеями, нацепившими синие комбинезоны или черные вельветовые штаны с завязками. Мужчины, ни капли не смущаясь, ходили по пояс голыми, не брились по несколько дней, не мылись и были покрыты липкой смесью пота и пыли. Некоторые из них, оккупировав про-

сторные комнаты, сидели на обитых золотым шелком стульях или лежали на роскошных напольных коврах и распевали песни, гоготали и похвалялись своими подвигами при штурме казарм Монтанья. Другие поднимались и спускались по лестницам, конвоируя беззащитных пленных, трясущихся от предчувствия смертного приговора, уже запечатленного на бледных лицах. Повсюду были глаза: равнодушные, любопытные, живые или наполненные ужасом от невозможности предвидеть ближайшее будущее.

Изможденный Артуро вышел на улицу и повернулся лицом к фасаду здания. На перилах огромного балкона кто-то вывесил белую простыню, на которой черной краской были накаляканы большие корявые буквы: «РЕКВИЗИРОВАНО В ПОЛЬЗУ ЛИБЕРТАРИАНСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ МОНКЛОА». Артуро уже собирался было отправиться в пансион, но его остановил чей-то грубый и уверенный голос из-за спины. Не вынимая руки из кармана, Артуро растер пальцами бумажку с именами трех друзей. Затем обернулся и увидел перед собой высокого, тощего, жилистого человека. На нем были незастегнутый, совершенно новый, с иголки китель, одна пола которого была заляпана чем-то темным, и блестящая кожаная портупея. Предыдущий хозяин кителя, по всей видимости, был сержантом и имел ровно такое же телосложение и рост, что и новый владелец: казалось, что китель шили на заказ. Со всем этим резко контрастировали черные вельветовые штаны, альпаргаты и лихо сбита набок

пилотка.

– Машину водить умеешь?

Не понять вопрос было сложно.

Артуро растерянно слегка кивнул головой.

– Тогда давай за мной, нам нужна твоя помощь, товарищ!

Артуро потребовалось несколько секунд, чтобы оторвать ноги от земли, от страха они словно приклеились к асфальту.

– Поторапливайся, у нас много дел!

Следом за поддельным сержантом, сжимавшим в правой руке пистолет, семенили двое мужчин и женщина, которых подталкивали в спину прикладами два совсем еще подростка в комбинезонах, висевших на них мешком. Пленников заставили сесть в припаркованный у тротуара «додж» с намаляванными на бортах белой краской буквами FAI¹⁷.

– Полезай в машину, – скомандовал фальшивый сержант.

– Я не могу...

– Ты что, отказываешься протянуть руку помощи делу свободы?

Артуро не знал, плакать ему или смеяться. Как этот человек вообще мог что-то говорить о свободе? Но страх заставил его проглотить усмешку.

– Чего тебе от меня надо?

– Садись за руль. Я скажу, куда ехать.

В этот самый момент за «доджем» со скрипом остановился грузовичок. Из него, жизнерадостно смеясь, высыпалось

¹⁷ «Федерация анархистов Иберии».

шесть мужчин и две женщины, все с оружием. Их приподнятое настроение никак не вязалось с тем, что происходило дальше: из кузова машины начали спускаться задержанные, мужчина средних лет, за ним еще двое лет двадцати. Один из них обернулся и протянул руку женщине лет пятидесяти, но ополченка грубо оттолкнула его, и бедняжке пришлось спускаться самой. Она была вся в слезах и напугана. Затем показалась пятнадцатилетняя девочка. Артуро подумал, что это, должно быть, члены одной семьи. Он содрогнулся от чувства собственного бессилия. Тычками и криками арестованных погнали в здание.

Ошеломленный и парализованный происходящим, он совсем забыл о человеке в сержантском кителе. Но стоило ему повернуться, как перед глазами у него оказалось черное дуло пистолета, смотревшее ему прямо в лоб.

– Или ты сядешь за руль, или я пристрелю тебя прямо здесь.

Перепуганный Артуро подчинился. Водить машину его научил старый преподаватель торгового права. Когда ему стали отказывать зрение и рефлексy, он предложил Артуро освоить управление автомобилем в обмен на обязанность каждое утро возить его на факультет. От такой сделки выиграли оба: преподаватель обзавелся личным шофером, а Артуро долго экономил на трамвае.

Человек, вырядившийся сержантом, сел на соседнее кресло. Покосившись на него, Артуро увидел в профиль крюч-

коватый нос и выпирающий подбородок. Сзади, набившись как сельди в бочке, устроились арестованные и охранявшие их ополченцы. Заводя двигатель, Артуро посмотрел на них в зеркало заднего вида. Лиц он не разглядел, но страх почувствовал.

– Куда едем?

– Знаешь, как проехать в парк Каса-де-Кампо?

– Он очень большой.

– Поезжай к холму Гарабитас, я скажу, где остановиться.

Артуро медленно и неуверенно тронулся, машина задрожала, подпрыгнула и заглохла.

– Ты же сказал, что умеешь водить?

Артуро не стушевался и резко ответил, повысив голос.

– Могу выйти.

– Нет. Поехали.

– Тогда не дави на меня, я не знаю этой машины.

Наконец, немного рыская из стороны в сторону, автомобиль со своим страшным грузом покатился по улице Принсеса. Какое-то время в салоне звучал только шум мотора, но затем Артуро расслышал сквозь него женский плач. Он посмотрел в зеркало, но увидел только размытые очертания лиц.

– Куда вы их везете?

– А сам как думаешь?

– Знал бы – не спрашивал.

– На прогулку, куда еще?

Вдруг Артуро услышал дрожащий голос за спиной.

– Можете передать это моей жене? Это кольцо, которое она мне подарила на свадьбу... Умоляю вас!

Артуро беспокойно посмотрел в зеркало. Он вдруг понял, что, если он ничего не сделает, эти зеленые юнцы и их самопровозглашенный командир, вырядившийся сержантом несуществующей армии, убьют задержанных. Его живот скрутило с такой силой, что он не мог нормально дышать.

– Я закурю? – спросил он у командира, достав из кармана рубашки пачку сигарет.

– Поделишься?

Артуро засунул сигарету в рот и протянул смятую пачку.

– Там осталась только одна.

– Не страшно.

Сбавив скорость, Артуро отпустил руль, чтобы закурить сигарету. Синеватый дым окутал салон, просачиваясь наружу через открытые стекла и растворяясь во тьме ночи. Машина неторопливо подъехала к Монклоа, оставила позади тюрьму Модело и повернула направо у приюта Санта-Кристина. Навстречу им попало еще несколько машин. Дважды, прежде чем они добрались до неосвещенного парка Каса-де-Кампо, их останавливали для проверки документов.

Артуро, не переставая, думал, как не допустить этих трех смертей.

– А чем они заслужили прогулку?

– Эти-то? Старый хрыч – фашистская свинья, я нашел у

него несколько выпусков газет La Fe¹⁸ и ABC. Он хорошо их запрятал, но меня не проведешь. Про другого я ничего не знаю, мне сказали, я исполняю.

– А женщина?

– Вон та? У этой святоши больше денег в банке, чем у какого-нибудь *Рошеляда*.

– А это что – преступление, держать деньги в банке?

Ополченец сделал последнюю затяжку и посмотрел на него.

– А ты сам-то, часом, не скрытый фашист?

– Не больше, чем ты.

– Останови здесь, – внезапно скомандовал лжесержант.

Артуро затормозил.

– Хорошее место.

Ополченец вышел, за ним последовали оба конвоира. Артуро продолжал сидеть, не в силах что-то предпринять. Янтарно-желтый свет фар «доджа» терялся в черном поле, вокруг царил темнота, но Артуро видел, как трех спотыкающихся приговоренных пинками выгнали в конус света, словно под софиты какого-то чудовищного театра. При виде рыдающей женщины, молившей о пощаде, у Артуро сжалось сердце. Он схватился за ручку двери, чтобы выйти. Он должен вмешаться. Артуро вдруг осознал, что весь взмок и тяжело дышит. Пронзительные неумолчные крики женщины пробирали его до печенок. Его глаза смотрели, но не ви-

¹⁸ «Вера» (исп.).

дели. Три тела, сжавшиеся, как тряпичные куклы, вцепившись друг в друга, пытались устоять на ногах, с ужасом ожидая неминуемой казни. Командир криками раздавал приказы приговоренным и палачам. Артуро заметил, что один из молодых ополченцев, уже вжавший приклад в плечо, весь дрожит. Наконец Артуро удалось открыть дверь и выбраться на улицу.

– Подождите!

Сержант раздраженно посмотрел на него.

– Огонь!

Словно в насмешку над просьбой Артуро, крик сержанта гулко разнесся по открытому полю. Прозвучал выстрел, затем другой, казалось, что негнущиеся пальцы подростков отказываются жать на спусковой крючок. Самый старший из приговоренных рухнул на колени и опрокинулся вперед, распростав руки. Оставшиеся двое еще сильнее вцепились друг в друга. Артуро увидел, как юноша прижимает женщину к груди. Так сын обнимает мать, которая уже не может заботиться об остальных и сама нуждается в заботе, не в силах никого защитить, и сама требует защиты.

– Стреляй, или я пристрелю тебя самого!

Не терпящий возражений оклик командира прозвучал хрипло и безжалостно. В ночной мгле сухо треснуло еще два выстрела. Приговоренные рухнули на землю, как одежда с бельевой веревки. На мгновение все замерло в тишине, затем «сержант» подошел к телам и пистолет трижды дернулся

у него в руке, прострелив голову каждой из жертв. Артуро, давя в себе слезы страха, отвел взгляд, не в силах безучастно смотреть на чужую смерть, опьяненный чужой болью тех, кто никогда не увидит казненных, стыдящийся самого себя, своих идей, одурманенный чувством вины.

– Эй, слышь, стой!

Он ничего не ответил и продолжил идти вперед, с каждым шагом погружаясь в абсолютный мрак.

За спиной грохнул выстрел, пуля просвистела прямо над ухом. Он резко встал.

– Быстро подошел сюда, или клянусь, что вышибу мозги и тебе!

Артуро обмяк от чувства собственного бессилия. Развернулся и забрался в машину. Ополченцы последовали за ним. Глядя на лежащие на земле тела, он тронулся и нажал на педаль газа.

– Давай сюда кольцо, которое он тебе оставил, – потребовал командир, протянув руку назад с явным намерением поживиться.

– Он отдал его мне! – запротестовал молодой ополченец.

– Я сказал, дай сюда!

Артуро презрительно покосился на него.

– Ты не собираешься выполнить последнюю волю приговоренного к смерти?

– А ты вообще заткнись, тебе слова никто не давал.

Подъехав к зданию ЧК¹⁹, все вышли из машины. Артуро было дернулся, чтобы, наконец, уйти, но сержант перехватил его, встал перед ним и заставил остановиться.

– Спасибо, товарищ! – поблагодарил он его с отцовской улыбкой.

Артуро не хватило смелости посмотреть ему в глаза. Он чувствовал такое отвращение, что, если бы в желудке не было пусто, его бы обязательно стошнило.

– Я знаю, что в первый раз это нелегко, но ты быстро привыкнешь к нытью этой мрази. Покончим с ними, и победа будет за нами.

Тут Артуро поднял голову и впился взглядом в глаза стоявшего перед ним мужчины. Ему ужасно хотелось убить его на месте голыми руками. Стиснув челюсти и сжав в карманах кулаки, он стоял и смотрел на него, чувствуя запах дешевого вина, пока, наконец, снова не сдался, не отвел глаза, не обошел его и не отправился домой. Его трясло от чувства публичного унижения, он весь сжался в комок, ему хотелось исчезнуть. Гомон новых обитателей особняка остался позади, за спиной повисла беспокойная ночная тишина. Когда он проходил мимо церкви Буэн-Сусесо, колокол пробил час ночи. Он не спал и почти что не ел уже целые сутки. Артуро

¹⁹ Испанское ополчение позаимствовало у СССР аббревиатуру «ЧК» и стало использовать ее для центров содержания политических заключенных. В них проводились допросы, пытки, внесудебные казни. Далеко не все такие центры были государственными, многие крупные политические партии левого толка и профсоюзы имели один или несколько подобных центров.

пошел быстрее, стремясь попасть в пансион, чтобы смыть с себя липкий страх, забиться в постель и попытаться забыть наполненные ужасом глаза, молящие крики, плач, падающие безжизненные тела и мертвенную тишину.

Глава 8

Марио Сифуэнтес слушал, как бурлит у него в животе. Он уже не чувствовал голода первых дней, желудок привык к нехватке еды. Куда как больше его мучила жажда. Горло стало шершавым, словно подошва альпаргат, рот пересох настолько, что он с трудом мог говорить. Опухшая и воспаленная правая рука была прижата к телу. Ее вывихнули при попытке сопротивления. С Марио и его друзьями обращались крайне жестоко, они боялись даже, что их застрелят на месте. Все произошло очень быстро: когда они проезжали Пуэрта-де-Йерро²⁰, их остановила большая группа вооруженных людей, больше двадцати человек, в основном мужчин, но среди них были и женщины в мужских штанах и рубашках. У них потребовали предъявить документы, затем заставили выйти из машины. А дальше все пошло наперекосяк. Один из ополченцев сел за руль, чтобы реквизировать у них автомобиль, они попытались ему помешать, и их начали бить. Возражения и последовавшая за ними стычка дорого им обошлись. Марио помнил только, как со всех сторон сыпались удары. Потом их закинули в грузовик и отвезли то ли в гараж, то ли в подвал какого-то здания и заперли. Там так сильно пахло бензином, что этот запах, казалось, навсегда

²⁰ Ворота, памятник второй половины XVIII века, расположенные в северо-западной части Мадрида.

въелся в его нос. И днем, и ночью горела подвешенная под потолком на проводе лампочка в пятнадцать свечей. Дверь не открывалась не меньше суток, и все это время они сидели без еды, без воды и без возможности выйти в туалет, опорожняться пришлось прямо в углу, из-за чего маленькая и плохо проветриваемая комната превратилась в удушливую клоаку.

Долгое время к ним никто не приходил, причины задержания оставались неясными. И только во вторник утром дверь наконец открылась.

– Ты, на выход!

Дуло ружья говорившего смотрело на Марио. Он начал подниматься с пола, но медленно и неуверенно, чем разозлил тюремщика.

– Пошевеливайся, я не собираюсь ждать тебя целый день!

Сначала его вели по длинному и темному коридору, затем подняли на три пролета по лестнице. За ними последовали более просторные коридоры, по сторонам были видны учебные аудитории с пустыми партами. Марио подумал, что здание, должно быть, принадлежало семинарии. Наконец они оказались в просторном зале. Напротив входа стоял стол, за которым сидели три человека в рубашках и жилетах – такое вот подобие трибунала. Они о чем-то громко говорили между собой, но когда в помещение вошел Марио в сопровождении двух конвоиров, разговор затих. Сидевший слева посмотрел на лежавший перед ним лист бумаги. Он выгля-

дел как интеллеktуал: круглые очки и практически полное отсутствие волос, несмотря на то, что ему было не больше тридцати. Двое других рассматривали Марио со смесью презрения и высокомерия: эти люди полностью контролировали ситуацию.

Наконец тот, что сидел посередине, не отрывая взгляда от Марио, спросил у читавшего бумагу.

– Кто это?

Прежде чем Марио успел как-то отреагировать, человек в очках ответил, по всей видимости, пересказывая прочитанное:

– Марио Сифуэнтес Мартин, двадцать два года, учится на юридическом, не работает, по крайней мере пока.

– Иными словами, богатенький сынок. Папочка все за тебя решил, да?

Человек в очках невозмутимо продолжил, казалось, он уже привык к таким комментариям.

– Во время учебы в Центральном университете поддерживал контакты с фалангистами, участвовал в нескольких митингах, организованных CEDA²¹.

– Что ты можешь на это сказать?

Ошеломленный Марио отреагировал не сразу.

– Я... Я не занимаюсь политикой. Да, я ходил на митинги CEDA, но был и на других, которые устраивали левые. Я

²¹ «La Confederación Española de Derechas Autónomas» – «Испанская конфедерация автономных правых».

студент, мне все интересно.

– Определенные интересы могут дорого обойтись.

– Я не думал, что желание выслушать разные точки зрения может стать источником проблем...

– Смотря какие точки зрения... Может, уж поверь мне, может.

Марио слегка сжался, словно пытаясь исчезнуть. Он не знал, что лучше – молчать или отвечать, и боялся ошибиться.

– Значит, ты не отрицаешь, что у тебя были контакты с Фалангой?

– Мы периодически собирали в аудитории круглые столы, чтобы поговорить. Но там были и социалисты, и коммунисты, и анархисты, они могут подтвердить, что я не вру.

– Мне не нужно никого спрашивать, я чувствую фашистскую свинью за километр.

Эти слова выбили Марио из колеи. Такого просто не могло быть. Он жалобно пожал плечами.

– Я не фашист... и не левый.

– А кто тогда? Папенькин сынок? – вступил в разговор молчавший до этого момента третий.

– Я не интересуюсь политикой, вы ошибаетесь на мой счет.

– У нас про тебя другие данные, богатенький мальчик.

Марио опустил глаза. Его голова была готова взорваться от голода и усталости, он чувствовал себя грязным и умирал

от жажды. Мысли путались, но он изо всех сил старался отстоять себя на этом странном и противозаконном судилище. Он решил попробовать вести себя по-другому.

– Это трибунал? – спросил он, выпрямившись и выкатив грудь.

Люди за столом с усмешкой переглянулись.

– Он самый.

– Тогда я требую присутствия адвоката. В противном случае, все, что происходит в этом помещении, не имеет законной силы!

На какое-то время воцарилась тишина. Трое участников судилища и двое конвоиров удивленно смотрели на Марио. Выступавший в роли главного судьи кашлянул и наклонил голову так, что его лицо исчезло из вида. Его плечи начали дергаться, затем раздался громкий хохот, постепенно охвативший и остальных. Издевательский смех не затихал несколько минут. Единственным, кто оставался спокойным, был Марио. Остальные буквально лопались от хохота.

Председатель трибунала был худощавый, высокий, властный, с овальным вытянутым лицом, темными глазами, прямым и тонким носом и маленьким ртом. Ему было около сорока. Волосы он носил зачесанными назад, среди жирных черных прядей проглядывала седина. Он выглядел несколько более ухоженно, чем его сосед, который только молча наблюдал за происходящим. Этому было лет двадцать, он казался неотесанным и квадратным, высушенным на солнце.

Его улыбка была грязной, лицо – грубым. Непропорционально большие ладони и руки были покрыты густыми черными волосами. Человек в очках, посмеиваясь, записывал слова Марио в злую пародию на протокол.

Все это время Марио стоял прямо и невозмутимо.

Самозванный судья, наконец, совладал со смехом и жестом приказал умолкнуть остальным. Те, сделав над собой усилие, затихли.

– Ты мне нравишься, Марио Сифуэнтес. Мало кому удалось меня так насмешить, особенно в эти времена.

Он оперся локтями о стол и поставил подбородок на кулаки. На его губах играла ироническая улыбка, он пристально смотрел на Марио.

– Так вот, Марио Сифуэнтес, только от тебя зависит, выйдешь ли ты на свободу и вернешься ли ты домой к мамочке, чтобы та и дальше облизывала и баловала тебя. Нам нужна информация.

– Боюсь, что мало чем могу быть вам полезен.

– Ты уж постарайся и назови мне всех фашистов в этом твоём университете для богатеньких. Дай мне хотя бы три имени, и уже скоро ты будешь дома, примешь горячую ванну, твоя служанка приготовит тебе ароматного бульона, и ты заснешь в мягкой кровати на теплой перине, а завтра снова наденешь дорогой костюм и сорочку с накрахмаленным воротником. В противном же случае ты надолго останешься за решеткой, соседствуя с блохами и преступным отродьем, го-

товым трахнуть тебя, как только ты расслабишься. Будешь есть всякую дрянь, пахнуть дерьмом круглые сутки и ссать и срать на глазах у всех в общую парашу – то есть дырку в полу, и падающее дерьмо будет пачкать тебе штаны, пока ты не научишься попадать точно в цель. Ты будешь видеть мать раз в неделю не больше пятнадцати минут через густо забранную решетку, мамочка будет сама не своя от того, что происходит с ее сынишкой, и все это – только если будешь вести себя прилично, – он на мгновение умолк и немного наклонился вперед: – тебе решать.

Марио молча смотрел на него. Многие из его товарищей записались в Фалангу за последние месяцы, особенно в начале года, с приближением выборов. Одним из них был Фидель, который почти уговорил его сделать то же самое. Марио просто поленился лезть в политику: на носу были экзамены, отнимавшие все свободное время и не оставлявшие сил на бумажную волокиту. Он несколько раз ходил с Фиделем продавать газету La Fe на улице Алкала, прежде всего, чтобы поддержать друга в стычках с коммунистами, распространявшими El Mundo Obrero. Им нравилось напряженное ожидание, словесная перепалка, попытки перекричать и заткнуть соперников, и так до тех пор, пока какая-нибудь искра, какой-нибудь взгляд или случайный толчок не взрывали ситуацию и не начиналась драка. В ход шли кулаки и палки, а когда появлялась полиция, они бросались бежать и прятались в одном из кафе, облюбованных сторонниками CEDA

– там их охотно прятали.

Но Марио не мог назвать ничьих имен: он понимал, что этих людей убьют без дальнейших расспросов. Он не был готов жить с таким грузом на совести.

– Никто из тех, кого я знаю, не принадлежит к Фаланге.

Судья разочарованно вздохнул. Пожевал губы.

– Эх, Марио Сифуэнтес. Я думал, что говорю с умным человеком, но теперь вижу, что ты такой же, как все, ни черта не понимаешь. Ты уверен в этом? Ты еще можешь... – он на мгновение умолк и выжидающе посмотрел на Марио. Увидев, что тот опустил глаза в пол, протяжно вздохнул и продолжил: – Ты сделал свой выбор. Но прежде, чем мы расстанемся, я должен сказать тебе две вещи: во-первых, твой друг Фидель числится в списках членов Фаланги, там же есть еще десять человек, которые ходят на занятия вместе с тобой. И я хочу, чтобы ты знал: мне не нравится, когда мне врут. Во-вторых, я не пристрелю тебя прямо здесь и сейчас только потому, что кое-кто шепнул за тебя словечко. Кто-то, кому ты сильно дорог. Так что скажи спасибо, что у тебя есть друзья по эту сторону, только благодаря им ты и жив, – он на мгновение умолк. Затем опустил взгляд на свои ладони, словно перебарывая желание не отпускать Марио, и властным командным голосом крикнул: – Уберите его с глаз моих!

Марио почти не сопротивлялся. Его вывели и потащили обратно к месту заключения. Проходя по пустым коридорам, он почувствовал запах детства: пахло стирательными резин-

ками и красками. Но стоило открыть дверь в комнатушку, где его дожидались Фидель и Альберто, как оттуда шибануло ужасающей вонью, заставившей Марио отвернуться и скривиться в гримасе отвращения.

Его втолкнули внутрь и показали дулом маузера на Фиделя.

– Ты, на выход!

Друзья переглянулись. Марио увидел в глазах Фиделя страх. Он сжал плечо друга, и тот вышел из камеры.

Когда они остались вдвоем, Альберто принялся расспрашивать, что там было, но Марио отрешенно смотрел в стену и почти не слышал друга. У него болела голова, он чувствовал себя опустошенным. Затем, не вставая, медленно, словно у него впереди было все время мира, он начал рассказывать, как все прошло. Потом оба погрузились в тяжелую тишину, полную неуверенности и страшного ожидания неизвестности.

Марио посмотрел в окошко над головой. Вечерело. Прошло уже три дня, но о Фиделе не было никаких вестей. Альберто вывели на допрос через несколько часов после того, как увели Фиделя. Когда, спустя несколько часов, он вернулся в камеру, то походил не на человека, а на отбивную. Все его тело было покрыто синяками. Стоная от боли, он скорчился на коленях у Марио, не глядя ему в глаза и не произнося ни слова. Марио не нарушал тишины. Спустя некоторое время он почувствовал, что тело друга содрогается от пла-

ча. Марио глубоко вдохнул зловонный воздух камеры. Альберто проплакал очень долго, а друг поддерживал его своим молчанием. Они почти не разговаривали, на это не было сил. И чем больше часов проходило, тем меньше оставалось надежды выбраться в скором времени из крысиной дыры, в которую их загнали. Отдохнуть не получалось: спать приходилось на грязном и липком полу, все кости ломило. Дверь открывалась только по утрам, когда им разрешали по одному выйти в уборную. Из еды давали кусок черствого хлеба и темного цвета бульон с горохом. В первый день супчик показался им отвратительным, и они отказались его есть, но потом поняли, что по-другому не выжить, ведь непонятно было, сколько времени они проведут в заточении. Поэтому ели через силу и допивали жижу, зажав нос, не только потому, что сама она была омерзительная, но и из-за удушающего зловония вокруг, привыкнуть к которому было невозможно.

Пронзительный лязг замка вырвал их из привычной апатии. Кто-то пришел в неурочное время. Марио поднял голову. Он надеялся, что к ним, наконец, вернут Фиделя.

За дверью оказалось двое вооруженных мужчин, одетых в синие комбинезоны с военной портупеей.

– Господи, ну и вонища здесь!

Открытая дверь позволяла Марио и Альберто сделать глоток чуть более свежего воздуха.

– Неужели никто не позаботился о том, чтобы поддерживать здесь хоть какую-то чистоту?

– Мы – солдаты, а не уборщицы, – огрызнулся кто-то, остававшийся невидимым для Марио.

– Ладно, вытаскивайте их отсюда. Подлечите и приведите в относительно приличный вид перед переводом, чтобы никто не сказал, что мы не заботимся о задержанных. И дайте им чего-нибудь поесть и немного воды, а то вид у них такой, будто они ничего не ели несколько лет.

Марио показалось, что этот властный голос нисходит прямо с небес, это был прекраснейший голос в мире. Узники залпом выпили несколько стаканов воды, поели хлеба и шоколада. Им выдали штаны и рубашки, позволили умыться и побриться. Новая рубашка пахла потом, а на штанах были жирные пятна. Но Марио ничего не сказал: эта одежда все равно была лучше, чем его собственная, липкая от пота и грязи, которой была покрыта камера. Ему наконец-то перевязали руку, а Альберто обработали раны на лице. Этим занимались две женщины, одетые, как и все ополченцы, в комбинезоны с военной портупеей. Младшая из них взялась бинтовать руку Марио.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.